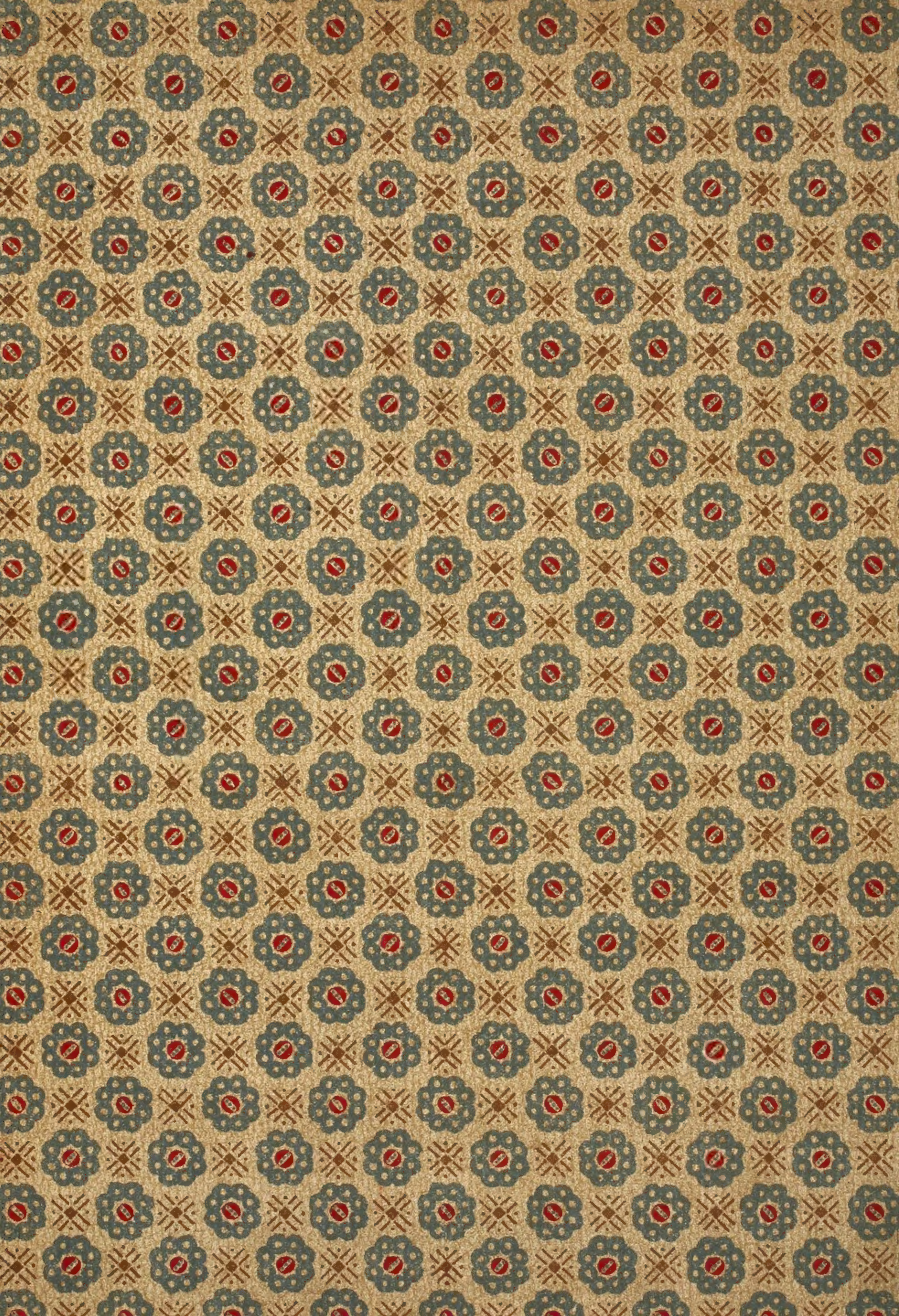
ДБ
30
М82

МОСКВА

ВЪ СВОЕМЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

П. Афанасьевъ.



МѠСКВА
ВЪ ЕѦ ПРѠШЛѠМЪ
И
NACTѠѦЩЕМЪ

Вып. 3

Петр Афанасьев.

МОСКВА

ВЪ ЕЯ ПРОШЛОМЪ и НАСТОЯЩЕМЪ.

ИЗДАНІИ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Проф. Д. Н. Анучинъ, Ю. И. Айхенвальдъ, д-ръ Н. Н. Баженовъ, С. К. Богоявленскій, пр.-доц. М. М. Богословскій, В. Я. Брюсовъ, П. Г. Васенко, акад. А. Н. Веселовскій, В. Е. Вѣтринскій, М. О. Гершензонъ, Ю. В. Готье, И. Э. Грабарь, пр.-доц. Н. В. Давыдовъ, А. К. Дживилеговъ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, В. Р. Зоммеръ, И. Н. Игнатовъ, В. В. Каллашъ, пр.-доц. А. А. Кизеветтеръ, пр.-доц. М. В. Клочковъ, С. А. Князьковъ, проф. Д. Г. Коноваловъ, проф. М. К. Любавскій, членъ Государственной Думы В. А. Маклаковъ, проф. А. А. Мануиловъ, С. П. Мельгуновъ, В. Г. Михайловскій, проф. С. А. Муромцевъ, В. В. Нечаевъ, А. П. Новицкій, проф. С. Ѳ. Платоновъ, В. И. Пичета, инж.-арх. В. И. Рубановъ, пр.-доц. П. Н. Сакулинъ, проф. М. Н. Сперанскій, пр.-доц. В. Н. Сторожевъ, кн. А. И. Сумбатовъ, Н. И. Тимковскій, директоръ Археол. инст. А. И. Успенскій, пр.-доц. С. К. Шамбинаго, П. М. Шестаковъ, проф. Е. Н. Щепкинъ, Н. Е. Эфросъ и м.др.

Роскошно-Иллюстрированное изданіе
Посвященное памяти историка Москвы **И. Е. ЗАБѢЛИНА.**

Московское Кн-издат. Товарищество
„Образованіе.“
1910

ТИПОГРАФІЯ
„Русскаго Товарищества“.
Москва, Мыльниковъ пер., с. д. Телеф. 18-35.

Часть вторая

I.

Изъ Евангелія Апрокосъ XII в.

Gravure Mezzotinto Bruckmann München

ДВОРЕЦЪ ВЪ С. АРХАНГЕЛЬСКОМЪ. ИМѢНІЕ ЮСУПОВЫХЪ.

Москва
ПРОШЛО И
НАСТОЯЩЕЕ

ΔBOЬEΠΡ BP C' ЧЬXVHLEUPCHOWP ЙWΦHIE ЮCΛUOBPIXP

Изъ Псалтыря Суздальскаго монастыря XVI в.

Общій видъ и внѣшній ростъ Москвы за XVI—XVII вѣка.

В. В. Нечаева.

Въ началѣ XVI в. Москва уже производила впечатлѣніе крупнаго города. Герберштейнъ говоритъ, что она—городъ довольно обширный и издали представляется еще обширнѣе, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, потому что въ ней много незастроенныхъ мѣстъ подъ садами и огородами; еще болѣе увеличиваютъ городъ облегающіе его поселки служилыхъ людей и ремесленниковъ. Сорокъ пять лѣтъ спустя послѣ вторичнаго пребыванія Герберштейна въ Россіи, въ 1571 г. Москва была опустошена страшнымъ пожаромъ во время нашествія крымской орды, но, несмотря на это, въ концѣ XVI в. Флетчеръ могъ констатировать, что Москва была въ то время немного болѣе Лондона. Городъ не успѣлъ еще обстроиться послѣ пожара 1571 г., какъ вновь былъ почти выженъ въ 1611 г., въ Смутное время. Слѣды разрушенія, произведеннаго этими двумя пожарами, долго не могли изгладиться, но Москва тѣмъ не менѣе продолжала производить попрежнему внушительное впечатлѣніе на посѣщавшихъ ее европейцевъ. Рейтенфельсъ, видѣвшій ее въ началѣ 70-хъ гг. XVII в., заявляетъ, что она славится «почти громаднѣйшими» размѣрами и должна быть отнесена къ числу величайшихъ городовъ на земномъ шарѣ.

Приведенные отзывы о Москвѣ важны уже потому, что они исходятъ отъ людей, подступавшихъ къ ней съ европейскимъ масштабомъ, и основаны на непосредственномъ впечатлѣніи. Но за XVI и XVII вв. мы обладаемъ и цифровыми данными, характеризующими размѣръ территоріи и населенность Москвы. Герберштейнъ со словъ москвитянъ сообщаетъ, что при вел. князѣ Василіи Ивановичѣ было переписано въ Москвѣ болѣе

41500 домовъ. Ту же цифру находимъ у Флетчера. Но Герберштейнъ сопровождаетъ свое сообщеніе оговоркою, что такое число домовъ едва ли вѣроятно. Во всякомъ случаѣ, грандіозный пожаръ 1571 г. долженъ былъ значительно понизить это число; и дѣйствительно, Поссевинъ насчитывалъ въ Москвѣ не болѣе 30 тыс. жителей. Въ теченіе XVII в. число московскихъ дворовъ должно было подвергаться значительнымъ колебаніямъ въ связи съ разореніемъ города въ Смутное время и усиленнымъ ростомъ населенія при первыхъ царяхъ изъ династіи Романовыхъ (по явно преувеличенному подсчету Рейтенфельса въ Москвѣ было болѣе 600 тыс. жителей). Отрывочныя статистическія данныя за этотъ вѣкъ не даютъ намъ возможности прослѣдить на протяженіи его исторію развитія Москвы, но итоги послѣдняго нашли себѣ вполнѣ точное выраженіе въ результатахъ переписи московскихъ дворовъ, произведенной въ 1701 г.: во всѣхъ частяхъ города было насчитано 16358 дворовъ.

Точныя свѣдѣнія о размѣрѣ городской территоріи восходятъ ко второй половинѣ XVI в. О пожарѣ 1571 г. Горсей и Флетчеръ говорятъ, что имъ былъ истребленъ почти весь городъ, имѣвшій до 30 верстъ въ окружности; Горсей при этомъ вполнѣ опредѣленно говоритъ о пожарѣ въ городѣ и предмѣстьяхъ, т. е. въ посадѣ и подгородныхъ слободахъ. Въ опредѣленіи размѣра площади Москвы сходится, въ сущности, съ англійскими писателями и Олеарій, который сообщаетъ, что, по словамъ московскихъ жителей, окружность лѣвобережной части города, до сожженія его татарами, равнялась 25 верстамъ или 5 нѣмецкимъ милямъ; размѣра замоскворѣцкихъ слободъ Олеарій не даетъ. Въ его время, т. е. въ 30-40-хъ гг. XVII в., городъ былъ почти вдвое меньше и имѣлъ по его разсчету,—причемъ Замоскворѣчье, очевидно, опять не принимается во вниманіе,—3 нѣмецкихъ мили или 15 верстъ въ окружности. Иначе опредѣляетъ размѣры Москвы Мейербергъ (1661 г.), по показанію котораго окружность Москвы равнялась съ одной стороны 12 тыс. саж., а съ другой, замоскворѣцкой,—7 тыс.; такъ какъ версту Мейербергъ принимаетъ равной 1000 саж., то выходитъ, что Москва имѣетъ у него до 38 верстъ въ окружности. Разницу между показаніями Олеарія и Мейерберга можно объяснить тѣмъ, что послѣдній принималъ въ разсчетъ не только Замоскворѣчье, но, по всей вѣроятности, и другія подгородныя слободы и села, которыя Олеарій не включаетъ въ составъ городской территоріи. Впрочемъ, и показаніе Мейерберга едва ли можетъ претендовать на безусловную точность: припомнимъ, что Камеръ-коллежскій валъ, охватившій (1752 г.) приблизительно ту самую территорію, какую Мейербергъ имѣетъ въ виду, простирается на 32 в. съ лишкомъ.

Въ 20-хъ гг. XVI в. территорія Москвы еще не имѣла, по словамъ Герберштейна, никакихъ опредѣленныхъ границъ. Каменная ограда окружала только московскую крѣпость—Кремль. Это исконное гнѣздо московскихъ властителей имѣло чрезвычайно важное значеніе не только для нихъ, но, порой, и для московскаго посада, жители котораго во время непріятельскихъ нашествій искали убѣжища въ стѣнахъ Кремля. Укрѣпленіе послѣдняго было тѣмъ болѣе настоятельной задачей для московскихъ вели-

кихъ князей, что они почти никогда не отваживались встрѣтить врага въ полѣ. Неудивительно поэтому, что уже въ 1367 г. на мѣстѣ прежней деревянной ограды былъ заложенъ каменный «городъ» (ограда) вокругъ Кремля. Этотъ городъ простоялъ до времени Ивана III, который воспользовался присутствіемъ въ Москвѣ итальянскихъ зодчихъ для того, чтобы замѣнить обветшавшія стѣны Кремля новыми, построенными по всѣмъ правиламъ европейской фортификаціи. Постройка совершилась въ 1485—1495 гг. Съ 1508 г., уже при сынѣ Ивана III Василіи, началось рытье рва вдоль восточной стѣны Кремля между Неглинной и Москвой-рѣкой и устройство плотинъ на Неглинной. Ровъ былъ наполненъ водою, и съ этого времени Кремль оказался стоящимъ какъ бы на островѣ: съ двухъ сторонъ его обтекали рѣки, съ третьей—отдѣлялъ отъ посада каналъ, величиною не

Терема отъ церкви спаса на Бору. Съ гравюры Fr. Dürfeld (1796 г.).

уступавшій рѣкѣ. Рва давно уже нѣтъ, Неглинная течетъ теперь въ подземной трубѣ, но построенныя при Иванѣ III стѣны съ ихъ башнями и стрѣльницами сохранились, хотя и въ значительно измѣненномъ видѣ, до нашихъ дней.

Значительно позже, чѣмъ Кремль, получила ограду торговая часть московскаго посада, примыкавшая къ Кремлю съ восточной стороны. Только въ 1534 г. она была обнесена земляннымъ городомъ, т. е насыпью, скрѣпленною оплетавшимъ ее хворостомъ. Но уже въ слѣдующемъ, 1535 г. было приступлено къ замѣнѣ насыпи каменною стѣною, которую строилъ итальянскій мастеръ Петрокъ Малый. Новый каменный городъ вокругъ торга получилъ названіе Китай-города *). Стѣна сохранилась до нашего времени

*) Значеніе этого имени представляется спорнымъ. Снегиревъ (Москва, т. I, стр. XVII) полагаетъ, что «къ наименованію его (города) Китаемъ давали поводъ, прозвища св. Андрея Боголюбскаго, кіевскій Китай и самая родина супруги великаго князя Василія IV Іоавновича Елены Kitay-

почти цѣликомъ: сломаны только ея части, ближайшія къ Кремлю, т. е. съ одной стороны часть, пересѣкавшая теперешній проѣздъ у Историческаго музея, съ другой, противоположной, часть, замыкавшая проѣздъ отъ Москворѣцкаго моста къ рядамъ и церкви Василія Блаженнаго. Кромѣ того, уже въ XIX в. разобрана часть стѣны на мѣстѣ Третьяковскаго проѣзда. Въ стѣнѣ было пять воротъ: Неглинныя или Воскресенскія, Срѣтенскія (Никольскія), Троицкія (Ильинскія), Всесвятскія (Варварскія) и Москворѣцкія (Спасскія-водяныя); изъ нихъ не существуютъ теперь только послѣднія. Передъ Воскресенскими воротами былъ мостъ черезъ р. Неглинную.

Вслѣдъ за Китаемъ, въ 1586—1593 гг. былъ построенъ укрѣпленный городъ вокругъ части посада, облегавшей Кремль и Китай съ запада, сѣвера и востока, на мѣстѣ прежняго земляного вала, тянувшагося по линіи теперешнихъ бульваровъ. Строителемъ былъ русскій мастеръ Ѳедоръ Конь. Воздвигнутый имъ бѣлокаменный городъ былъ прозванъ Бѣлымъ или Царевымъ (у иностранцевъ, писавшихъ о Россіи, Царь-городъ); онъ далъ имя и той части посада, которую онъ опоясывалъ. Бѣлый городъ имѣлъ ворота: Чертольскія, переименованныя при Алексѣѣ Михайловичѣ въ Пречистенскія, Арбатскія, Никитскія, Тверскія, Дмитровскія, Петровскія или Неглинныя на Трубѣ, Срѣтенскія, Фроловскія или Мясницкія, Покровскія и Яузскія. Всѣ эти ворота показаны на планахъ Москвы XVII в., и память о нихъ сохранилась въ названіяхъ теперешнихъ площадей и перекрестковъ между бульварами. Въ части стѣны, примыкавшей съ запада къ Кремлю, были еще ворота Всесвятскія, показанныя только на планѣ Мичурина 1739 г.; о нихъ напоминаетъ въ наше время Всесвятская улица, ведущая къ Каменному мосту. Рейтенфельсъ, видѣвшій Бѣлый городъ въ 70-хъ гг. XVII в., говоритъ, что это была бѣлая, высочайшая и толстѣйшая стѣна. Она простояла до времени Екатерины II, по указу которой была разобрана; послѣдней была снесена въ 1792 г. башня у Арбатскихъ воротъ.

Въ 1591 г. была построена еще стѣна, опоясавшая московскій посадъ по линіи теперешнихъ Садовыхъ и улицъ, служащихъ продолженіемъ послѣднихъ въ Замоскворѣчьѣ. Стѣна была деревянная, имѣла высокія башни и ворота, соотвѣтствовавшія воротамъ Бѣлаго города и носившія тѣ же названія (Яузскія ворота назывались также Таганскими); не было только воротъ Фроловскихъ. Въ Замоскворѣчьѣ были ворота Калужскія и Серпуховскія. Вслѣдствіе необычайной скорости постройки стѣна, а по ней и опоясанная ею часть Москвы прозвалась Скородомомъ или Скородумомъ, т. е. городомъ, скоро задуманнымъ и скоро построеннымъ. Въ 1611 г. стѣна была уничтожена пожаромъ. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ на мѣстѣ ея былъ устроенъ земляной валъ со рвомъ, и на валу поставленъ острогъ или частоколъ изъ бревенъ. Это сооруженіе стало называться Землянымъ городомъ.

---

grad, Kitaygrod въ подольскомъ воеводствѣ». Забѣлинъ (Опыты изученія русск. древностей и исторіи, ч. II, стр. 155 пр.) сближаетъ имя *Китай* со словомъ *китъ* или *кита*, которымъ называется веревка, свитая изъ травы, соломы или хвороста, и думаетъ, что этимъ именемъ ограда торговаго посада обязана своему первоначальному устройству.

Gravure Mezzotinto Bruckmann Munchen.

ПАРКЪ ВЪ С. АРХАНГЕЛЬСКОМЪ. ИМѢНІЕ ЮСУПОВЫХЪ.

Москва
въ ея
прошломъ
и
настоящемъ

одной стороны часть, пересѣкавшая теперешній проѣздъ у Историческаго музея, съ другой, противоположной, часть, замыкавшая проѣздъ отъ Москворѣцкаго моста къ рядамъ и церкви Василія Блаженнаго. Кромѣ того, уже въ XIX в. разобрана часть стѣны на мѣстѣ Третьяковскаго проѣзда. Въ стѣнѣ было пять воротъ: Неглинныя или [illegible], Срѣтенскія (Никольскія), Троицкія (Ильинскія), Всесвятскія [illegible] и Москворѣцкія (Спасскія водяныя), изъ нихъ не существуетъ [illegible]. Передъ Воскресенскими воротами былъ мостъ [illegible].

[illegible] въ 1586—1593 гг. [illegible] части посада, облегавшей Кремль [illegible], на мѣстѣ прежняго земляного вала [illegible] теперешнихъ бульваровъ. Строителемъ былъ русскій мастеръ [illegible]. Воздвигнутый имъ бѣлокаменный городъ былъ прозванъ Бѣлымъ или Царевымъ (у иностранцевъ, писавшихъ о Россіи, Царь-городъ), онъ далъ имя и той части посада, которую онъ опоясывалъ. Бѣлый городъ имѣлъ ворота: [illegible], переименованныя при Алексѣѣ Михайловичѣ [illegible], Тверскія, Дмитровскія, [illegible], Срѣтенскія, Фроловскія или [illegible]

[illegible]

[illegible] Бѣлый городъ [illegible] и толстѣ[illegible] стѣна. [illegible] которой была разобрана [illegible] батскихъ воротъ.

Въ 1591 г. [illegible] ѣна, опоя[illegible] по линіи теперешнихъ [illegible], служащихъ [illegible] въ Замоскворѣчьи [illegible] деревянная, [illegible], соотвѣтствовавшихъ воротамъ Бѣлаго города [illegible] (Яузскія ворота назывались также Таганскими [illegible] Фроловскихъ. Въ Замоскворѣчьи были [illegible]. Вслѣдствіе необычайной скорости [illegible] опоясанная ею часть Москвы прозывалась Скородомомъ, т. е. городомъ, скоро заселеннымъ и [illegible] стѣна была уничтожена пожаромъ. При Михаилѣ [illegible] былъ устроенъ земляной валъ съ [illegible] частоколъ изъ бревенъ. Это [illegible] родомъ.

Такъ были постепенно отмѣчены стѣнами основныя линіи на планѣ Москвы. Но даже крайняя изъ этихъ линій не фиксировала окончательно границъ городской территоріи, которая продолжала расти за чертою Скородома. Мало того,—внѣ его стѣны, въ самый моментъ ея закладки, осталось нѣсколько поселеній, тяготѣвшихъ къ Москвѣ и сливавшихся съ нею въ бытовомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что сооруженіе стѣнъ диктовалось соображеніями, которыя почти не считались съ интересами городского быта. *Городъ* имѣлъ по преимуществу военное значеніе; это была линія укрѣпленій, постройка которой вызывалась потребностями обороны. Укрѣплялись стѣнами тѣ части Москвы, которыя въ данное время наиболѣе нуждались въ защитѣ отъ внѣшнихъ враговъ. Если Скородомъ не охватилъ всѣхъ поселеній, примыкавшихъ къ московскому посаду, то это нужно объяснить тѣмъ, что въ виду малой компактности нѣкоторыхъ изъ нихъ оборона ихъ во время сооруженія стѣны не признавалась очередною задачей. Съ теченіемъ времени, въ связи съ удаленіемъ отъ Москвы границъ государства, линіи московскихъ укрѣпленій потеряли значеніе, и городская территорія продолжала расти, уже не замыкаясь въ ограды.

Красная площадь.

Мы видѣли, что Герберштейнъ объяснялъ впечатлѣніе обширности, производимое Москвою, разбросанностью городского поселенія, множествомъ садовъ и незастроенныхъ площадей среди городскихъ построекъ. Вслѣдъ за Герберштейномъ эту особенность Москвы отмѣтили и другіе иностранцы, писавшіе о Россіи. Несомнѣнно, что обиліемъ растительности въ значительной степени обусловливалась своеобразная красота панорамы Москвы, видимой издали. Постройки терялись среди садовъ, надъ которыми тамъ и сямъ возвышались главы множества церквей, а въ самомъ центрѣ картины красовался Кремль, представлявшійся въ тогдашней обстановкѣ гораздо болѣе грандіознымъ, чѣмъ въ наше время. Но при ближайшемъ ознакомленіи съ Москвою впечатлѣніе рѣзко измѣнялось. Спутники Олеарія говорили: «снаружи городъ кажется Іерусалимомъ, а внутри онъ точно Виѳлеемъ», — Москва поражала европейцевъ своимъ деревенскимъ убожествомъ. Дѣйствительно, Москва была деревня громаднаго размѣра, хранившая въ своихъ стѣнахъ всѣ особенности великорусской деревни съ ея пренебрежительнымъ отношеніемъ къ удобствамъ жизни, съ ея почти органическимъ отвращеніемъ къ внѣшнему благоустройству.

Городъ былъ почти сплошь деревянный. Въ началѣ XVI в. каменныя постройки были наперечетъ: это были, кромѣ церквей въ Кремлѣ и на посадѣ,—послѣднихъ насчитывалось не больше 10-15, — палаты вел. князя и митрополита и четыре дома частныхъ лицъ въ Кремлѣ. Правда, въ теченіе XVI в. и особенно въ XVII в. каменное строительство, главнымъ образомъ церковное, сдѣлало большіе успѣхи. Рейтенфельсъ говоритъ, что

церкви въ Москвѣ, которыхъ онъ насчитываетъ до двухъ тысячъ, почти всѣ каменныя. Въ его время попадалось немало и каменныхъ домовъ, принадлежавшихъ боярамъ и иноземцамъ, не говоря уже о помѣщеніяхъ правительственныхъ учрежденій. Но все же до самаго конца XVII в. громадное большинство городскихъ построекъ было изъ дерева, и преобладающимъ архитектурнымъ типомъ была изба. Такой домъ-изба обыкновенно стоялъ во дворѣ, иногда очень просторномъ, къ которому примыкалъ садъ или, вѣрнѣе, огородъ съ нѣсколькими фруктовыми деревьями. Этого типа жилья москвичи держались съ поразительнымъ, на нашъ взглядъ, упорствомъ, несмотря на страшные пожары, постоянно опустошавшіе деревянный городъ. Въ этомъ случаѣ сказывалась, конечно, присущая русскимъ и въ наше время косность, обусловленная отсутствіемъ потребностей, воспитываемыхъ культурой, но не слѣдуетъ забывать и того, что дерево все же было наиболѣе дешевымъ и сподручнымъ строительнымъ матеріаломъ: къ услугамъ погорѣльцевъ всегда были на лѣсномъ рынкѣ вполнѣ готовые, срубленные дома, которые стоило только перевезти на погорѣлыя мѣста, чтобы обезпечить себя жильемъ до новаго пожара.

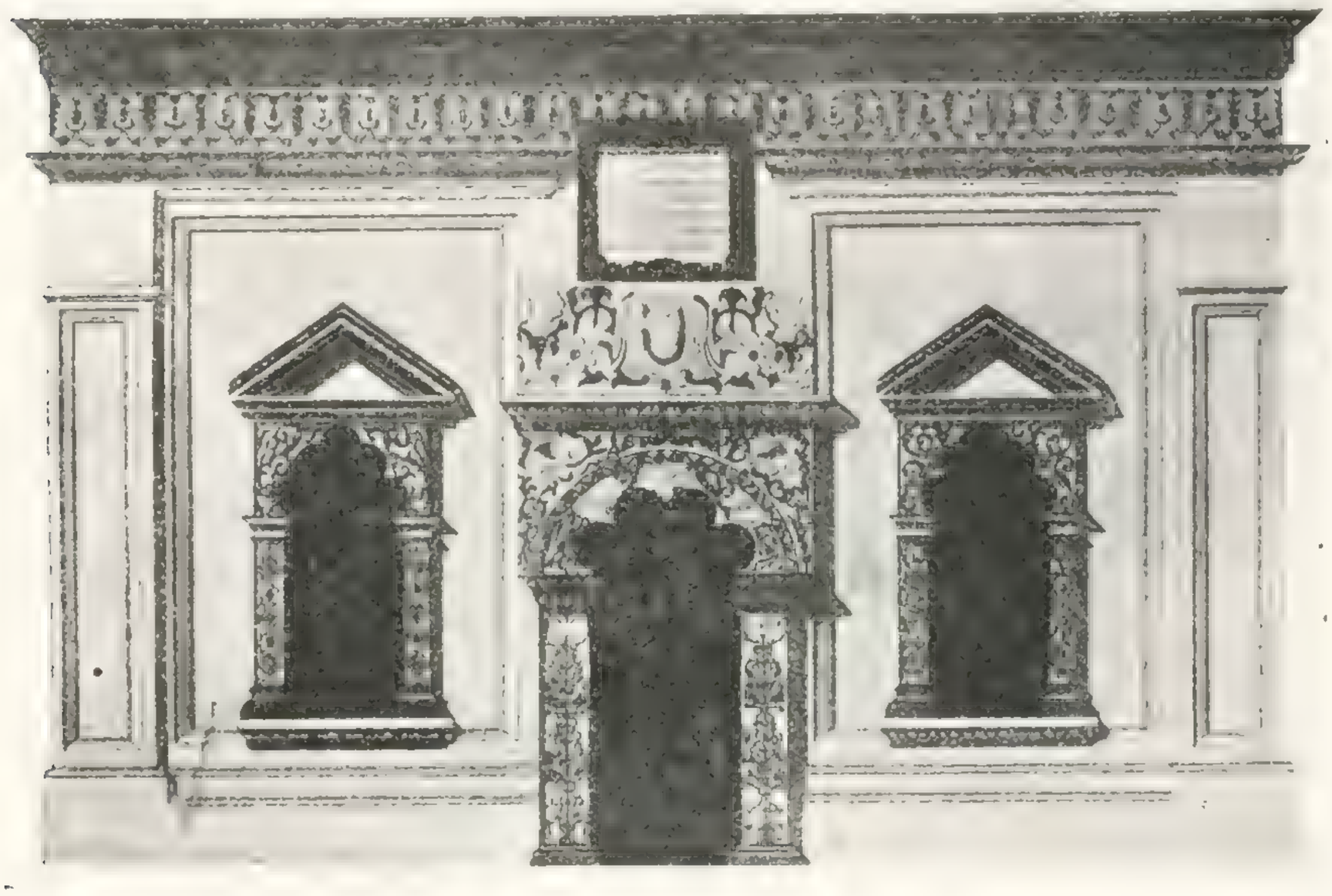
При размѣщеніи домовъ по улицамъ домовладѣльцы соображались только со своимъ вкусомъ или собственнымъ удобствомъ: всякій строился, гдѣ ему было сподручнѣе. Не рѣдкостью были дома, перегораживавшіе улицу своими углами, стоявшіе, какъ говорилось, «на вымлѣ», какъ бы на выступѣ. Проѣзды между домами поэтому имѣли обыкновенно самое прихотливое направленіе, которое къ тому же часто измѣнялось послѣ пожаровъ, при возобновленіи построекъ на выгорѣвшихъ улицахъ. Время отъ времени правительство пыталось регулировать московскія улицы, но эти попытки дѣлались безъ всякой системы и потому мало отражались на общемъ характерѣ городскихъ проѣздовъ. При Иванѣ III, около 1500 г., впервые были проведены двѣ болѣе или менѣе прямыя улицы въ Кремлѣ отъ Фроловскихъ и Никольскихъ воротъ къ соборамъ. При Ѳедорѣ Ивановичѣ были установлены размѣры проѣздовъ въ Кремлѣ и Китай-городѣ, но послѣ пожара 1611 г. эти проѣзды оказались настолько застроенными, что правительство въ 1626 г. должно было вновь приступить къ обмѣру и регулированію ихъ. Вообще, болѣе или менѣе постояннымъ направленіемъ и извѣстною шириной обладали только улицы, соединявшія центръ съ окраинами и служившія цѣлямъ междугороднаго сообщенія. Всѣ же остальныя улицы подвергались постояннымъ измѣненіямъ, и преобладающимъ типомъ проѣздовъ были кривоколѣнные переулки съ тупиками, ставшіе настолько хроническою особенностью плана Москвы, что выпрямленіе ихъ и въ наше время является задачей, еще ожидающей своего разрѣшенія.

О замощеніи городскихъ проѣздовъ заботились мало, и невылазная грязь на улицахъ была обычнымъ явленіемъ. Были, впрочемъ, и «мостовыя» улицы, замощенныя бревнами, иногда очень тонкими (кольями, по выраженію Рейтенфельса), которыя укладывались болѣе или менѣе плотно въ рядъ поперекъ проѣзда. Такія мостовыя до сихъ поръ можно видѣть въ болотистыхъ мѣстностяхъ на проселочныхъ дорогахъ. Въ Москвѣ эти мостовыя улицы едва ли были сноснѣе незамощенныхъ,—Рейтенфельсъ пишетъ,

что онѣ «постоянно покрыты грязью или толстымъ слоемъ пыли и бываютъ довольно гладки лишь зимою, когда снѣгъ и ледъ сравняютъ все». Улицы, по которымъ совершались обычныя поѣздки царя, устилались досками поверхъ бревенчатой мостовой.

Такое состояніе московскихъ улицъ обусловливалось въ значительной степени характеромъ мѣстности, на которой строилась Москва. О нивелировкѣ и дренажѣ населеніе старой Москвы не заботилось.. Вырубался постепенно лѣсъ, покрывавшій территорію, на которой разрастался городъ, но самый рельефъ ея оставался нетронутымъ, благодаря чему сохранялись въ неприкосновенности всѣ связанныя съ послѣднимъ особенности мѣстности.

Существенной чертой облика старой Москвы было обиліе церквей. Мы видѣли, что Рейтенфельсъ насчитывалъ ихъ до двухъ тысячъ. Олеарій



Деталь стѣны теремовъ (верхъ).

утверждаетъ, что, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, въ 1653 г. въ Москвѣ было болѣе 2000 церквей, монастырей и часовенъ; на этой цифрѣ онъ настаиваетъ во второмъ изданіи своей книги о Московіи въ виду того, что, когда въ первомъ изданіи имъ была показана меньшая цифра, 1500, онъ уже былъ заподозрѣнъ въ преувеличеніи. Изъ словъ Олеарія, впрочемъ, видно, что онъ включилъ въ счетъ и всѣ домовыя церкви—или часовни, какъ онъ ихъ называетъ,—которыхъ было такъ много, что по одной приходилось на каждые пять домовъ; возможно, что именно эти церкви такъ повысили общій итогъ. Архидіаконъ Павелъ Алеппскій (1655 г.) пишетъ, имѣя въ виду, вѣроятно, только приходскія церкви, что «въ Москвѣ есть церкви въ честь святыхъ и праздниковъ на цѣлый годъ, бываетъ даже болѣе (одного праздника въ день)»,—слѣд. насчитываетъ болѣе 365 церквей. Эта цифра, надо полагать, близка къ дѣйствительности. Въ 1604 г. приходскіе попы, а въ лицѣ ихъ церкви, были распредѣлены по *сорокамъ,* и всѣхъ со-

роковъ установлено восемь,—значитъ, приходскихъ церквей считалось 320. Въ приходныхъ книгахъ Патріаршаго приказа, составленныхъ въ 1627 г. и 1626 г. послѣ пожаровъ Смутнаго времени, показано въ Москвѣ за исключеніемъ Кремля 196 церквей. Въ дѣлахъ того же приказа 1670 г. однѣхъ ружныхъ церквей въ Москвѣ уже насчитывается 248. Изъ сопоставленія этихъ данныхъ видно, что хотя число московскихъ церквей и колебалось, все же оно было постоянно очень крупнымъ.

Среди громадной деревни, которую красили только церкви да сады, рѣзко выдѣлялся своею нарядною внѣшностью возвышавшійся на окраинѣ центральнаго московскаго холма Кремль. Это впечатлѣніе значительно усиливала бросавшаяся въ глаза изолированность Кремля, окруженнаго со всѣхъ сторонъ водою и эспланадами. Противъ южной кремлевской стѣны за Москвою-рѣкой разстилалась обширная площадь, устроенная Иваномъ III, которымъ былъ разведенъ здѣсь садъ, существовавшій до конца XVII в. подъ именемъ Царицына луга. Такая же эспланада тянулась по правому берегу Неглинной. Очищая, въ интересахъ обороны, мѣстность подъ стѣнами Кремля, Иванъ III не остановился даже передъ разрушеніемъ многихъ церквей и уничтоженіемъ кладбищъ, чѣмъ навлекъ на себя сильное нареканіе со стороны духовенства. Съ востока Кремль отдѣляла отъ посада Красная площадь, прорѣзанная вдоль кремлевской стѣны рвомъ, наполненнымъ водою. Ровъ былъ выложенъ бѣлымъ камнемъ и кирпичомъ и обнесенъ съ обѣихъ сторонъ стѣнками съ зубцами; глубина рва была 4-6 саж., ширина на днѣ 14-16 саж., вверху—17 саж. На р. Неглинной были устроены плотины и пруды, послѣдній изъ которыхъ соединялся съ Москвой-рѣкой каналомъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ устья самой рѣчки. На Неглинной стояли водяныя мельницы.

Что касается кремлевской стѣны, то видъ ея въ XVI и XVII вв. былъ значительно иной, чѣмъ въ наше время. Стѣна имѣла деревянную кровлю на два ската и была уставлена пушками. Облицовка стѣны много разъ мѣнялась, такъ что до нашихъ дней сохранилась нетронутой только внутренняя каменная толща, сложенная еще при Иванѣ III. Въ стѣнѣ было пять воротъ: *Боровицкія*, *Ризположенскія* или *Куретныя*, *Никольскія*, *Фроловскія* и *Константиновскія* или *Константино-Еленскія*. Всѣ они, за исключеніемъ Боровицкихъ, обязаны своими именами церквамъ, находившимся въ ихъ сосѣдствѣ или вообще имѣвшимъ къ нимъ какое-нибудь отношеніе. Никольскія ворота получили свое прозваніе отъ церкви Николы Стараго въ монастырѣ на Никольской (теперь греческій монастырь), Константиновскія—отъ церкви Константина и Елены, стоявшей какъ разъ противъ нихъ на подолѣ Кремля, Ризположенскія отъ церкви Ризположенія, которая была въ Бѣломъ городѣ близъ Арбатскихъ воротъ и въ древности стояла, вѣроятно, на прямомъ пути изъ Кремля; Куретными Ризположенскія ворота прозывались нѣкоторое время въ XVII в. по сосѣднимъ Куретнымъ воротамъ царскаго двора. Фроловскимъ воротамъ дала имя, вѣроятно, церковь Флора и Лавра у Мясницкихъ воротъ, въ тогдашней слободѣ *Мясникахъ*, стоявшая на Фроловской улицѣ, сообщавшейся съ Кремлемъ посредствомъ Ильинской улицы Китая-города. Въ 1658 г. царь Але-

Государственная Третьяковская Галерея

В. И. Суриковъ.

БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА.

Картина находится въ Третьяковской Галлереѣ въ Москвѣ.

Москва
ея
прошлое
и
настоящее

ДОЛЬНИКЪ ЛОБОЗОВА.

ксѣй Михайловичъ велѣлъ переименовать кремлевскія ворота и называть Боровицкія *Предтеченскими,* Ризположенскія—*Троицкими*, Фроловскія—*Спасскими;* вопреки царскому указу Боровицкія ворота, однако, сохранили свое имя до нашего времени. Константиновскія ворота теперь заложены. Въ XVI в. кремлевскія ворота не имѣли высокихъ башенъ, украшающихъ ихъ теперь, и представляли изъ себя четвероугольныя сооруженія очень простого вида. На Фроловскихъ и Ризположенскихъ воротахъ башни были построены въ XVII в.; башня Фроловскихъ воротъ была сооружена въ 1624—1625 гг. англичаниномъ Христоформъ Галовеемъ, устроившимъ въ ней часы съ боемъ. Къ Фроловскимъ-Спасскимъ, Троицкимъ, Константиновскимъ и Никольскимъ воротамъ вели со стороны посада каменные мосты. Мостъ у Троицкихъ воротъ, который при разведеніи Александровскаго сада былъ замѣненъ аркою въ стилѣ того времени, недавно реставрированъ приблизительно точно въ первоначальномъ видѣ. Круглое сооруженіе передъ этимъ мостомъ, имѣвшее нѣкогда наченіе предмостнаго укрѣпленія, tête de pont, называется *Кутафьей.* Въ отводной башнѣ Константиновскихъ воротъ, *пыточной,* помѣщался застѣнокъ. Въ каждыхъ воротахъ, по словамъ Павла Алеппскаго, было нѣсколько дверей изъ чистаго желѣза, а по срединѣ была еще рѣшетчатая желѣзная же дверь, которая опускалась и поднималась посредствомъ машины. Кромѣ перечисленныхъ воротъ общаго пользованія въ башнѣ, стоящей противъ церкви Благовѣщенія на Житномъ дворѣ, были еще ворота, служившія исключительно потребностямъ дворцового обихода,—*Портомойныя* (въ XVII в. называвшіяся также *Благовѣщенскими*), черезъ которыя вывозилось для стирки на Москву-рѣку царское бѣлье. Спеціальное назначеніе имѣли также ворота въ *Тайницкой* башнѣ, устроенныя для доставки воды въ Кремль, почему онѣ назывались въ XV в. *Водяными.* Подъ этой башней былъ выведенъ къ рѣкѣ тайный подземный ходъ

Деталь Потѣшнаго дворца.

или тайникъ, которому она обязана своимъ именемъ. Подобные же тайники были подъ наугольными башнями—*Свибловой,* теперь *Водовзводной,* занимающей уголъ стѣны, обращенный къ Каменному мосту, и *Собакиной* надъ Неглинной, противъ зданія Историческаго музея. Третья угольная башня, у Москворѣцкаго моста, называлась *Беклемишевской.* Старыя названія остальныхъ кремлевскихъ башенъ или стрѣльницъ не сохранились до нашего времени, кромѣ названія небольшой *Царской* башенки рядомъ со Спасскими воротами, въ которой помѣщался набатный колоколъ.

Въ XVII в. кремлевскія стѣны оказались значительно обветшавшими. Къ концу царствованія Михаила Ѳедоровича онѣ, какъ видно изъ составленнаго въ 1646—1647 гг. описанія ихъ, во многихъ мѣстахъ осѣли, а своды въ башняхъ грозили разрушеніемъ. Было приступлено къ ремонту стѣнъ, но онъ очень затянулся, а между тѣмъ, по свидѣтельству Павла Алеппскаго, вода кремлевскихъ рвовъ и Москвы-рѣки продолжала подмывать стѣны, которыя то и дѣло разрушались, и ихъ приходилось возводить вновь. Ремонтъ былъ законченъ только въ 1680 г., когда для замаскированія разныхъ поправокъ, пестрившихъ стѣну, было указано выбѣлить ее известью.

Стѣны Кремля, построенныя, по опредѣленію Герберштейна, на италійскій ладъ, имѣли видъ европейскаго сооруженія. Не таково было впечатлѣніе, производимое постройками, наполнявшими Кремль въ XVI—XVII вв. Это былъ цѣлый городокъ, густо заселенный и густо застроенный, представлявшій смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ типовъ построекъ. Здѣсь были дворцовыя зданія, — часть которыхъ была построена тоже на «италійскій ладъ», — хоромы главы русской церкви — митрополита, потомъ патріарха, приказы, боярскіе дворы, дома кремлевскаго духовенства, соборы, приходскія и домовыя церкви, монастыри и монастырскія подворья. Всякій строился, какъ могъ и хотѣлъ: показное великолѣпіе царскихъ хоромъ уживалось здѣсь почти бокъ о бокъ съ деревенской непритязательностью боярскихъ усадебъ и деревенскимъ убожествомъ поповскихъ дворовъ. Постройки были мѣстами чрезвычайно скучены, и оріентироваться въ тогдашнемъ Кремлѣ было несовсѣмъ легко.

Площадь Кремля имѣетъ видъ треугольника, углы котораго отмѣчены башнями: Собакиной (сѣв.-восточный уголъ, надъ Неглинной), Беклемишевской (юго-вост. уголъ) и Свибловой (юго-зап. уголъ). Вдоль стѣны Кремля внутри его проходила улица отъ Свибловой башни до Никольскихъ воротъ. Въ южной части кремлевскаго треугольника, между наугольными башнями Свибловой и Беклемишевской, она шла по низменности, кремлевскому *подолу*, продолженіемъ котораго по ту сторону стѣны былъ низкій берегъ Москвы-рѣки. Площадь возвышавшагося надъ подоломъ кремлевскаго холма тоже имѣла треугольную форму. У Боровицкихъ воротъ холмъ оканчивался крутымъ оврагомъ, который былъ срѣзанъ только въ 1847 г. при планировкѣ мѣстности передъ новымъ кремлевскимъ дворцомъ, а на противоположной сторонѣ образовывалъ нѣкогда пологій скатъ, съ теченіемъ времени покрытый искусственной насыпью, занятой постройками. На срединѣ кремлевскаго холма, почти на равномъ разстояніи отъ Боровицкихъ воротъ и

Константиновской башни, находится площадь, въ центрѣ которой стоитъ Иванъ Великій. Эта площадь была какъ разъ на границѣ между царскимъ дворомъ и соборами, съ одной стороны, и восточной частью Кремля, заселенной преимущественно боярами и кремлевскимъ духовенствомъ, — съ другой. Къ югу отъ центральной площади, тоже на границѣ этихъ двухъ частей Кремля, помѣщались съ конца XVI в. приказы.

Дворъ великаго князя занималъ уже въ началѣ XVI в. всю мѣстность между Боровицкими воротами и соборами. Здѣсь при Иванѣ III были частью возведены, частью заложены постройки, окружавшія со всѣхъ сторонъ внутренній дворъ, на которомъ стояла древняя церковь Спасъ-Преображеніе *на бору*. Со стороны Боровицкихъ воротъ эти постройки были отгорожены стѣной отъ помѣщавшагося въ углу у воротъ конюшеннаго двора великаго князя, *аргамачьихъ конюшенъ*. Со стороны рѣки на горѣ также была построена стѣна до самыхъ Боровицкихъ воротъ, примыкавшая къ церкви Іоанна Предтечи, стоявшей на самомъ взгорьѣ (эта церковь снесена въ 1847 г.). Василій Ивановичъ докончилъ постройку той части хоромъ, которая сохранилась до нашего времени въ видѣ нижнихъ этажей теремнаго дворца. Всѣ дворцовыя зданія, построенныя при Иванѣ III, были каменныя. Иванъ IV построилъ въ 1561 г. для своихъ дѣтей деревянныя хоромы съ церковью Срѣтенья на склонѣ кремлевскаго холма, «на взрубѣ», т. е. деревянныхъ, наполненныхъ землею срубахъ, прислоненныхъ къ горѣ. На мѣстѣ этого взруба царь Борисъ Годуновъ выстроилъ каменныя палаты, заслонявшія холмъ до самаго верха, длиною въ 50 саж., а на палатахъ поставилъ деревянный дворецъ. Этотъ дворецъ былъ разрушенъ Самозванцемъ, который въ свою очередь на томъ же мѣстѣ построилъ для себя деревянныя хоромы, сгорѣвшія при царѣ Михаилѣ. Впослѣдствіи вмѣсто хоромъ на годуновскихъ каменныхъ палатахъ былъ устроенъ набережный дворцовый садъ, вѣроятно, около 1633 г., когда была проведена во дворецъ вода изъ Москвы-рѣки. Въ XVII же в. построены были палаты для царевича Алексѣя Михайловича (теремный дворецъ), Потѣшный дворецъ за конюшеннымъ дворомъ, у стѣны между Боровицкими и Троицкими воротами, и, въ самомъ концѣ вѣка, хоромы царевенъ.

В. Васнецовъ. Площадь въ Кремлѣ.

Дворцовыя зданія примыкали съ запада къ соборной площади. Соборы Успенскій и Благовѣщенскій были построены при Иванѣ III въ XV в., Архангельскій соборъ былъ построенъ въ 1508 г. одновременно съ колокольней, которая стала прозываться Иваномъ Святымъ, потому что въ ней помѣщалась церковь во имя Іоанна Лѣствичника. На мѣстѣ этой колокольни, имѣвшей видъ столпа, Борисъ Годуновъ въ 1600 г. выстроилъ еще болѣе высокій «столпъ», прозвавшійся Иваномъ Великимъ; по всей вѣроятности, эта колокольня играла роль дозорной башни. Рядомъ съ Ивановскимъ столпомъ въ 1543 г. было выстроено зданіе типа древнерусскихъ стѣнообразныхъ колоколенъ съ помѣщеніемъ для большихъ колоколовъ и съ церковью Воскресенія, а патріархъ Филаретъ Никитичъ пристроилъ къ этому зданію еще четвероугольную башню съ шатровымъ верхомъ, по которой все зданіе стало называться Филаретовской пристройкой. Царь Михаилъ выстроилъ близъ Ивана Великаго деревянную колокольню для колокола громадныхъ размѣровъ, который былъ жертвою нѣсколькихъ несчастныхъ случаевъ и претерпѣлъ много измѣненій, пока, наконецъ, не превратился въ «Царь-колоколъ».

За Успенскимъ соборомъ, къ сѣверу отъ него, помѣщался митрополичій, потомъ патріаршій дворъ. Въ концѣ XVI в., кромѣ жилыхъ построекъ и службъ, на немъ были три церкви. Патріархъ Никонъ построилъ себѣ новыя хоромы и при нихъ церковь во имя ап. Филиппа (теперь — 12 апостоловъ); при Никонѣ же границы патріаршихъ владѣній были значительно расширены въ сторону улицы, проходившей отъ Троицкихъ воротъ въ мѣстности, отчасти занятой въ настоящее время кремлевскими казармами. Старыя постройки составляютъ часть синодальнаго дома, стоящаго теперь на мѣстѣ патріаршаго двора.

Ивановскій столпъ и Архангельскій соборъ стояли на западной окраинѣ *Ивановской площади*, замыкавшейся съ юга зданіемъ приказовъ. Постройка приказовъ началась въ 1565 г., когда была сооружена одна посольская палата, и закончилась, послѣ долгаго перерыва, только при царѣ Борисѣ Годуновѣ. Зданіе было выстроено покоемъ, открытая сторона котораго была обращена къ Архангельскому собору. Къ концу XVII в. оно оказалось чрезвычайно обветшавшимъ и было замѣнено новымъ, гораздо болѣе обширнымъ, построеннымъ въ 1675 — 1680 гг. Черезъ дворъ этого зданія проходила улица, спускавшаяся къ Тайницкимъ воротамъ.

Ивановская площадь соединялась со Спасскими и Никольскими воротами улицами *Спасской* и *Никольской*; послѣднюю пересѣкала *Троицкая* улица, начинавшаяся отъ Троицкихъ воротъ, за *Никольскимъ крестцомъ*, мѣстомъ встрѣчи ея съ Никольской, круто загибавшаяся и почти параллельно Спасской доходившая, подъ именемъ *Чудовской* улицы, до кремлевской стѣны близъ Спасскихъ воротъ. Эти три улицы были главными артеріями восточной и сѣверо-восточной части Кремля.

По лѣвой сторонѣ Спасской улицы, въ самомъ началѣ ея, стоялъ Чудовъ монастырь. Далѣе за монастыремъ были два боярскіе двора съ церквами, одна изъ которыхъ, Ховринская, прозывавшаяся такъ по имени владѣльца двора въ XV в. Ховрина, простояла до начала XIX в. Оба двора въ XVII в.

ДЕРЖАВА ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЩИТЪ.
СКИПЕТРЪ БОЛЬШОГО НАРЯДА.

Рис. Акад. Ѳ. Солнцева.

Москва
въ ея
прошломъ
и настоящемъ

Дворцовыя зданія примыкали съ запада къ соборной площади. Соборы Успенскій и Благовѣщенскій были [illegible] при Иванѣ III въ XV в., Архангельскій соборъ былъ [illegible] одновременно съ колокольней, которая стала прозываться [illegible], потому что въ ней помѣщалась церковь во имя Іоанна [illegible] колокольни, имѣвшей видъ столпа, Борисъ Год[illegible] высокій [illegible], прозвавшійся [illegible] эта колокольня играла роль дозорной [illegible] [illegible] Воскр[illegible] [illegible] стало [illegible] [illegible] размѣровъ, которые [illegible] претерпѣла много [illegible]

За Успенскимъ [illegible] [illegible] строенъ [illegible] [illegible] дворца.

[illegible] Архангельскимъ соборомъ стояла на западной сторонѣ *Ив*[illegible] соединявшейся съ юга зданіемъ приказовъ. Постройка [illegible] была сооружена одна посольская палата [illegible] перерыва, только при царѣ Борисѣ Годуновѣ [illegible], открытая сторона котораго была [illegible]. Къ концу XVII в. оно оказалось [illegible] замѣнено новымъ, гораздо болѣе об[illegible]

[illegible] тами улицами *Спасск*[illegible] улица, начинавшаяся [illegible] мѣстомъ [illegible] [illegible] стѣны [illegible] артерія [illegible]

были отданы Чудову монастырю. За ними слѣдовалъ Вознесенскій монастырь, а у самыхъ Спасскихъ воротъ стояла небольшая церковь во имя св. Георгія, разобранная въ 1808 г. Правая сторона улицы была занята соборомъ Николы Гостунскаго, одною изъ древнѣйшихъ кремлевскихъ церквей, перестроенной въ 1506 г. и существовавшей до 1817 г., когда она, ради своеобразно понимаемаго благообразія Кремля, была снесена, и двумя монастырскими подворьями—Крутицкимъ и Кирилловскимъ (Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря). Мѣстность между соборомъ и подворьями съ одной стороны, и окраиною кремлевскаго холма, съ другой, въ настоящее время пустынная, въ XVI—XVII вв. была вся застроена. Именно здѣсь на прежде пологомъ скатѣ холма была постепенно устроена искусственная насыпь, «зарубъ», укрѣпленный сваями и срубами, на которомъ расположились постройки. При Годуновѣ въ этой мѣстности, неподалеку отъ Спасскихъ воротъ, былъ арсеналъ, помѣщавшійся во дворѣ *Хобро*. Въ XVII в. она была занята боярскими дворами.

Потѣшный дворецъ со двора.

Чудовъ и Вознесенскій монастыри выходили задами на Чудовскую улицу; на эту улицу съ противоположной стороны выходитъ теперь боковой фасадъ зданія судебныхъ учрежденій, построеннаго на мѣстѣ, которое въ XVII в. было почти все подъ усадьбою кн. Трубецкихъ, между Чудовской и Никольской улицами. Послѣдняя проходила по линіи главнаго, обращеннаго къ площади фасада зданія суда. Мѣстность между Никольской улицей и кремлевской стѣной, въ настоящее время занимаемая площадью и зданіемъ арсенала, была вся застроена. По Никольской улицѣ, противъ двора Трубецкихъ, были расположены въ первой половинѣ XVII в. дворы соборнаго духовенства и два подворья—Симонова и Новодѣвичьяго монастырей. Далѣе были: боярскій дворъ, въ XVI в. принадлежавшій Богдану Бѣльскому, въ XVII в.—Стрѣшневымъ, и кладбище съ церковью, затѣмъ, на мѣстѣ арсенала, дворы, въ XVII в. принадлежавшіе разнымъ боярскимъ родамъ, въ началѣ вѣка—Годуновымъ, потомъ—кн. Лыкову, Шереметеву, кн. Одоевскому; въ XV—XVI вв. вдоль стѣны были расположены городскія житницы, запасные хлѣбные магазины, сохранившіеся отчасти и въ началѣ XVII в. въ углу у Собакиной башни. При Алексѣѣ Михайловичѣ во дворѣ, ближайшемъ къ Троицкимъ воротамъ, помѣщались дворцовыя житницы. Вся эта мѣстность была прорѣзана безыменной улицей, близъ Никольскихъ воротъ отдѣлявшейся подъ острымъ угломъ отъ Никольской улицы и противоположнымъ концомъ упиравшейся въ Троицкую улицу невдалекѣ отъ Троицкихъ воротъ.

У самыхъ воротъ, на правой сторонѣ Троицкой улицы (если идти отъ воротъ) находился дворцовый судный приказъ, за нимъ было подворье

Троицкаго Сергіева монастыря, разобранное въ 1807—1808 гг. На концѣ улицы, на мѣстѣ двора синодальной конторы и кремлевскихъ казармъ стояли хоромы Бориса Годунова во дворѣ, прозывавшемся въ XVII в. Царебориссовскимъ; въ этихъ хоромахъ Борисъ жилъ до воцаренія. Въ началѣ XVI в. дворъ принадлежалъ вел. кн. Василію Ивановичу, въ Смутное время служилъ жильемъ начальникамъ польскаго отряда, занимавшаго Кремль, а въ 1652 г. былъ присоединенъ къ владѣніямъ патріарха.

На подолѣ Кремля въ углу у Беклемишевской башни въ первой половинѣ XVI в. находился дворъ Беклемишевыхъ, далѣе къ западу—дворъ Угрѣшскаго монастыря съ церковью, которая въ XVII в. была перенесена въ башню, стоявшую противъ монастырскаго двора. Церковь во имя Константина и Елены окружали со всѣхъ сторонъ дворы соборнаго духовенства, составлявшіе цѣлую поповскую слободу. Западная часть подола, отгороженная у Тайницкихъ воротъ заборомъ, была въ XVI в. занята подъ дворцовое хозяйство,—здѣсь въ углу у Свиѣловой башни помѣщался дворцовый житный дворъ. По ту сторону кремлевской стѣны берегъ Москвы-рѣки былъ также застроенъ. Здѣсь, кромѣ дворовъ частныхъ лицъ, близъ Тайницкой башни были въ XVII в. оружейный амбаръ и *бархатный дворъ*—казенная бархатная фабрика.

Видъ Кремля въ XVII в.

Перейдемъ теперь изъ Кремля въ смежный съ нимъ *Китай-городъ*. За рвомъ, тянувшимся вдоль кремлевской стѣны, разстилалась обширная площадь между соборомъ *Покрова на рву*, построеннымъ въ 1555—1561 гг. (Василій Блаженный), и лобнымъ мѣстомъ, съ одной стороны, и Китайгородскою стѣною съ Неглиненскими или Воскресенскими воротами, съ другой. За Фроловскимъ мостомъ, т. е. мостомъ Спасскихъ воротъ, шла по направленію къ Ильинкѣ деревянная мостовая, отдѣлявшая отъ Василія Блаженнаго лѣвую часть площади, которая называлась, въ память пожаровъ, опустошавшихъ Китай-городъ, *Пожаромъ*, а позже, не ранѣе 1662 г., *Красною* площадью. Вдоль рва между Фроловскими и Никольскими воротами стояли пятнадцать небольшихъ деревянныхъ церквей *на крови*,—на мѣстахъ совершившихся здѣсь при Иванѣ Грозномъ казней. Впрочемъ, Пожаръ былъ не только мѣстомъ казней, но и бойкой торговой площадью, гдѣ шла главнымъ образомъ мелочная торговля въ разносъ, а въ небольшихъ лавкахъ на Фроловскомъ мосту продавались книги и листы печатные и рукописные. На спускѣ отъ Покровскаго собора къ Москвѣ-рѣкѣ помѣщались лавки и обывательскіе дворы, внизу на подолѣ былъ рыбный рынокъ и, у самыхъ Москворѣцкихъ воротъ, *мытный дворъ*. Близъ Воскресенскихъ воротъ на мѣстѣ Историческаго музея находился *земскій дворъ* или приказъ, главное полицейское управленіе. У Воскресенскихъ воротъ былъ каменный мостъ съ лавками черезъ Неглинную, построенный Борисомъ Годуновымъ.

Главныя улицы Китай-города сохранили до нашего времени свои имена и свое направленіе. Онѣ соединялись между собою многими переулками, образовавшими на всемъ протяженіи ихъ крестцы, отчего и самыя улицы прозывались крестцами — Никольскимъ, Ильинскимъ, Варварскимъ. Отъ Варварки переулки спускались на подолъ къ Зачатской улицѣ, шедшей отъ Москворѣцкихъ воротъ къ церкви Зачатія *что въ углу* почти у самой стѣны Китай-города. Переписная книга 1626 г. содержитъ въ себѣ любопытныя свѣдѣнія о ширинѣ всѣхъ этихъ улицъ и переулковъ. Оказывается, что въ названномъ году ширина, напр., Варварки колебалась между $2^1/_2$ и $6^1/_4$ саж. Тогда же была сдѣлана попытка выпрямить улицы и установлены обязательные размѣры ихъ поперечника: для Никольской 5 (межъ каменныхъ лавокъ)—$6^1/_2$ саж., Ильинки—6-10 саж., Варварки на всемъ протяженіи—$6^1/_2$ саж., Зачатской улицы—4 саж.; послѣдняя мѣра—4 саж.—была принята также для большинства переулковъ, но нѣкоторые изъ нихъ, менѣе значительные, напр., въ Зарядьѣ, остались при ширинѣ не болѣе $2-2^1/_4$ саж.

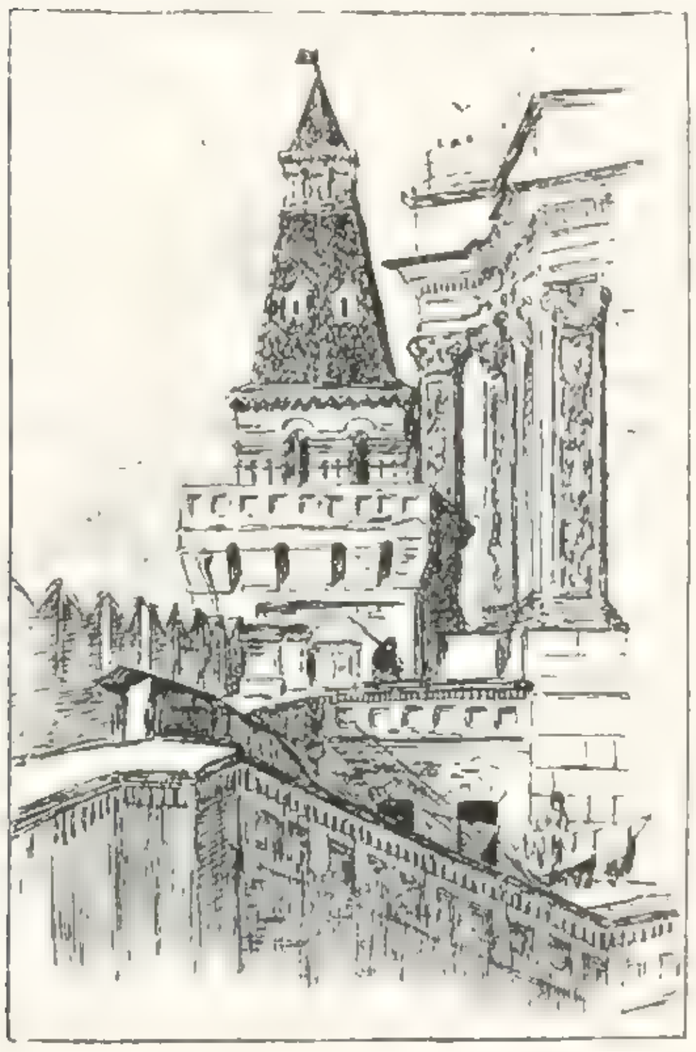
Китай-городѣ былъ московскимъ торговымъ центромъ. На площадь выходили торговые ряды, тянувшіеся вглубь Китай-города между его улицами. Въ концѣ XVI в. впервые были построены каменныя зданія рядовъ, но и въ XVII в. оставалось еще немало деревянныхъ лавокъ. Олеарій и Рейтенфельсъ съ похвалою отзываются объ этомъ рынкѣ, гдѣ однородные товары сосредоточивались въ опредѣленныхъ мѣстахъ, такъ что покупатель безъ труда могъ оріентироваться и находить то, что ему было нужно. Несмотря на громадныя измѣненія, испытанныя въ теченіе трехъ столѣтій внѣшностью торговыхъ помѣщеній, старая рядская группировка послѣднихъ сохранилась въ общихъ чертахъ до нашего времени. Иноземные купцы торговали въ гостиномъ дворѣ на Варваркѣ, съ XVII в.—въ каменныхъ зданіяхъ, построенныхъ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ и его преемникѣ. Рейтенфельсъ говоритъ о трехъ «обширнѣйшихъ» гостиныхъ дворахъ: въ первомъ, болѣе древнемъ, продавались, по его словамъ, дешевые товары для ежедневнаго потребленія, во второмъ, новомъ, взималась пошлина по вѣсу («мытоимница» Михаила Ѳедоровича) и хранились главнымъ образомъ товары нѣмецкіе, въ третьемъ или персидскомъ—армяне, персы, татары содержали около 200 лавокъ. Англійскіе купцы имѣли, тоже на Варваркѣ, свой дворъ, отведенный англійской торговой компаніи еще Иваномъ IV.

Старыя ряды въ XVII вѣкѣ.

На Никольской улицѣ находился *печатный дворъ*, каменныя палаты котораго (зданіе синодальной типографіи) были построены въ 40-хъ годахъ XVII в. На углу Ильинки и Посольскаго—теперь Юшкова—переулка былъ *дворъ посольскій*, помѣщеніе для иноземныхъ пословъ. У китайской стѣны на Варваркѣ стояли тюрьмы.

Среди лавокъ было немало и жилыхъ дворовъ. На Никольской проживали въ XVII в. Шереметевы, князья Буйносовы, Хворостинины, Сицкіе, на Ильинкѣ—бояринъ Шеинъ, кн. Барятинскій, на Варваркѣ—Романовы и Булгаковы.

Въ половинѣ XVII в. въ Китай-городѣ насчитывалось до 20 церквей (изъ нихъ двѣ соборныя: Казанской Богородицы на углу Никольской и Покрова на рву) и четыре монастыря. Древнѣйшими монастырями были Спасскій за иконнымъ рядомъ на Никольской или Заиконоспасскій, Богоявленскій въ переулкѣ того же имени за ветошнымъ рядомъ и Николы Чудотворца Стараго, что у крестнаго цѣлованія (въ церкви этого монастыря цѣловали крестъ по судебнымъ дѣламъ). Послѣдній монастырь въ XVII в. былъ уступленъ греческимъ монахамъ, имѣвшимъ близъ него свое подворье, которое, по словамъ Рейтенфельса, немного уступало греческому подворью въ Римѣ. Знаменскій монастырь былъ основанъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ при церкви Знаменія на Романовскомъ дворѣ на Варваркѣ.



Башня Оружейная.

Китай-городъ, заключавшій въ своихъ стѣнахъ древнѣйшій московскій торгъ, былъ частью московскаго посада, которая носила *городской* характеръ въ гораздо большей степени, чѣмъ Бѣлый городъ и Скородомъ. Эти двѣ части города въ XVI—XVII вв. еще сохраняли черты, ясно говорившія о роли, какую играло въ исторіи Москвы вотчинное хозяйство великаго князя. Его московская вотчина слагалась изъ отдѣльныхъ селъ и дворовъ, группировавшихся вокругъ резиденціи хозяина — Кремля; вблизи послѣдней селился многочисленный служебный персоналъ, занятый въ различныхъ отрасляхъ дворцоваго хозяйства. Поселенія этого персонала, среди котораго было немало ремесленниковъ разныхъ спеціальностей, образовали вошедшія въ составъ московскаго посада слободы. Дворцовая стража, стрѣльцы, селилась преимущественно въ слободахъ, отодвинутыхъ на окраины посадской территоріи. Въ чертѣ и за чертой ея обзаводились усадьбами ближайшіе слуги великаго князя, бояре, и духовныя власти. Таковы были элементы, вошедшіе въ составъ московскаго посада и сообщавшіе ему еще въ XVI—XVII вв. своеобразный характеръ, который ясно свидѣтельствовалъ о возникновеніи его въ условіяхъ вотчиннаго быта.

Исторія городского поселенія въ предѣлахъ Бѣлаго и Земляного города еще ждетъ своего изслѣдователя. Источники не только мало разработаны, но и невполнѣ еще приведены въ ясность; добытыя изъ нихъ свѣдѣнія о состояніи отдѣльныхъ частей посада за тотъ или другой промежутокъ времени имѣютъ настолько отрывочный характеръ, что пока нѣтъ возможности детально прослѣдить исторію послѣднихъ. Поэтому мы ограничимся тѣмъ, что попытаемся сгруппировать въ бѣгломъ очеркѣ по крайней

МИНИНЪ ПРИЗЫВАЕТЪ НИЖЕГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНІЕ НА ЗАЩИТУ МОСКВЫ.

Картина находится въ Н. Новгородѣ въ Музеѣ.

Москва
въ ея
прошломъ
и настоящемъ

Башня Оружейная

мѣрѣ то, что извѣстно о главнѣйшихъ московскихъ урочищахъ внѣ Кремля и Китай-города.

Китай-городъ примыкалъ непосредственно къ одному изъ древнѣйшихъ урочищъ—*Кучкову полю*. Такъ называлась мѣстность, по которой теперь проходятъ улицы Лубянка и Срѣтенка и которая простиралась на сѣверъ до границы Земляного города, на востокъ—до теперешней Мясницкой. Въ XVI в. эта мѣстность была еще слабо заселена,—Китай-городъ граничилъ съ *полымъ мѣстомъ*, у котораго стояла вошедшая въ его черту церковь Троицы *у старыхъ поль* или полей. По Кучкову полю шла большая владимирская дорога, прозванная въ предѣлахъ посада Срѣтенкою съ основанія въ 1395 г. Срѣтенскаго монастыря, отъ котораго получили названіе также ворота Бѣлаго города и Китая (Срѣтенскія ворота послѣдняго—теперь Никольскія). Къ Фроловскимъ воротамъ Бѣлаго города направлялась отъ Китая улица, называвшаяся въ XVI в. Ильинскою. Эта улица пересѣкала слободу *мясниковъ*, возникшую около скотопригоннаго двора, близъ церкви Флора и Лавра; по слободѣ прозвались Мясницкими Фроловскія ворота Бѣлаго города и Мясницкой—Ильинская улица. Замѣтимъ кстати, что Флоръ и Лавръ, наравнѣ съ св. Георгіемъ, почитались патронами скота, почему церкви во имя этихъ святыхъ ставились у скотопригонныхъ дворовъ или площадей и всполіи, т. е. выгоновъ. Кромѣ Фроловской церкви у Мясницкихъ воротъ въ Москвѣ есть еще церковь того же воимя за Москвой-рѣкой на Зацѣпѣ, гдѣ въ XVI в пріѣзжіе татары торговали конями на своемъ *Ногайскомъ дворѣ*. Церкви св. Георгія на вспольѣ отмѣчаютъ въ двухъ мѣстахъ границы прежнихъ выгоновъ: одна изъ нихъ находится на Малой Никитской близъ Кудрина, другая—на Ордынкѣ. Слѣдующая за Ильинской, теперь Мясницкой, въ южномъ направленіи улица Бѣлаго города, Маросѣйка, становится извѣстною подъ этимъ именемъ неранѣе XVII в., когда въ этой мѣстности возникло малороссійское подворье, по которому и улица стала прозываться Малороссѣйкою или, сокращенно, Маросѣйкою. Возможно, впрочемъ, что улица обязана своимъ именемъ столько же подворью, сколько мѣстному питейному дому, тоже прозывавшемуся въ народѣ Маросѣйкою. Но въ большинствѣ случаевъ перенесеніе на улицы прозвищъ питейныхъ домовъ, очень обычное въ старой Москвѣ, восходитъ не далѣе первой половины XVIII в., когда по городу были устроены въ значительномъ количествѣ *фартины*, штофныя лавки (фарта—кварта, штофъ). Такая фартина, несомнѣнно, дала имя улицѣ Солянкѣ, шедшей отъ Китая-города къ Яузѣ нѣсколько южнѣе древняго урочища *Боръ*, на границѣ котораго находился Ивановскій монастырь *подъ боромъ*. Далѣе, до берега Москвы-рѣки разстилалась низменная мѣстность Кулижка (*кулига*—лужа) и Васильевскій лугъ. На послѣднемъ во второй половинѣ

Улица въ Кремлѣ.

XVII в. былъ разведенъ царскій садъ, тоже называвшійся Васильевскимъ, а въ XVIII в. построенъ Воспитательный домъ на мѣстѣ, гдѣ въ XVI—XVII вв. находились *бражныя тюрьмы*, арестный домъ для пьяницъ.

Западная окраина Кучкова поля постепенно переходила въ скатъ, мѣстами довольно пологій, къ р. Неглинной, протекавшей посрединѣ Бѣлаго города. На сѣверномъ концѣ этого ската въ XIV в. былъ основанъ Рождественскій монастырь, по которому улица, шедшая отъ него къ Китай-городу, прозвалась Рождественкою. На берегу Неглинной находилась Кузнецкая слобода у моста того же имени черезъ рѣчку, а на мѣстѣ Театральной площади стоялъ *пушечный дворъ*, отмѣченный въ XVII в. иностранцами, какъ одна изъ достопримѣчательностей Москвы.

Часть Бѣлаго города, прилегавшая къ правому берегу Неглинной, состояла изъ нѣсколькихъ урочищъ, которыя вмѣстѣ образовали крупное урочище *Занеглименье*. Высокопетровскій монастырь (въ концѣ Петровки, у Петровскихъ воротъ) стоялъ на взгорьѣ, называвшемся *Высокимъ*. Другое *Высокое* было на тверской дорогѣ у Воскресенскаго монастыря (теперь упраздненнаго) и Саввинскаго подворья (почти на углу Тверской и Камергерскаго переулка). *Красною горкой* называлось урочище, гдѣ находится университетъ. Далѣе къ западу были урочища *Островъ* съ Воздвиженскимъ монастыремъ (теперь приходская церковь на Воздвиженкѣ) и *старое Ваганьково*. Послѣднее было государево село, при которомъ еще въ XVII в. состояла царская псарня; Островъ нѣкогда былъ дѣйствительнымъ островомъ въ охотничьемъ смыслѣ, т. е. участкомъ лѣса, отведеннымъ для охоты.

Церковь Спаса за золотой рѣшеткой.

Занеглименье пересѣкалось дорогами, которыя соединяли Москву съ городами, лежащими къ сѣверу и западу отъ нея: тверскою, дмитровской, волоколамской и смоленской. Двѣ послѣднія прозвались по монастырямъ, первая — Никитскою, вторая—Воздвиженкой; впрочемъ, Воздвиженка продолжала еще называться Смоленскою улицей во второй половинѣ XVII в.

Кромѣ пушечнаго двора, въ этой части города вниманіе иностранцевъ привлекали къ себѣ два зданія — пороховой дворъ, сооруженный въ первой половинѣ XVI в. Алевизомъ на Успенскомъ вражкѣ, на мѣстѣ теперешняго Газетнаго переулка, и *опричный дворъ* Ивана IV. Извѣстно, что, учредивъ опричнину, царь со своими охранниками перебрался на житье изъ Кремля въ посадъ, но установить точно мѣсто жительства его въ посадѣ едва ли возможно. Рейтенфельсъ, который самъ видѣлъ опричный дворъ въ 70-хъ годахъ XVII в., говоритъ только, что онъ находился въ Царь (Бѣломъ)—городѣ на той сторонѣ рѣчки Неглинной. Въ виду того, что опричники были поселены за чертою Бѣлаго города между Арбатомъ и Никитской, можно думать, что Иванъ основалъ свою резиденцію по сосѣдству съ ними близъ Никитской.

Противъ пушечнаго двора на правомъ берегу Неглинной находился Охотный рядъ и, въ концѣ его, Моисеевскій монастырь, упраздненный въ XVIII в. Далѣе вдоль берега тянулась низменность, нѣкогда моховое болото, о которомъ напоминаетъ теперь проходящая въ этой мѣстности Моховая улица. Здѣсь на окраинѣ кремлевской эспланады, между Троицкими и Боровицкими воротами была стрѣлецкая слобода съ церковью Николы Стрѣлецкаго (на углу Знаменки и Волхонки), а передъ слободою въ XVI в. былъ устроенъ на берегу Неглинной такъ называемый Аптекарскій дворцовый садъ, въ которомъ разводились медицинскія растенія. Ближе къ Москвѣ-рѣкѣ, на мѣстѣ Лебяжьяго переулка, былъ дворцовый Лебяжій прудъ.

На западѣ Занеглименье граничило съ урочищемъ *Черторьею* или *Чертольемъ*, получившимъ свое названіе отъ потока Черторыя. *) Этотъ потокъ, пересѣкавшій площадь Пречистенскихъ воротъ и впадавшій въ Москву-рѣку немного выше мѣста, гдѣ выстроенъ храмъ Спасителя, отдѣлялъ Бѣлый городъ отъ Земляного. Въ Чертольѣ находился Алексѣевскій монастырь, переведенный въ XIX в. въ Красное село.

Спасская и Набатная башни.

Чертолье продолжалось по ту сторону Черторыя въ *Земляномъ городѣ*. Ближе къ границѣ послѣдняго находилось урочище *Остожье*, самымъ названіемъ своимъ (Остожье—отъ слова *стогъ*) свидѣтельствующее о существованіи здѣсь встарь сѣнныхъ покосовъ. Еще въ XVII в. въ этой мѣстности былъ Остожный конюшенный дворъ и стояли боярскія усадьбы, имѣвшія вполнѣ загородный характеръ. Отъ Остожья шла къ Чертольскимъ воротамъ улица, прозвавшаяся Остоженкою. Другая улица, соединявшая Чертолье съ окраиною посада, называлась Чертольскою до второй половины XVII в., когда, вслѣдъ за переименованіемъ Чертольскихъ воротъ въ Пречистенскія, это имя было вытѣснено новымъ—Пречистенка. Въ концѣ Чертольской улицы и далѣе къ сѣверу отъ нея, вдоль земляного вала, были расположены стрѣлецкія слободы, память о которыхъ сохранилась въ именахъ урочищъ Зубово, Левшино, Коковинское, происшедшихъ отъ прозваній стрѣлецкихъ головъ. Ближайшая къ Чертольской крупная улица Земляного города въ XVI в. уже извѣстна подъ именемъ Арбата. Происхожденіе этого имени, явно татарскаго, представляется загадочнымъ; во всякомъ случаѣ, напрасно было бы искать объясненія его въ мѣстныхъ бытовыхъ условіяхъ, и сближеніе его, напр., съ арбами, будто бы, неизвѣстно откуда, появлявшимися въ этой мѣстности, слѣдуетъ признать продуктомъ досужей этимологизирующей фантазіи.

Отъ Чертольской улицы до Тверской тянулся рядъ слободъ, населенныхъ дворцовыми слугами и ремесленниками, работавшими на дворецъ.

*) Снегиревъ (Москва, т. I стр. 97), сопоставивъ Черторый съ нѣмецкими Teufelsgraben, доказалъ, что это имя означаетъ *Чортовъ ровъ*.

Спеціальности этихъ слобожанъ открываются изъ именъ улицъ и урочищъ въ мѣстности, гдѣ были слободы: Поварская, Столовый, Скатертный, Ножевый, Трубниковскій, Староконюшенный переулки, Кречетники, Бронныя улицы, Палаши или Палачи (обычна и та, и другая формы; возможно, что жители этого урочища были палачи, но въ виду сосѣдства его съ Бронною можно также думать, что они были оружейные мастера, спеціальностью которыхъ были палаши). Учредивъ опричнину, Иванъ IV вывелъ слобожанъ въ другія части посада и поселилъ на ихъ мѣстѣ опричниковъ. Между Бронной слободой и земляным ъ валомъ находилась патріаршая слобода на *Козьемъ болоть* (Козихѣ). Вообще *коза* фигурируетъ, въ какомъ то неясномъ для насъ значеніи, въ прозваніяхъ болотистыхъ мѣстъ: въ Чертольѣ было урочище *Козья борода* или *Козье болотцо*, и замоскворѣцкое болото тоже называлось, по словамъ Рейтенфельса, *Козьимъ*. По патріаршему Козьему болоту текъ ручей, впадавшій въ рѣчку Прѣсню. Въ слободѣ, вѣроятно, при патріархѣ Іоакимѣ (1674—1690 гг.) были выкопаны такъ называемые *патріаршіе* пруды, изъ которыхъ до нашего времени уцѣлѣлъ только одинъ.

Церковь «Спасъ на-Бору».

На правомъ берегу Неглинной, выше Трубной площади (мѣстность Цвѣтного бульвара), находился *лѣсной рядъ*, обращавшій на себя вниманіе иностранцевъ. Здѣсь, по ихъ словамъ, кромѣ разнороднаго строевого лѣса можно было найти вполнѣ готовые срубленные дома. Далѣе въ концѣ Срѣтенки у вала мы опять находимъ стрѣлецкое поселеніе, на мѣстѣ котораго Петромъ I была построена въ 1692—1695 гг. Сухарева башня въ память, будто бы, заслугъ Сухарева стрѣлецкаго полка, оставшагося вѣрнымъ царю во время мятежа стрѣльцовъ. Рядомъ съ этимъ поселеніемъ была *пушкарская слобода* въ мѣстности, прозывавшейся *Драчи*, гдѣ въ XVI—XVII вв. существовалъ Никольскій Драчевскій монастырь (теперь приходская церковь Николы въ Драчахъ).

Срѣтенка и Мясницкая обозначаютъ границы древняго урочища *Дебрь* или *Дербь*, о которомъ напоминаютъ церковь Николы Дербенскаго и Дербенскій переулокъ. По урочищу протекалъ ручей Рачка, образовавшій *Поганый*, теперь—Чистый прудъ. Рейтенфельсъ сообщаетъ, что на этомъ прудѣ или «проклятомъ болотѣ» (palus maledicta) пришлые язычники поклонялись своимъ богамъ. У пруда находилась *огородная слобода* съ церковью Харитона въ Огородникахъ, далѣе, за Покровской улицей—*барашевская слобода* (бараши—шапочники). На Воронцовомъ полѣ на Яузѣ стоялъ загородный дворецъ Ивана III, въ XVII в., повидимому, уже не существовавшій.

Въ заяузской части Земляного города жили слободами гончары и кузнецы. Здѣсь же близъ Швивой или Вшивой горки находилось урочище *Болвановка* или *Болвановье*, отъ котораго Яузскія ворота Земляного го-

рода прозывались также Болванскими, какъ видно изъ помѣты на годуновскомъ чертежѣ Москвы. За Москвой-рѣкой есть другая Болвановка между Пятницкой и Кузнецкою улицами. Въ виду того, что неподалеку отъ замоскворѣцкой,—а, можетъ быть, и заяузской,—Болвановки было нѣкогда татарское становище, были сдѣланы попытки установить связь этого урочища съ татарскими «болванами», при чемъ, однако, остался неразъясненнымъ вопросъ о томъ, къ какимъ именно «болванамъ» она имѣла отношеніе,—къ тѣмъ ли, которымъ поклонялись татары до принятія магометанства, или къ привозимымъ татарскими послами изображеніямъ хана.

Въ предѣлахъ *Замоскворѣчья* населеніе Земляного города состояло изъ разнородныхъ элементовъ. Въ западной части Замоскворѣчья были стрѣлецкія слободы. Начало военнымъ поселеніямъ здѣсь было положено вел. кн. Василіемъ Ивановичемъ, который, по словамъ Герберштейна, построилъ за Москвой-рѣкой своимъ тѣлохранителямъ новый городъ *Нали*,—такъ пишетъ Герберштейнъ русское *налей*,—потому что только имъ была предоставлена свобода пить и ихъ въ виду этого слѣдовало изолировать, чтобы ихъ примѣръ не соблазнялъ сосѣдей. Вслѣдъ за Герберштейномъ этотъ разсказъ о возникновеніи поселка *Налей* или *Налейка* повторяютъ прочіе иностранцы, писавшіе о Московіи, добавляя, что стража Василія Ивановича состояла изъ иноземныхъ солдатъ—нѣмцевъ, поляковъ и литовцевъ. Одно урочище близъ Калужскихъ воротъ до сихъ поръ прозывается Наливками (церковь Спаса въ Наливкахъ). Въ XVII в. на мѣстѣ иноземнаго поселка мы находимъ стрѣлецкія слободы, тянувшіяся вдоль Якиманки вплоть до Калужскихъ воротъ. О существованіи въ этой мѣстности польскаго поселенія свидѣтельствуетъ урочище *старые Паны* близъ Якиманки.

Видъ теремовъ со стороны Кавалерскаго двора.

Другая крупная улица Замоскворѣчья, *Ордынка*, составляла городской участокъ большой ордынской дороги. На этой улицѣ и по сосѣдству съ ней селились послы изъ Орды, но въ той же мѣстности были и постоянныя татарскія поселенія, напр., на *Татарской улицѣ*. О Ногайскомъ дворѣ въ юго-восточной части Замоскворѣчья мы уже упоминали выше. Необходимость частыхъ сношеній съ татарами вызвала появленіе за Москвой-рѣкой *толмацкой слободы*, существовавшей еще въ XVII в. Толмачи, т. е. переводчики, жили на Татарской улицѣ (Никита въ старыхъ Толмачахъ) и—вѣроятно, въ позднѣйшее время, — ближе къ Москвѣ-рѣкѣ, въ урочищѣ Толмачи (Толмачевскіе переулки). Татары крымскіе имѣли свой дворъ въ другой части Замоскворѣчья, въ мѣстности, до сихъ поръ прозывающейся *Крымокъ*, близъ Крымскаго моста.

Кромѣ татаръ въ восточной половинѣ Замоскворѣчья жили слободами *кузнецы, овчинники, садовники*, — послѣдніе по берегу рѣки, противъ устья Яузы. Главная мѣстная улица, Пятницкая, получила свое названіе отъ церкви Пятницы-Параскевы; на этой улицѣ еще въ началѣ XVI в.

стоялъ Ивановскій монастырь *подъ боромъ*, обращенный впослѣдствіи въ приходскую церковь во имя Черниговскихъ чудотворцевъ.

На рѣкѣ Москвѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ были мосты, въ большинствѣ — на деревянныхъ сваяхъ. Въ самомъ концѣ XVII в., въ 1687—1692 гг. былъ построенъ грандіозный по тогдашнему времени каменный мостъ въ томъ же мѣстѣ, гдѣ и теперь есть мостъ, прозывающійся *Каменнымъ*.

Мѣстность за чертою Земляного города была уже отчасти заселена ко времени постройки его деревянной стѣны и продолжала быстро заселяться въ XVII в. Здѣсь были кромѣ монастырей загородные дворы государя и духовныхъ властей, дворы боярскіе, слободы государевы и частновладѣльческія. Заселенію послѣднихъ значительно способствовала свобода отъ городского тягла, привлекавшая на частновладѣльческія земли много торговцевъ и ремесленниковъ. Къ половинѣ XVII в. ростъ этихъ слободъ принялъ уже такіе размѣры, что вызвалъ жалобы со стороны посадскихъ тяглыхъ людей, поставленныхъ относительно промысловъ въ менѣе благопріятныя условія, и правительство включило въ Уложеніе 1649 г. постановленіе, по которому всѣ частновладѣльческія слободы отписывались на государя. Тогда же былъ нормированъ городской выгонъ, вскорѣ, впрочемъ, опять застроившійся.

О томъ, насколько были удалены въ XVI в. отъ городской черты заселенныя подгородныя мѣстности, намъ даютъ возможность судить названія нѣкоторыхъ урочищъ за Земляным городомъ, несомнѣнно, извѣстныхъ ранѣе XVII в.: Три Горы, Кудрино, Новое мѣсто или Новинское, Дорогомилово, Сущево, Напрудское (за Самотечной Садовой, по рѣчкѣ Напрудной), Красное село подъ великимъ прудомъ у города, Крутицы, Новое Симоново (Спасскій Симоновъ монастырь).

Въ *Дорогомиловой* рыбной слободѣ на лѣвомъ берегу Москвы-рѣки въ XV в. былъ уже дворъ ростовскихъ архіереевъ близъ церкви Благовѣщенія на *Бережкахъ*, построенной въ 1412 г. Ближе къ Новодѣвичьему монастырю, основанному въ 1525 г., находилась Саввинская слободка у монастыря того же имени (теперь приходской церкви Саввы Освященаго), къ которой шла улица Саввинская или Смоленская, прозвавшаяся въ началѣ XVIII в. Плющихой по мѣстной фартинѣ.

Кудрино и Новинское были митрополичьи села на Прѣснѣ. Послѣднее получило свое названіе отъ монастыря на Новомъ или Новинскаго, основаннаго въ XV в. Пруды на Прѣснѣ появились въ XVII в.: въ концѣ его они были устроены на патріаршей землѣ, а ранѣе, около 1632 г.,— въ царскихъ владѣніяхъ. Въ послѣдней четверти XVII в. на Прѣснѣ возникаютъ новыя царскія села — *Воскресенское* съ загороднымъ деревяннымъ дворцомъ и *Новое Ваганьково*.

Въ половинѣ XVI в. основалась на Яузѣ *нѣмецкая слобода*, но и послѣ того иноземцы продолжали жить въ городѣ и имѣли въ немъ свои церкви. Въ 1652 г. правительство окончательно выселило нѣмцевъ за черту города, и тогда устроилась на мѣстѣ прежней *Новая иноземская слобода* или Кукуй (отъ ручья Кукуя, протекавшаго въ этой мѣстности). Невда-

лекѣ отъ слободы, въ селѣ Преображенскомъ царь Алексѣй построилъ себѣ загородный дворецъ.

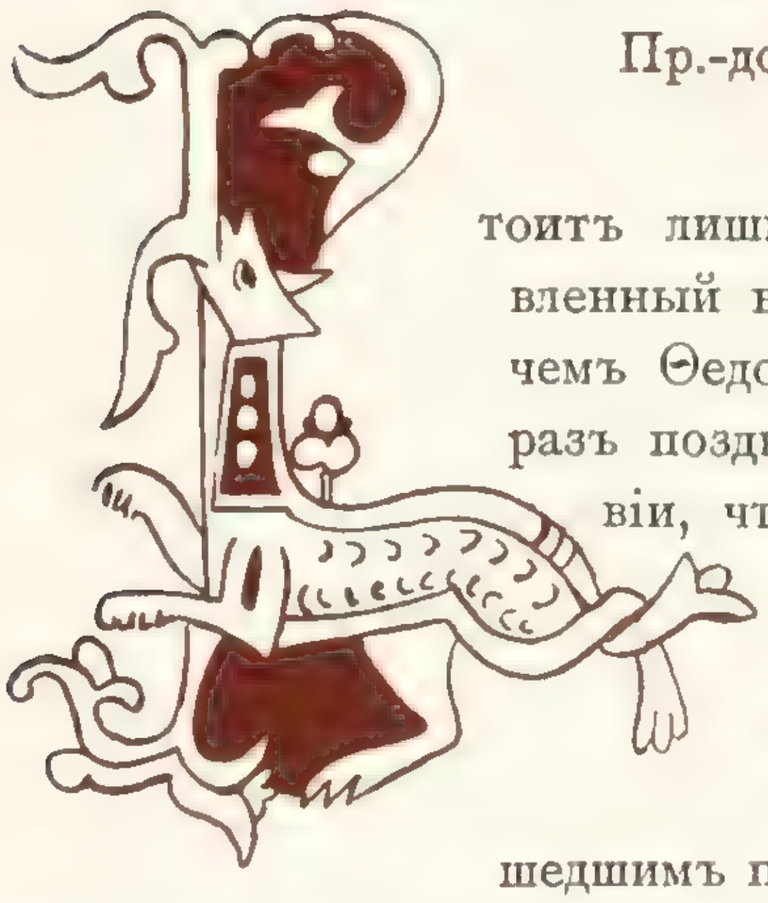
Ближе къ городской чертѣ была слобода *Басманная*, населенная, по словамъ Рейтенфельса, «всякаго рода людьми и называемая поэтому слободою перекрестовъ, т. е. тѣхъ, которые, принявъ вторично крещеніе, перешли изъ иноземныхъ христіанъ въ вѣру московитовъ.» Названіе этой слободѣ дали, вѣроятно, дворцовые пекаря-басманники, изготовлявшіе особый сортъ хлѣба, басманъ.

Въ разныхъ мѣстахъ загородной территоріи въ XVI—XVII вв. были расположены ямскія слободы,—по тверской дорогѣ (Тверскія-ямскія), въ Рогожской. Слободы *мѣщанскія*, въ мѣстности теперешнихъ Мѣщанскихъ улицъ, возникли не ранѣе второй половины XVII в., когда въ Москвѣ появились переселенцы изъ западной и южной Россіи, принесшіе съ собою самый терминъ *мѣщане* (въ западно-русскомъ языкѣ—горожане).

Изъ Псалтыря начала XV в.

Окрестности допетровской Москвы.

Пр.-доц. ***Ю. В. Готье.***



Стоитъ лишь бросить взглядъ на планъ Москвы, составленный въ началѣ XVII вѣка, по преданію царевичемъ Ѳедоромъ Борисовичемъ, планъ, который много разъ позднѣе воспроизводился въ сочиненіяхъ о Московіи, чтобы видѣть, насколько Москва въ то время отличалась по занимаемой ею территоріи отъ современной намъ Москвы. Городъ оканчивался стѣнами Скородома, а послѣ того какъ онѣ сгорѣли въ смуту,—земляным валомъ, шедшимъ по линіи нынѣшней Садовой. Далѣе начинались уже загородныя мѣста; въ московскіе планы они впервые включаются въ XVIII столѣтіи. Было бы, однако, ошибкою думать, что городская жизнь до Петра останавливалась у воротъ столицы, съ послѣдними домами Земляного города. Давно успѣвшіе намѣтиться искривленные радіусы,—главныя улицы Москвы,—вели отъ ея ядра, Кремля и Китай-города, къ воротамъ Бѣлаго города и далѣе къ воротамъ города Землянаго, которыя находились почти всегда на одной линіи съ первыми. За Земляным городомъ, по обѣимъ сторонамъ дорогъ, ведшихъ въ большой муравейникъ—Москву, тянулись на довольно большое разстояніе жилища всякаго мелкаго люда, льнувшаго къ большому городу, питавшагося имъ и кормившаго его своимъ трудомъ. Эти пригородныя поселенія расползались далѣе въ ширь по мѣрѣ роста самаго города. Взглядъ на планъ столицы болѣе поздняго времени лучше уяснитъ сказанное. Возьмемъ, напр., «планъ столичнаго города Москвы, сочиненный подъ смотрѣніемъ архитектора Мичурина» въ 1739 году, и мы сейчасъ же увидимъ, какъ за городскими воротами узкой лентой вытягивались по направленію къ нынѣшнему камеръ-коллежскому валу продолженія городскихъ улицъ, носившія обыкновенно названіе слободъ. Слободы не примыкали одна къ другой; вытянутыя по продолженіямъ радіусовъ, шедшихъ отъ центра города, онѣ отдѣлялись другъ отъ друга засѣянными полями и пустырями, однимъ изъ послѣднихъ воспоминаній о кото-

Gravure Mezzotinto Bruckmann München.

Марина Мнишекъ.

Оригиналъ находится въ Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

Москва
въ ея
прошломъ
и настоящемъ

рыхъ служитъ до сихъ поръ громадная Міусская площадь, или же оврагами и рѣками, какъ, напримѣръ, между слободами новой Дмитровской и селомъ Сущевымъ, съ одной стороны, и Троицкой слободкой съ другой, гдѣ протекали рѣчка Неглинная и ручей Самотека.

Приглядимся поближе къ слободамъ, окружавшимъ Москву; посмотримъ, какъ онѣ были расположены и какъ текла жизнь въ этихъ придаткахъ могучаго организма Москвы, при помощи которыхъ онъ завоевывалъ постепенно деревенскій просторъ. Выѣхавъ изъ воротъ Земляного города по Тверской, путешественникъ, покидавшій Москву, попадалъ въ Тверскую ямскую Слободу, состоявшую при царѣ Михаилѣ изъ 60 дворовъ «ямскихъ охотниковъ», т.-е. ямщиковъ, содержавшихъ сообщеніе между Москвою и Тверью для надобностей Московскаго правительства. Въ слободѣ была своя церковь, вблизи которой стояли дворы причта, ямского прикащика и церковныхъ бобылей,—мелкихъ ремесленниковъ, живших на церковной землѣ. Всѣ ямскіе дворы занимали совершенно одинаковое пространство по 15 саж. въ длину и ширину да «въ огородѣ и въ огуменникѣ» 25 саженъ по длиннику и 15 въ поперечникѣ. Ямская слобода была настоящей деревней. Ямскіе дворы были окружены пашней, занимавшей подъ самой слободой «и съ тѣмъ, что подъ новой слободой межъ старой Дмитровской и новой дороги», 192 десятины. Влѣво ямская земля простиралась въ перемежку съ огородами московскихъ обывателей до Кудринской слободы или «оселка» и Волоцкой дороги, какъ называли въ то время нынѣшнюю большую Пресню. Если повернуть вправо отъ Тверской и ѣхать вдоль нынѣшней Каретной Садовой, можно было, миновавъ сначала новую, а потомъ и старую Дмитровскую дорогу, «что ѣзживали въ Петровскія ворота», попасть на дорогу, по которой «ѣздятъ отъ Тверскихъ воротъ на большую Троицкую дорогу». Ѣдучи этимъ путемъ, надо было проѣхать сначала мимо пахотныхъ угодій Тверскихъ ямщиковъ; за ними на лѣвой сторонѣ оставалась Новая Дмитровская слобода, потомъ новая слободка Воротниковская и старинное большое село или слобода Сущево, упоминаемое въ качествѣ княжеской вотчины еще въ удѣльные вѣка. Помянутая выше дорога, соединявшая Тверскія ворота съ Троицкой дорогой, проходила далѣе черезъ убогіе дома,—своеобразную особенность древней Москвы,- гдѣ складывались и хоронились тѣла самоубійцъ, казненныхъ, погибшихъ насильственною смертью и неизвѣстныхъ. «Убогіе домы», отъ которыхъ получила свое названіе Божедомка, были расположены вблизи ручья Самотеки; здѣсь съ нашей дорогой скрещивалась другая, ведшая изъ города въ село Напрудное съ его уже въ XVII в. чтимою церковью св. великомученика Трифона и въ возникшую еще въ XVI вѣкѣ на землѣ князя Черкасскаго, тянувшей къ его вотчинѣ с. Останкину, слободку Марьину, населенную ремесленниками, непашенными бобылями и дворовыми людьми князя. Отъ убогихъ домовъ дорога, ведшая съ Тверской, поднималась вверхъ къ старинной Переяславской ямской слободѣ, оставляя направо подмосковную слободку Троицкаго монастыря съ подворьемъ, на которомъ останавливались пріѣзжавшія въ Москву власти этой обители. Громадное пространство между валомъ города и слободами Сущевской, Марьиной, Троицкой и Переяславской и се-

ломъ Напрудным̀ъ оставалось долгое время пустым̀ъ и б̀ыло въ XVII вѣкѣ, кромѣ уб̀огихъ домовъ, занято пашней ямщиковъ Переяславской слоб̀оды, и отдѣльными частновладѣльческими участками, самые крупные изъ которых̀ъ еще носили привычное для русской деревни назван̀іе пустошей.

Переяславская ямская слоб̀ода вмѣстѣ съ появившейся рядомъ съ нею въ половинѣ XVII столѣт̀ія слоб̀одой Мѣщанской, предназначавшейся для западно-русских̀ъ переселенцевъ, занимала высокую мѣстность за Срѣтенскими воротами. Ея устройство ничѣмъ не отличалось отъ устройства Тверской и другихъ ямских̀ъ слоб̀одъ. Пахотныя земли переяславских̀ъ ямщиковъ, начинаясь, как̀ъ уже сказано, подъ Сущевым̀ъ, простирались къ востоку до нын̀ѣшних̀ъ Красных̀ъ воротъ и Краснаго пруда, гдѣ встрѣчались съ подгородными частновладѣльческими участками и съ б̀ольшой группой дворцовых̀ъ селъ и слоб̀одъ, непосредственно примыкавших̀ъ къ городу, составляя как̀ъ б̀ы его продолжен̀іе къ сѣверо-востоку. Это б̀ыли слоб̀оды старая и новая Басманныя и Сыромятническая и села Елохово, Красное, Покровское-Руб̀цово, Преображенское и Семеновское; за ними не въ далеком̀ъ разстоян̀іи находились старинная вотчина Чудова Монастыря, село Черкизово, и вотчина б̀ояръ Романовых̀ъ, Измайлово, перешедшее въ 1650-х̀ъ годах̀ъ, послѣ кончины б̀оярина Н. И. Романова, въ собственность царя Алексѣя. Вб̀лизи помянутых̀ъ дворцовых̀ъ селъ, между ручьем̀ъ Чечоркой и рѣчкой Яузой, возникла послѣ смутнаго времени новая Нѣмецкая слоб̀ода, куда б̀ыли переселены изъ города всѣ иностранцы. Об̀ъ этом̀ъ сильно старалось высшее Московское духовенство, мечтая уменьшить до предѣловъ возможнаго об̀щен̀іе русских̀ъ съ иновѣрцами; мечта, однако, не осуществилась; непрерывный рядъ улицъ соединялъ Нѣмецкую слоб̀оду съ Москвою, а б̀лизость дворцовых̀ъ селъ, ставших̀ъ въ концѣ столѣт̀ія царскими резиденц̀іями, сдѣлала изъ нея первое окно, черезъ которое сталъ смотрѣть на Европу юный царь Петръ.

Продолжая нашъ путь далѣе на востокъ, мы встрѣтимъ за Сыромятниками, на лѣвом̀ъ б̀ерегу Яузы, новый видъ подмосковнаго поселен̀ія, нами еще не отмѣченный. Съ юга Москва, подоб̀но современной крѣпости, б̀ыла опоясана лин̀ей фортовъ-монастырей, своими стѣнами и б̀ойницами прикрывавших̀ъ подступы къ посаду и оказывавших̀ъ не малую защиту столицѣ во время наб̀ѣговъ татаръ, прекративших̀ся только къ концу XVI столѣт̀ія. Монастыри эти—Андроньевъ, Новоспасск̀ій, Крут̀ицк̀ій, Симоновъ въ Заяузьѣ, Даниловъ и Донской за Москвою рѣкой, Новодѣвич̀ій и Новинск̀ій на юго-западѣ—охраняя столицу, жили своими особыми м̀ірками. Они б̀ыли окружены дворами служекъ, служеб̀никовъ, дѣтенышей, трудниковъ, как̀ъ называли всѣх̀ъ тѣх̀ъ м̀ірянъ, которые по личному усердію, по экономической необход̀имости или по холопству должны б̀ыли работать на иноковъ и доставлять об̀ителямъ довольство и спокойную жизнь. Служа монастырю, слуги подмосковных̀ъ об̀ителей б̀ыли по б̀ольшей части мелкими ремесленниками, для которых̀ъ б̀лизость къ столицѣ б̀ыла постоянным̀ъ источником̀ъ работы.

Громадное пространство по лѣвому б̀ерегу Яузы между Семеновским̀ъ и Андроньевым̀ъ монастыремъ, съ его слоб̀одкой «Вороньей», оставалось

въ XVII столѣтіи, повидимому, незастроеннымъ. По рѣкѣ Яузѣ въ мѣстахъ, гдѣ позднѣе выросли царскіе дворцы, стояли лишь мельницы, какъ стояли онѣ, впрочемъ, и по другимъ рѣчкамъ близъ города и даже внутри его — по Пресненѣ, Ходынкѣ, Неглинной. Наоборотъ, высокая мѣстность въ Заяузьѣ, за Таганскими воротами была покрыта если не сплошными, то во всякомъ случаѣ значительными поселеніями, не сливавшимися въ допетровское время ни со столицей, ни другъ съ другомъ. Это была, прежде всего, Рогожская ямская слобода, получившая свое названіе отъ села Рогожъ (нынѣ г. Богородскъ), расположеннаго по большой Владимірской дорогѣ, которую она обслуживала; ея пашни и огороды тянулись отъ Яузы до Калитникова болота и «убогихъ домовъ», находившихся близъ Крутицкаго монастыря. Далѣе—дворцовая слобода Алексѣевская, память о которой сохранилась въ названіи улицъ, соединяющихъ Андроньевъ монастырь съ Таганкой, Каменщики, вдоль Москвы рѣки отъ стѣнъ города до Новоспасскаго монастыря, наконецъ, слободки Монастырей Симонова и Новоспасскаго и владѣнія Крутицкаго митрополита, носившія названія деревень Малыхъ Крутицъ и Кожухова и слободокъ Арбатецкой и Дубровки.

А. П. Рябушкинъ. Московская улица допетровскаго времени въ праздничный день.

Въ Замоскворѣчьѣ за валомъ находимъ по берегу Москвы рѣки, противъ Каменщиковъ и Новоспасскаго монастыря, слободу Кожевники и монастырскую слободку Даниловскую; вокругъ Донскаго монастыря, болѣе молодого, чѣмъ другіе подмосковные монастыри, также завязывается въ XVII столѣтіи узелъ подмонастырнаго поселенія; но преобладающей по пространству и значенію является въ Замоскворѣчьѣ Коломенская ямская слобода, обслуживавшая дорогу на югъ отъ столицы; ея угодья съ обѣихъ сторонъ упирались въ Москву-рѣку.

Выйдя изъ города по Калужской дорогѣ, спустившись вправо по крутому берегу Москвы и перейдя послѣднюю около основаннаго въ половинѣ XVII столѣтія Ѳ. М. Ртищевымъ Андреевскаго монастыря, гдѣ кіевскіе

иноки работали надъ исправленіемъ богослужебныхъ книгъ, мы опять попадаемъ въ непосредственную близость города. Расположенный противъ дворцоваго села Воробьева и находившейся подъ нимъ слободки Лужниковской блисталъ главами своихъ церквей Новодѣвичій монастырь, отдѣленный отъ города громаднымъ полемъ, остатки котораго еще памятны теперешнимъ москвичамъ. Вправо отъ дороги изъ монастыря въ Москву лежала черная Хамовническая слобода, поставлявшая на Большой Дворецъ полотна и скатерти; влѣво вытянулась вдоль «бережковъ» и «овражковъ» Москвы-рѣки патріаршая Саввинская слободка, а за нею Дорогомилово, которое подѣлено было между Ямскою слободой, обслуживавшей Смоленскую дорогу, и Благовѣщенской слободой Ростовскаго митрополита, гдѣ жили его старинные домовые крестьяне; первая была за рѣкою, вторая находилась на лѣвомъ, городскомъ берегу Москвы вокругъ церкви Благовѣщенія въ «бережкахъ». Далѣе, отъ устья Прѣсни вверхъ по ея лѣвому берегу, раскинулась слободка патріаршаго Новинскаго монастыря, примыкавшая къ Кудрину, а за Прѣсней, между Москвою-рѣкою и Волоцкою дорогой была «великаго государя слободка Садовничья, да солодяной да свинарный дворы, потѣшный дворъ и псарскіе и всякихъ охотничьихъ людей дворы». Таковъ былъ внѣшній видъ и составъ ближайшихъ окрестностей Москвы.

Внутренній бытъ и занятія подмосковныхъ слободъ въ значительной степени зависѣли отъ ихъ происхожденія и той спеціальной цѣли, которой онѣ служили, того тягла. которое онѣ тянули. Ямскія слободы имѣли свое дѣло, важное въ общемъ распорядкѣ жизни того времени, но болѣе узкое сравнительно съ торговою дѣятельностью черныхъ слободъ и сотенъ Москвы. Спеціальныя занятія сосѣднихъ съ городомъ дворцовыхъ селъ и слободъ опредѣлялись ихъ отношеніемъ къ царскому хозяйству и состояли въ изготовленіи для Кремля запасовъ и въ доставкѣ продуктовъ—бѣлья въ Хамовникахъ, кожаныхъ издѣлій въ Кожевникахъ и Сыромятникахъ—или же въ отбываніи барщины или уплатѣ оброка во дворецъ: такъ было въ селахъ Красномъ, Покровскомъ и другихъ. Наконецъ, назначеніемъ Монастырской слободки была работа на братію. Однако, спеціальными тягловыми работами не исчерпывались занятія жителей подмосковныхъ селъ и слободъ. Рядомъ съ подневольной работой на государство, дворецъ или монастырь была вольная работа на большой городъ, который требовалъ торговцевъ, промышленниковъ, ремесленниковъ. Черныхъ сотенъ внутри города не хватало для надобностей московскаго рынка. Извѣстно, что въ самой Москвѣ торговлею и промыслами занимались и черныя дворцовыя слободы и стрѣльцы и другіе мелкіе служилые люди въ свободное отъ походовъ и службы время. То же можно сказать и о пригородныхъ поселеніяхъ. Переписи подмосковныхъ слободъ, при всей ихъ сухости и краткости, рисуютъ яркую и интересную картину. Ямщики и мелкіе служилые люди торгуютъ, государевы оброчные крестьяне въ какомъ-нибудь селѣ Красномъ или Еловѣ оказываются портными, серебрениками, калашниками, а служки и дѣтеныши монастырскихъ слободъ—печниками, сѣдельниками, сапожниками, дровосѣками, мясниками, плотниками, словомъ, въ каждой такой слободкѣ или селѣ оказывались въ наличности чуть ли не всѣ ремесла, какія

Шествіе въ Успенскій Соборъ

Торжественный обѣдъ въ Кремлевскихъ Палатахъ.

Изъ книги: „Избраніе на царство Мих. Feод. Романова", съ экземпляра, находящагося въ Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ.

МОСКВА
ВЪ ЕЯ
ПРОШЛОМЪ
И НАСТОЯЩЕМЪ

могутъ существовать въ большомъ городѣ. Можно, кажется, подмѣтить и нѣкоторую спеціализацію, вызываемую или условіями мѣста, или случайными причинами. Такъ, въ слободкѣ Новинскаго монастыря жило довольно много «могиляковъ», обслуживавшихъ монастырское кладбище, а также довольно значительное число московскихъ извозчиковъ. Непашенные бобыли Крутицкой слободки Дубровки занимались кирпичнымъ дѣломъ, что, быть можетъ, объяснялось свойствами почвы. Промыслами поддерживало себя и низшее духовенство: въ 1646 году была «на рѣкѣ на Москвѣ у Воробьевыхъ кручъ церковь Андрея Стратилата, да на ея церковной землѣ сарай, а въ немъ жгутъ кирпичье, сарай попа Ивана Кондратьева, а въ немъ кирпичъ жжетъ самъ попъ на продажу, да другой сарай попа Алексѣя Денисова, да въ томъ же сараѣ жеребей дьяконовъ и тотъ жеребей въ спорѣ у попа Алексѣя съ церковнымъ дьячкомъ Тимошкою Ивановымъ».

Такъ, между Москвою и ея деревенскими окрестностями простирался довольно широкій поясъ поселеній, непосредственно связанныхъ съ городомъ, жившихъ съ нимъ одною жизнью и работавшихъ на него. Уже въ XVII столѣтіи Москва была обширнымъ рынкомъ, не довольствовавшимся тѣмъ, что производилось внутри его и поглощавшимъ производство окрестныхъ селеній. Селенія эти были прямымъ и естественнымъ продолженіемъ столицы, и ихъ внутренній бытъ мало чѣмъ отличался отъ быта посадскихъ общинъ внутри города. Какъ и тамъ преобладали мелкіе интересы самой слободки, ограниченной двумя-тремя улицами съ деревянной мостовой и грязью по колѣно; нарушали однообразіе посѣщеніе церкви по праздникамъ и развлеченія въ кабакѣ. Обыденная жизнь лишь изрѣдка заслонялась общею жизнью столицы. Сообщеніе, несмотря на близость, было тяжелымъ и часто затруднительнымъ. Въ Москву ходили и ѣздили за дѣлами или за зрѣлищами: посмотрѣть на празднества, выходы царей, пріѣздъ иноземцевъ. Болѣе сильный отголосокъ на далекихъ городскихъ окраинахъ находили крупныя событія, происходившія въ стѣнахъ Москвы и потрясавшія подчасъ всю страну. Къ такимъ событіямъ, какъ показываетъ намъ исторія Смутнаго времени, умѣло чутко прислушиваться все русское населеніе; умѣло оно и отзываться на нихъ.

Постепенно, однако, большой городъ поглощалъ самостоятельность окраинъ. Важнымъ моментомъ въ исторіи пригородовъ старой Москвы былъ 1649 годъ., когда, съ введеніемъ въ силу Соборнаго Уложенія, обитатели патріаршихъ и монастырскихъ подмосковныхъ слободокъ были взяты въ Московскій посадъ и расписаны по городскимъ сотнямъ и слободамъ. Постановленіе «впредь опричь государевыхъ слободъ ничьимъ слободамъ на Москвѣ не быть» было распространено и на московскіе пригороды: только государевы дворцовыя села да государственныя ямскія слободы сохранили и позднѣе отдѣльное отъ Москвы существованіе.

За поясомъ слободъ и подмосковныхъ селъ разстилался до южной степи, польскихъ границъ, Бѣлаго моря и Урала деревенскій просторъ. Что считать окрестностями Москвы, чѣмъ отличались эти окрестности отъ остальной страны, напоминалъ ли тогдашній видъ ихъ то, что мы теперь видимъ вокругъ города? Вотъ вопросы, которые сами собою становятся на очередь.

Окрестности Москвы, условно, конечно, можно ограничить Московскимъ уѣздомъ. Уѣздъ—основное областное дѣленіе Московскаго государства, округъ, который князь объѣзжалъ для сбора дани; уѣздъ возникъ въ удѣльное время, пережилъ всю Московскую эпоху и, несмотря на многочисленныя перемѣны при Петрѣ, благополучно дожилъ до Екатерининскаго Учрежденія о губерніяхъ. Тогда уѣзды, сохранивъ названіе, почти вездѣ измѣнили свои границы. Старинный Московскій уѣздъ значительно отличался отъ современнаго и обнималъ не только Московскій, но также и нынѣшніе Подольскій, Бронницкій, Богородскій и части Дмитровскаго, Звенигородскаго, Верейскаго и Серпуховского уѣздовъ. Онъ сложился въ такомъ видѣ изъ ближайшихъ къ столицѣ волостей и изъ отдѣльныхъ подмосковныхъ селъ, которыя въ удѣльную эпоху давались обыкновенно порознь всѣмъ наслѣдникамъ Московскаго князя. Къ этимъ волостямъ и селамъ были позднѣе присоединены части старинныхъ удѣловъ Боровского и Серпуховского. Московскій уѣздъ распадался болѣе чѣмъ на 60 мелкихъ дѣленій, носившихъ названіе волостей и становъ. Перечислимъ тѣ изъ нихъ, которые непосредственно прилегали къ городу. По лѣвому берегу Москвы-рѣки, выше города, тянулся Горетовъ станъ, примыкавшій къ городскому валу между Дорогомиловымъ и Тверской дорогой; на территоріи его были расположены Прѣсненская, Кудринская и Новинская слободы. Между Тверской и Троицкой дорогами подходилъ къ Москвѣ простиравшійся далеко на сѣверъ станъ Манатьинъ Быковъ и Коровинъ; станъ этотъ составился изъ трехъ ранѣе отдѣльныхъ волостей; къ нему принадлежали подгородныя слободы: Новая Дмитровская, Сущевская, Троицкая и село Напрудное.

Къ сѣверо-востоку отъ Москвы, вдоль Троицкой дороги и вправо отъ нея до селъ Черкизова и Измайлова, была расположена дворцовая волость Тайнинская, въ составъ которой входили и большіе лѣса, донынѣ сохранившіеся близъ Москвы подъ названіями Сокольниковъ и Лосинаго острова. Съ востока отъ границъ дворцовыхъ земель до Симонова монастыря, на Москвѣ-рѣкѣ прилегалъ къ столицѣ станъ Васильцовъ, въ который входили пригородныя слободки Заяузья. Съ Замоскворѣчьемъ граничилъ Ратуевъ станъ, а Воробьевы горы и Дорогомилово принадлежали къ стану Сѣтунскому, получившему свое названіе отъ рѣчки Сѣтуни. На западѣ Сѣтунскій станъ отдѣлялся рѣкою Москвой отъ Горетова стана.

Въ XVI столѣтіи Московскій уѣздъ еще подвергался опустошеніямъ татаръ, какъ это было, напримѣръ, въ 1571 и 1591 годахъ, но это обстоятельство не мѣшало ему быть одною изъ наиболѣе густо населенныхъ мѣстностей страны. Лишь къ концу столѣтія въ окрестностяхъ столицы дало себя чувствовать пагубное вліяніе затяжного экономическаго истощенія, отъ котораго страдало Московское государство при царѣ Иванѣ. Смута ураганомъ промчалась надъ окрестностями Москвы. Не миновали безслѣдно для нихъ самозванцы, народные вожди вродѣ Болотникова, казаки, поляки. Описанія Московскаго уѣзда въ 10-хъ годахъ XVII столѣтія всегда сопровождаются безотраднымъ заключеніемъ: «а нынѣ все пусто», «села и деревни запустѣли отъ Литовскихъ людей», «а по новому

дозору все пусто». Подъ Троицкимъ монастыремъ запустѣли двѣ женскихъ обители: на «троицкой землѣ, въ Хотьковѣ былъ монастырь, а нынѣ стоитъ церковь Покрова Пресвятой Богородицы, да на монастырѣ 27 мѣстъ келейныхъ порозжихъ; да на троицкой землѣ былъ монастырь Богородицкій Подсосеньемъ, разоренъ отъ Литовскихъ людей». Этотъ послѣдній монастырь такъ и не былъ возстановленъ послѣ смуты. Такая же участь постигла цѣлыя села, деревни, усадьбы. Населеніе за смуту убыло и едва начало оправляться въ 20-хъ годахъ XVII вѣка. Это лучше всего видно на примѣрѣ. Въ троицкихъ вотчинахъ Московскаго уѣзда, занимавшихъ, не включая огромныхъ лѣсовъ, пространство до 40.000 десятинъ, въ 1593 году было 280 селеній, съ 1545 населенными дворами; въ 1614 г. ихъ оставалось лишь 91 съ 215 дворами; въ 1625 году цифры эти повысились до 155 и 934. Лишь послѣ «королевичева прихода»,—такъ называли въ Москвѣ походъ Владислава на Москву въ 1618 г.,—окрестности Москвы получили, наконецъ, тотъ миръ и тишину, въ которыхъ онѣ такъ нуждались, и стали оправляться отъ перенесенныхъ потрясеній. Лишь съ большимъ трудомъ можно себѣ представить численность населенія Московскаго уѣзда за время отъ смуты до Петра. По мѣрѣ того, какъ страна оправлялась отъ разоренія, прежніе жители, распуганные и разогнанные смутой, возвращались на старыя мѣста; строились деревни, распахивались запустѣвшія поля, расчищались нови. Правительство царя Михаила имѣло въ своемъ распоряженіи очень мало денегъ и очень много пустыхъ земель. Естественно, что наряду съ другими способами эксплоатаціи этихъ земель должна была возникнуть мысль объ использованіи ихъ путемъ продажи частнымъ лицамъ. Этимъ пополнялась истощенная казна и оказывалось косвенное содѣйствіе экономическому подъему страны: предоставляя частнымъ лицамъ пріобрѣтать пустыя земли, правительство передавало имъ заботу о хозяйственной ихъ эксплоатаціи. Въ такихъ именно цѣляхъ былъ изданъ указъ 7 февраля 1628 года, разрѣшавшій продажу порожнихъ земель въ вотчины «боярамъ и приказнымъ людямъ и служилымъ и не служилымъ людямъ и мочнымъ гостямъ» по полторы десятины за рубль, «чтобы изъ пуста въ живущее выходило». Практическое дѣйствіе закона 1628 года было довольно замѣтнымъ, особенно въ первое время: за годъ съ небольшимъ въ Московскомъ уѣздѣ было продано 75 участковъ. Среди лицъ, пріобрѣтавшихъ ихъ, встрѣчаются громкія имена князя Д. М. Пожарскаго, боярина И. Н. Романова, Шереметевыхъ и другихъ видныхъ дѣятелей эпохи. Внутренняя колонизація не могла не оказать вліянія на подъемъ хозяйственнаго состоянія окрестностей столицы и на увеличеніе подмосковнаго населенія. Землевладѣльцы различными способами привлекали рабочія руки на пустыя земли. Видное мѣсто въ первое время послѣ смутъ занимало возвращеніе сельскихъ жителей, разошедшихся въ лихолѣтіе. Еще болѣе распространеннымъ явленіемъ былъ переводъ крестьянъ изъ многолюдныхъ селеній во вновь возникавшія. Встрѣчаются также случаи своза крестьянъ, хотя свозъ въ XVII вѣкѣ принадлежалъ къ отмиравшимъ явленіямъ. Въ годы польскихъ войнъ царя Алексѣя Михайловича пустыя земли нерѣдко колонизовались «полонными людьми», вывозимыми изъ западной Россіи. Въ результатѣ, вмѣсто «пустошей, что были деревни»,

столь характерныхъ для конца XVI и начала XVII столѣтій, все чаще и чаще стали встрѣчаться «деревни, что были пустоши». Непрерывный ростъ селъ и деревень вокругъ Москвы не замедлилъ отразиться и въ официальныхъ документахъ: переписчики 1646 г. насчитали въ уѣздѣ до 13800 тяглыхъ дворовъ съ населеніемъ 70.000 человѣкъ обоего пола. Въ 1678 году населеніе уѣзда уже превышало 90.000, т.-е. за 32 года возросло на одну треть. Правда, цифры эти имѣютъ относительное значеніе. Техника переписного дѣла не была высока; въ перепись не включались неподатныя группы населенія, — дворянство, духовенство, а это повышаетъ истинную цифру населенія. Однако взаимное отношеніе приведенныхъ цифръ не измѣняется; онѣ ясно показываютъ, что, подобно населенію самой Москвы, росло и населеніе ея окрестностей, по мѣрѣ того, какъ сглаживавались слѣды смуты.

Итакъ, сравнительная населенность была отличительнымъ свойствомъ окрестностей столицы. Москва въ то время была во всѣхъ отношеніяхъ центромъ страны. Въ нее отовсюду сходились большія дороги. Кромѣ пяти главныхъ дорогъ, перечисленныхъ выше, по которымъ была организованна ямская гоньба, въ Москву вели и другія, второстепенныя. Это были дороги—Калужская, Коломенская вдоль лѣваго берега Москвы-рѣки, Волоцкая, Дмитровская, Киржацкая. Подвигаясь по любой изъ этихъ дорогъ къ Москвѣ, путникъ еще задолго долженъ былъ замѣтить близость большого города. Однообразіе безграничныхъ лѣсовъ и пустырей, которые такъ поражали иностранцевъ, ѣхавшихъ въ Москву, смѣнялись болѣе оживленными картинами. Сѣрыя, крытыя тесомъ, деревни попадались чаще; чаще виднѣлись усадьбы бояръ, дворянъ; ярко блестѣли среди деревянныхъ построекъ и лѣсовъ каменныя церкви, воздвигнутыя усердіемъ богатыхъ вотчинниковъ; наконецъ, за нѣсколько верстъ, съ Поклонной горы, существовавшей почти на каждой ведшей въ столицу дорогѣ, открывался видъ на Москву, одинаково изумлявшій, хотя по разнымъ причинамъ, и русскаго, и иностранца. Видъ Москвы изумляетъ и теперь; онъ не потерялъ своей красоты и оригинальности, своего стариннаго облика. Можно думать, что и подмосковныя окрестности не утратили вполнѣ всѣхъ чертъ, отличавшихъ ихъ въ старое время. Еще очень велики лѣса, окружающіе Москву, еще сѣрѣютъ деревянныя избы среди каменныхъ и кирпичныхъ строеній; и еслибы не было фабрикъ, желѣзныхъ дорогъ и всего того, что внесено въ жизнь культурными пріобрѣтеніями новѣйшаго времени, то москвичъ временъ царя Михаила, чудомъ проснувшійся въ XX вѣкѣ, могъ бы безъ большого труда узнать привычную для него мѣстность.

Обратимся теперь къ другимъ особенностямъ подмосковныхъ мѣстъ. Въ XVI—XVII вѣкахъ Москва — столица царства и резиденція царя. Дворцовое хозяйство было самымъ сложнымъ и обширнымъ во всемъ государствѣ. Разсыпанныя по всей странѣ дворцовыя села и волости, обслуживавшія различныя нужды царскаго двора, были особенно многочисленны подъ Москвою, гдѣ онѣ тянулись почти непрерывною линіей отъ границъ Звенигородскаго уѣзда, черезъ Павшино, Хорошово, Крылатское, Воробьево, до города, и далѣе внизъ по рѣкѣ, гдѣ мы находимъ дворцовыя села Коломенское, Борисово, Островъ, Быково, Верхнее и Нижнее Мячково, Софь-

А. ВАСНЕЦОВЪ—СТАРАЯ МОСКВА.

MEZZOTINTOGRAVÜRE BRUCKMANN, MÜNCHEN

Москва
въ ея
прошломъ
и
настоящемъ

ино, Бронницы. Дворцовыя земли лежали также, какъ мы уже знаемъ, и къ сѣверо-востоку отъ Москвы. Не считая пригородныхъ дворцовыхъ селъ, вдоль Троицкой дороги, въ перемежку съ заповѣдными царскими лѣсами, расположены были временныя резиденціи, гдѣ дворъ останавливался во время государевыхъ богомольныхъ походовъ. Это были—Алексѣевское, Тайнинское, Пушкино, Братовщино, Воздвиженское и другія; въ иныхъ изъ нихъ и донынѣ еще сохранились слѣды царскихъ дворцовъ. Нѣсколько далѣе отъ столицы встрѣчаемъ конюшенныя волости Домодѣдовскую и Бронницкую и Черноголовскую волость ловчаго пути, несшія спеціальную службу дворцу; сплошной территоріей лежали дворцовыя земли на южной окраинѣ уѣзда вокругъ села Хотуни (нын. Серпуховскаго у.) и на юго-востокѣ, гдѣ подъ названіями Гвоздны, Сельны, Гуслицы, Гжели, Куньей, Загарья занимали значительную часть нынѣшнихъ Богородскаго и Бронницкаго уѣздовъ.

Башня въ селѣ Коломенскомъ.

Дворцовыя села и волости были обложены различными повинностями въ пользу дворца; мы только что упоминали о дворцовыхъ конюшенныхъ и ловчихъ волостяхъ; подобно этимъ волостямъ особыя спеціальныя повинности на дворецъ отбывало с. Семеновское (въ нын. Дмитровскомъ у., неподалеку отъ Пушкина и Братовщина), поставлявшее въ Кремль дрова. Повинностью большинства другихъ дворцовыхъ селъ уѣзда была доставка хлѣбныхъ запасовъ, отбытіе барщины въ двор-

цовыхъ имѣніяхъ, гдѣ существовала «государева пашня» или уплата денежнаго оброка. Какъ общее правило, можно установить, что оброкъ платили села, расположенныя у воротъ города, вродѣ Краснаго, Покровскаго; барщина была распространена въ другихъ близкихъ къ Москвѣ селахъ. Таковы были Коломенское, Измайлово, Воробьево, Алексѣевское.

Болѣе отдаленныя села и волости пахали государеву пашню у себя дома и доставляли во дворецъ хлѣбъ въ зернѣ. Независимо отъ сказаннаго, всѣ дворцовыя села обязаны были доставлять «столовые запасы»—мясо, сыръ, яйца, домашнюю птицу, орѣхи, грибы и прочую снѣдь, быстро потреблявшуюся безчисленнымъ населеніемъ Кремлевскаго дворца. Для болѣе далекихъ селъ такая повинность замѣнялась дополнительнымъ денежнымъ оброкомъ. Что такое было большое дворцовое село подъ Москвою, покажетъ намъ лучше всего взглядъ на село Измайлово, старинную вотчину Романовыхъ и одну изъ резиденцій царя Алексѣя. Бояринъ Н. И. Романовъ и его наслѣдникъ царь Алексѣй Михайловичъ завели въ Измайловѣ образцовое хозяйство съ запашкой свыше 700 десятинъ; сверхъ того, отведены были особо 34 десятины для посѣва гречихи. Въ описаніяхъ с. Измайлова встрѣчаются слѣдующія строенія, принадлежавшія къ сельскому хозяйству: каменныя риги, житный дворъ, льняной дворъ, скотный дворъ длиною 45, шириною 24 сажени; въ немъ содержалось быковъ 903, дойныхъ коровъ 128, телокъ и телятъ 272, барановъ 284. На конномъ дворѣ стояло 700 лошадей: на птичьемъ было 484 лебедя, павлина, гуся, утки и разныхъ куръ. Въ запасныхъ складахъ хранилось 500 заступовъ, 192 косы, 400 сохъ, 900 серповъ и т. д.[1]). Такую же приблизительно картину представляло и другое любимое село царя Алексѣя—Коломенское, особенностью котораго была не только большая дворцовая запашка, но также громадные фруктовые сады и поемные луга, куда на сѣнокосъ собирался рабочій людъ со всѣхъ почти дворцовыхъ волостей Московскаго государства.

Дворцовыя вотчины были капиталомъ, на который существовало громадное хозяйство Московскихъ царей. Государи XVI вѣка знали это и дорожили дворцовыми землями. Такъ же поступали и первые два царя изъ дома Романовыхъ, которые даже въ годы устроенія государства послѣ смуты сумѣли сберечь дворцовыя имѣнія. Но со смертью Алексѣя Михайловича дѣло мѣняется. У кормила правленія становятся временщики, опекуны, родственники малолѣтнихъ царей. Власть на долгое время переходитъ въ руки придворныхъ кружковъ, не заботившихся объ интересахъ государства. Начинается безумная и безпорядочная раздача дворцовыхъ земель. Въ числѣ получившихъ земли находимъ Апраксиныхъ, Милославскихъ, Салтыковыхъ, Нарышкиныхъ, Лопухиныхъ, патріарха Іоакима съ его родственниками, дѣятелей переворотовъ 1682 и 1689 гг.—Хованскихъ, Голицыныхъ, Стрѣшневыхъ. Петръ, взявъ въ свои руки правленіе, не измѣнилъ этой политики. Упразднивъ старый дворцовый обиходъ, онъ щедро раздавалъ и дворцовыя имѣнія. Достаточно сказать, что Меншикову

[1]) Мартыновъ и Снегиревъ. Русская старина въ памятникахъ гражданскаго и церковнаго зодчества, годъ 4-й (1853), Стр. 101—104.

въ Московскомъ уѣздѣ были подарены волости Домодѣдовская, Гуслица и Гвоздна и села Верхнее и Нижнее Мячково съ 1270 дворами крестьянъ и 20000 десятинъ одной только пахотной земли, а князь Г. Ѳ. Долгорукій получилъ Хотунскую волость съ 700 дворовъ и 5700 десятинъ пахотной земли. Можно думать, что въ теченіе 35 лѣтъ съ 1676 до 1711 года было роздано до милліона десятинъ дворцовой земли, при чемъ Подмосковье пострадало едва ли не сильнѣе другихъ мѣстностей. Такъ, вмѣстѣ со старымъ Московскимъ дворцомъ рушился и земельный капиталъ, его содержавшій. Дворцовое хозяйство было преобразовано и основано на другихъ началахъ.

Резиденція царя, Москва, была въ то же время и духовной столицей страны, мѣстомъ жительства россійскихъ митрополитовъ и патріарховъ, городомъ сорока сороковъ церквей и богатыхъ обителей. Мы уже видѣли, какое значеніе имѣли подмосковные монастыри съ ихъ торгово-промышленными слободками; мы знаемъ также, какъ велики были имѣнія Троице-Сергіева монастыря въ окрестностяхъ столицы. Насколько велика вообще была площадь церковныхъ имѣній подъ Москвою, можно судить по тому, что эта площадь лишь на 30% была менѣе всѣхъ частновладѣльческихъ дворянскихъ имѣній. XVI столѣтіе было временемъ особенно сильнаго роста монастырскихъ имѣній, роста, встревожившаго и взволновавшаго правительство настолько, что еще царь Иванъ счелъ нужнымъ закономъ оградить ростъ монастырскаго землевладѣнія. Но законъ этотъ плохо исполнялся первое время. Въ событіяхъ смуты общественное мнѣніе видѣло наказаніе за грѣхи всей земли. Эта мысль укоренилась въ умахъ современниковъ: русская земля въ грѣхахъ; ей ниспослано тяжелое испытаніе; въ смиреніи и покаяніи надо каждому молить о прощеніи грѣховъ, потому что каждый несетъ свою долю вины въ общихъ бѣдахъ. Чѣмъ же замолить грѣхи? Тѣмъ, что чаще всего составляло богатство русскаго человѣка того времени: землею, недвижимымъ имѣніемъ, отдавая его въ монастырь, какъ искупительную жертву. Такой образъ мыслей долженъ былъ вызвать и дѣйствительно вызвалъ новый приливъ земельныхъ вкладовъ въ монастыри. Нѣтъ почти ни одного сколько-нибудь замѣтнаго дѣятеля того времени, который бы не пожертвовалъ земли въ чтимую имъ обитель: въ одинъ только Троицкій монастырь между 1594 и 1614 годами было пожертвовано въ Московскомъ уѣздѣ 1900 десятинъ земли. Лишь постепенно въ общественномъ мнѣніи, а затѣмъ и въ законодательствѣ совершается переворотъ. Съ 30-хъ годовъ XVII вѣка вклады уменьшаются, а позднѣе, послѣ того какъ Соборное Уложеніе запретило всякія земельныя дачи въ духовныя учрежденія, жертвователями подмосковныхъ земель остаются только государи, не прекращавшіе своихъ земельныхъ вкладовъ въ обители, и даже разрѣшавшіе духовнымъ властямъ расширять свои владѣнія покупкою. Такъ было, напримѣръ, съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, который позволилъ своему любимцу Никону покупать земли для воздвигаемаго имъ Новоіерусалимскаго монастыря.

Частновладѣльческія имѣнія подъ столицей, «подмосковныя», какъ ихъ привыкли называть, появились въ большомъ числѣ только въ царствованіе

Ивана IV, когда правительство, желая усилить число военно-служилыхъ людей, приписанныхъ къ столицѣ, раздавало въ частное владѣніе огромныя пространства земли въ Московскомъ и смежныхъ съ нимъ уѣздахъ. Во второй половинѣ XVI вѣка по всѣмъ направленіямъ вокругъ Москвы уже виднѣлись усадьбы или, какъ тогда говорили, «усадища» бояръ, дворянъ и приказныхъ людей. Смута не измѣнила положенія дѣла, а послѣдующее время, съ раздачей дворцовыхъ имѣній и продажей свободныхъ земель, увеличило число дворянъ землевладѣльцевъ подъ столицей. Первоначально юридическая природа подмосковныхъ имѣній мало чѣмъ отличалась отъ другихъ мѣстъ страны; вотчины чередовались съ помѣстьями, и послѣдній видъ владѣнія, условный, обезпеченный дѣйствительной военной службой владѣльца, вѣроятно, даже преобладалъ. Позднѣе, однако, съ распространеніемъ обычая жаловать помѣстья въ вотчину и съ развитіемъ покупокъ вотчинниками запущенныхъ участковъ подмосковныя мѣстности ранѣе другихъ отразили на себѣ послѣдствія этихъ явленій. Въ концѣ XVII столѣтія помѣстное владѣніе подъ столицей—рѣдкость, и можно навѣрное сказать, что знаменитый законъ Петра, слившій въ 1714 году помѣстья и вотчины въ одну дворянскую собственность, не создалъ здѣсь почти ничего новаго.

Подмосковными имѣніями владѣли всѣ тѣ, чья служба протекала въ Москвѣ. По всѣмъ дорогамъ отъ города можно было встрѣтить вотчины и мелкихъ и крупныхъ московскихъ дѣятелей, были эти вотчины и у воротъ столицы. Такъ, напримѣръ, князья Мстиславскіе владѣли Филями и Кунцевымъ, Останкино принадлежало князьямъ Черкасскимъ, такъ же какъ село Никольское по большой тверской дорогѣ. Шереметьевы еще при царѣ Иванѣ владѣли Кусковымъ; вблизи большой троицкой дороги была вотчина князя Пожарскаго, село Медвѣдково, а далѣе лежали вотчины боярина Шеина, героя Смоленской осады, и историка смуты князя Катырева-Ростовскаго. Неподалеку отъ тверской дороги расположена была вотчина родни царя Михаила Стрѣшневыхъ — село Покровское; по той же дорогѣ можно было встрѣтить владѣнія кн. Воротынскихъ, а въ концѣ XVII вѣка также вотчину Б. Ѳ. Годунова; другая вотчина царя Бориса, с. Вяземы, лежала по смоленской дорогѣ. Подобнымъ перечисленіемъ можно было бы занять цѣлыя страницы. Мы бы, однако, очень ошиблись, предполагая въ имѣніяхъ большихъ московскихъ бояръ найти ту роскошь, которою прославились ихъ правнуки въ Екатерининское время. Вотъ какъ описываетъ И. Е. Забѣлинъ вотчину старѣйшихъ московскихъ бояръ, князей Мстиславскихъ, с. Фили или, по тогдашнему, Хвили, на Москвѣ рѣкѣ, «усть рѣчки Хвилки». «Подъ селомъ былъ прудъ, а въ селѣ церковь Покровъ Богородицы, деревянная строенная клѣтски, т.-е. какъ клѣть, изба. Вблизи церкви стоялъ дворъ вотчинниковъ—боярскій дворъ. По всему вѣроятію, хоромы князей Мстиславскихъ не отличались отъ общаго типа боярскихъ сельскихъ домовъ. Хоромный составъ такого двора заключался въ нѣсколькихъ горницахъ съ комнатами, раздѣленныхъ сѣнями и стоявшихъ на жилыхъ подклѣтахъ, т.-е. на нижнемъ служебномъ этажѣ; черезъ сѣни же стояли повалуши, родъ жилыхъ высокихъ башенъ въ три яруса. Въ богатомъ дворѣ строился третій ярусъ—чердаки и терема. Таковы были части

Катанье Австрійскаго посольства къ Новодѣвичьему монастырю.

Москва
въ ея
прошломъ
и
настоящемъ

жилыхъ хоромъ, находившіяся въ одной связи. Боярскія хоромы стояли всегда въ глубинѣ двора, огороженнаго заборомъ. Во дворъ вели одни или двое воротъ, переднія съ пріѣзда и заднія, съ поля. Кромѣ хоромъ на томъ же дворѣ помѣщались разныя служебныя и обиходныя избы и клѣти, конюшни и скотные дворы. Со стороны двора поближе къ хоромамъ раскидывался садъ, обыкновенно плодовый, огороженный тоже заборомъ или плетнемъ. У воротъ же всегда строилась сторожевая изба, а если вотчина была большая и населенная, то тутъ же у воротъ ставилась изба схожая для крестьянскихъ сходокъ, которая называлась также и судебною, потому что здѣсь происходилъ вотчинный судъ». Едва ли подмосковную вотчину Мстиславскихъ слѣдуетъ считать очень большой и очень населенной; въ составъ ея, кромѣ села Филей, входили еще 4 деревни, Гусарево, Ипское, Кунцево и Мазилово, и 8 пустошей, въ которыхъ кромѣ двора вотчинникова и приказчикова было 5 дворовъ холоповъ, 15 дворовъ крестьянскихъ и 9 дворовъ бобыльскихъ съ населеніемъ въ 40 душъ мужскаго пола [1]). Сравнимъ съ Филями рядовую вотчину средняго служилаго человѣка. Вотъ описаніе вотчины дворянина Воронцова-Вельяминова сельца Ѳедоскина въ Манатьинѣ стану подъ Москвою. «Дворъ вотчинниковъ, а на дворѣ дворовыя строенья, хоромъ; горница на подклѣтѣ бѣлая, осиновая, получетверты сажени, крыта драницами; въ горницѣ печь бѣлая кирпичная съ трубою, въ подклѣти печь косящатая, передъ горницей сѣни, а въ сѣняхъ чуланъ дощеной, на сѣняхъ чердакъ дощатый. На переднемъ дворѣ житница осиновая и конюшня, крыты соломой да на заднемъ дворѣ баня осиновая, 2 сажени, погребъ дубовой, поварня», также крытые соломой. Отдѣльно стояли дворы скотный и конюшенный съ избой, житница «да изба ветченая, мшена, для хлѣбнаго ссыпища». Въ житницѣ было 118 четвертей ржи и овса; на дворахъ стояли 24 лошади, 35 головъ рогатаго скота, 30 овецъ и 30 свиней; да пашни было 36 десятинъ. Въ вотчинѣ было 9 дворовъ крестьянъ съ населеніемъ въ 37 человѣкъ мужского пола. Разница между вотчинами перваго боярина и простого дворянина сравнительно невелика и во всякомъ случаѣ не отвѣчаетъ разницѣ въ ихъ состояніяхъ и ихъ социальномъ положеніи. Это не обманъ зрѣнія и не простая случайность. И большой боярин̀ъ и простой дворянинъ были одинаково безсмѣнными царскими слугами. Первый входилъ въ дворецъ черезъ боярскую площадку, засѣдалъ въ думѣ, предводительствовалъ войскомъ; дѣятельность второго протекала въ хозяйственныхъ помѣщеніяхъ дворца, въ приказахъ, въ рядахъ войска. Но мѣстомъ постояннаго жительства обоихъ были ихъ московскіе дворы. Выѣздъ изъ Москвы означалъ походъ, служебное порученіе, назначеніе въ провинцію; отпуски давались рѣдко и бывали кратковременными, такъ что основаться въ подмосковной надолго удавалось не часто. Былъ лишь одинъ случай, когда имѣніе могло на долгій срокъ стать резиденціей московскаго служилаго человѣка – это была государева опала; но въ подмосковныя не ссылали опальныхъ; чаще всего государь указывалъ лицамъ, навлекшимъ его гнѣвъ, ѣхать въ дальнія деревни, подальше отъ столицы и царскаго двора.

[1]) Забѣлинъ. Кунцево и древній Сѣтунскій станъ, 158–161.

Чѣмъ же были подмосковныя въ XVI—XVII столѣтіяхъ? Какъ дворцовыя имѣнія служили для поддержанія громаднаго дворцоваго хозяйства, такъ имѣнія частныхъ лицъ были сельско-хозяйственными фермами, которыя доставляли на московскіе дворы своихъ хозяевъ всякіе запасы. Лишь въ рѣдкихъ, сравнительно, случаяхъ и притомъ ненадолго, служили онѣ мѣстомъ отдыха и развлеченія; сюда пріѣзжали, отпросившись на нѣсколько дней, осмотрѣть хозяйство, полюбоваться на деревенскій просторъ да позабавиться охотой, псовой и соколиной, составлявшей любимую утѣху знатнаго москвича той эпохи. Едва ли, впрочемъ, московскіе бояре и дворяне ощущали сильную потребность жить въ деревнѣ. Ихъ московскіе дворы были цѣлыми помѣстьями съ просторными хоромами, теремами, повалушами, безчисленными клѣтями, подклѣтами, кладовыми, амбарами, съ тѣнистыми садами, большими огородами. Такой московскій дворъ и былъ центромъ, гдѣ протекала частная жизнь московскаго служилаго человѣка, а его загородныя имѣнія были, главнымъ образомъ, источникомъ его матеріальнаго благосостоянія и поддержкой его московскаго хозяйства. Подмосковная вотчина управлялась обыкновенно приказчикомъ, жившимъ въ особомъ дворѣ, неизмѣнно упоминаемомъ во всѣхъ описаніяхъ имѣній. Приказчикъ, довѣренное лицо изъ своихъ же крѣпостныхъ, полновластно распоряжался въ имѣніи, подъ постояннымъ, впрочемъ, опасеніемъ попасть подъ «государевъ гнѣвъ и опалу» и получить «кнутъ и чѣпь». Главною обязанностью приказчика было получить и доставить въ Москву то, что вносили своему господину крестьяне и дворовые. «Государю Володимиру Ивановичу и Государынѣ Ѳедорѣ Алексѣевнѣ, холопъ вашъ, государей своихъ, Гришка да староста Ивашко Захаровъ, челомъ бьютъ. Здѣсь, государи, въ вотчинѣ вашей, по сю грамотку все, далъ Богъ, здорово. Да послали къ вамъ, государи, десять барановъ, да кадку творогу, да оброчныхъ дворовыхъ Оленкиныхъ да Матренкиныхъ 200 яицъ, да съ Оксиньею послано, что прошлаго году пряла, ея оброку двѣ новины, а оброчныя новины еще не поспѣли. Да ярового, государи, всякаго хлѣба выслано, овса 65 четвертей съ осминою, ячменя 16 четвертей съ осминою, гороху полторы четверти, гречи четыре четверти, пшеницы съ получетверикомъ четверть, сѣмени коноплянаго двѣ третницы, да льняного сѣмени выслано осьмина плавуну да полосмины ростуну. Да милости у тебя, государыня, просимъ, прикажи, государыня, пожаловать рубашенокъ, ободрался, нагъ. Да послано, государи, вамъ грибовъ ведро». Вотъ обычное содержаніе донесеній управляющихъ подмосковныхъ имѣній, сельско-хозяйственныхъ фермъ съ даровымъ трудомъ, «на государевъ дворъ» въ Москву.

Расцвѣтъ подмосковныхъ, появленіе въ нихъ роскоши и затѣй, съ которыми у насъ неразрывно связано представленіе о старомъ барствѣ, относится къ болѣе позднему времени, когда законъ о вольности дворянства, изданный императоромъ Петромъ III, освободилъ дворянъ отъ ихъ вѣковой обязательной службы, а политика императрицы Екатерины II открыла имъ широкій доступъ къ дѣятельности въ провинціи.

Мы ничего не говорили о недворянскихъ имѣніяхъ по той причинѣ, что ихъ не было вовсе. Гости, высшій слой московскаго посадскаго насе-

ленія, были единственной группой недворянскаго населенія, которая имѣла право владѣть недвижимыми имѣніями, но вотчины гостей, которыя часто встрѣчаются въ другихъ мѣстностяхъ страны, напримѣръ, на сѣверѣ, совершенно отсутствуютъ въ окрестностяхъ столицы.

Выше уже много приходилось говорить о подмосковномъ крестьянствѣ. Житель ближайшихъ къ Москвѣ селеній—ремесленникъ, работающій на дворецъ, монастырь и на московскаго обывателя. Если мы отойдемъ далѣе отъ города, картина измѣнится въ подробностяхъ, но основныя ея черты останутся тѣ же. Свободное крестьянство рано исчезло изъ Подмосковья. Въ XVII вѣкѣ всякій подмосковный крестьянинъ былъ крѣпостнымъ, работалъ на владѣльца той земли, на которой онъ сидѣлъ, и везъ всякіе запасы на дворъ своего вотчинника или помѣщика, а оттуда, на своихъ же подводахъ, свозилъ эти запасы въ Москву, въ Кремль, на патріаршій дворъ, въ монастырь, на московскій дворъ боярина, захватывая съ собою и тотъ излишекъ, который онъ могъ продать въ городѣ въ свою пользу. Надо было отъѣхать очень далеко, за нѣсколько десятковъ, можетъ быть, за сотню верстъ, чтобы выйти за черту мѣстности, работавшей на столицу. Если въ Москву свозились сельско-хозяйственные продукты очень значительной территоріи, то можно сказать и обратное: Москва была рынкомъ, гдѣ жители окрестностей добывали себѣ все то, чего не могло имъ доставить ихъ домашнее хозяйство. Свозя припасы въ Москву, крестьянинъ запасался въ ней, чѣмъ могъ, для своего деревенскаго обихода. То же достигалось черезъ посредство ярмарокъ и торжковъ, происходившихъ періодически во всѣхъ наиболѣе значительныхъ селахъ. Такъ вліяніе Москвы, какъ крупнаго рынка, чувствовалось на далекомъ отъ нея разстояніи еще задолго до того, когда кругомъ столицы начала зараждаться фабрично-заводская промышленность.

Изъ Псалтыря начала XV в.

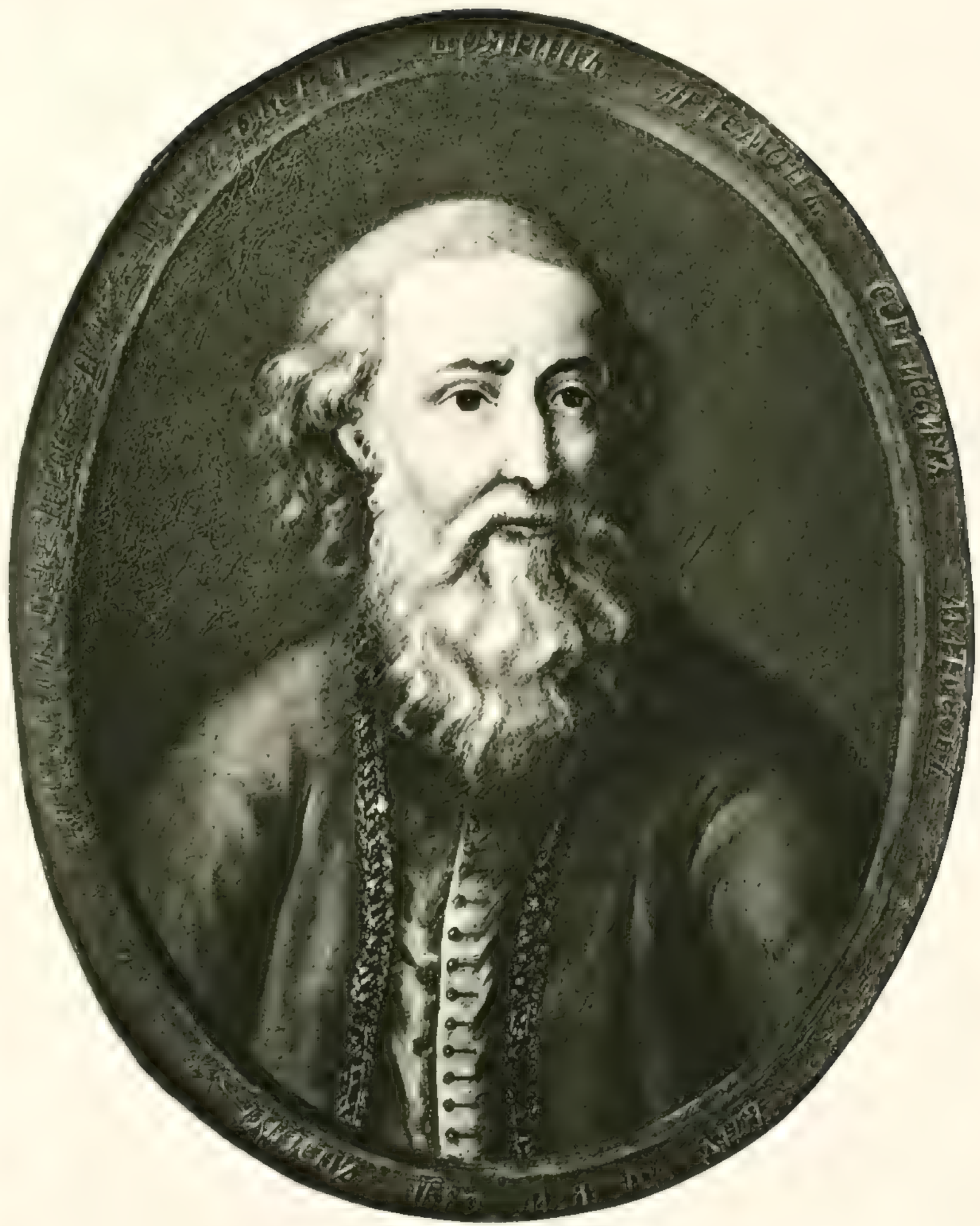
Составъ московскаго населенія въ XVI—XVII вв.

Пр.-доц. ***М. М. Богословскаго.***

Е сохранилось документовъ, которые показывали бы число жителей Москвы за XVI и XVII вѣка. Сохранившіяся свидѣтельства людей того времени передаютъ не сколько-нибудь точную величину ея населенія, а лишь то общее впечатлѣніе, которое размѣры города производили на очевидцевъ. Такъ, Герберштейнъ, посолъ римскаго цезаря, посѣтившій Москву дважды и первый разъ попавшій въ нее въ 1517 г., заноситъ въ свои любопытныя записки, что «число домовъ въ этомъ городѣ (Москвѣ) показываютъ едва вѣроятное, ибо намъ говорили, что за шесть лѣтъ до нашего пріѣзда въ Москву всѣ дома были переписаны по повелѣнію князя и что ихъ число превосходило 41.500». Прежде всего неясно, что понимаетъ Герберштейнъ подъ «домами»; надо полагать, что *дворы*, которые обыкновенно и вносились въ переписи городовъ. Самая цифра указана лишь приблизительно; Герберштейнъ говоритъ, что число домовъ превосходитъ 41.500, но, насколько превосходитъ, остается неизвѣстнымъ. Замѣтимъ далѣе, что цифру эту онъ почерпнулъ не изъ какого-либо документа, а приводитъ ее по наслышкѣ отъ лицъ, сообщавшихъ ему объ итогахъ московской переписи, и притомъ и самъ считаетъ ее мало достойной довѣрія. Наконецъ, еслибы даже цифра эта была и близка къ истинѣ, то все же по ней можно составить только общее, очень расплывчатое впечатлѣніе о величинѣ города, а не отчетливое представленіе о его населенности. Въ самомъ дѣлѣ, *дворъ* въ XVI—XVII вѣкахъ въ Москвѣ—это совсѣмъ не то, что обыкновенный посадскій дворъ въ любомъ провинціальномъ городѣ того времени съ его населеніемъ въ нѣсколько душъ. Наряду съ посадскимъ дворомъ такого типа, въ Москвѣ также «дворомъ» называлась цѣлая усадьба какого-либо боярина съ ея огромной дворней въ нѣсколько сотъ крѣпостныхъ душъ.

Цифру Герберштейна, записки котораго вообще послужили источникомъ для многихъ позднѣйшихъ описаній Московскаго государства, повторяетъ въ своемъ сочиненіи Флетчеръ, англійскій посолъ, бывшій въ Мо-

Бояринъ А. Л. ОРДИНЪ-НАЩОКИНЪ.



Бояринъ АРТАМОНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ МАТВѢЕВЪ.

Оригиналы находятся въ Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ.

Москва
въ ея
прошломъ
и
настоящемъ.

сквѣ въ концѣ XVI в. въ царствованіе Ѳедора Ивановича. Онъ говоритъ, что число домовъ въ Москвѣ до осады и сожженія города крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ въ 1571 г. простиралось до 41.500, но что послѣ этого нашествія и пожара Москва сильно опустѣла. Флетчеру Москва тогда казалась все же «*не много болѣе Лондона*».

Нѣкоторое, хотя и очень отдаленное понятіе о населенности Москвы въ самомъ началѣ XVII в. можетъ дать цифра погибшихъ отъ голода, постигшаго столицу, какъ и все государство, при царѣ Борисѣ Годуновѣ. Эту цифру довольно согласно приводятъ два современника: служившій въ отрядѣ тѣлохранителей Годунова, и потомъ Самозванца, французъ Маржеретъ, а, съ другой стороны, извѣстный келарь Троицкаго Сергіева монастыря, совершившій такой видный патріотическій подвигъ въ Смутное время—Авраамій Палицынъ. «Голодъ при Борисѣ», пишетъ первый, свирѣпствовалъ съ такою силой, что... въ одной Москвѣ погибло отъ него болѣе 120.000 человѣкъ. Ихъ похоронили за городомъ на трехъ кладбищахъ иждивеніемъ государя». Палицынъ также отмѣчаетъ, что за два года и четыре мѣсяца, пока тянулся голодъ, было схоронено въ трехъ скудельницахъ 127.000 труповъ по повелѣнію царя, не считая погребенныхъ частными лицами у приходскихъ церквей. Согласіе, съ которымъ говорятъ о числѣ около 120 тысячъ умершихъ два такіе далекіе и независимые другъ отъ друга источника, какъ капитанъ Маржеретъ и инокъ Палицынъ, внушаетъ довѣріе къ этому числу. Такъ какъ городъ, несмотря на силу голода, все же не весь вымеръ, и погибшіе составляли только извѣстную часть его населенія, то очевидно, что самымъ осторожнымъ будетъ вытекающее отсюда заключеніе, что населеніе Москвы въ началѣ XVII вѣка превышало 120.000 человѣкъ. Совершенно фантастичное число погибшихъ даетъ третій современникъ голода, лютеранскій пасторъ Мартинъ Беръ, самъ будто бы слышавшій «отъ нѣкоторыхъ купцовъ и достовѣрныхъ сановниковъ, что въ одной Москвѣ погибло отъ голода болѣе 500.000 человѣкъ, которыхъ его величество при жизни кормилъ, а по смерти приказалъ одѣть и похоронить на своемъ иждивеніи». Конечно, на это свидѣтельство надо смотрѣть, какъ на результатъ преувеличенныхъ слуховъ; оно все же не лишено интереса потому, что указываетъ на то, какое внушительное впечатлѣніе вызывали размѣры города у иностранца-очевидца.

Съ такою же приблизительностью можно судить и о количествѣ московскаго населенія въ теченіе всего XVII вѣка. По своему общественному составу оно очень сложно, гораздо сложнѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ городѣ Московскаго государства. Мы посмотримъ на всѣ его отдѣльные разряды.

Москва—столица. Въ ней постоянно находится Дворъ, и, благодаря этому, въ составъ населенія города входитъ придворное общество, держащееся вблизи государя, и огромный штатъ разнаго рода дворцовыхъ служителей и ремесленниковъ. Значительную долю Кремля занимаетъ зданіе дворца, это громадное причудливое строеніе, состоявшее изъ безчисленнаго количества палатъ, жилыхъ теремовъ и разнаго рода хозяйственныхъ службъ, крупныхъ и мелкихъ, каменныхъ и деревянныхъ, въ хаотическомъ

безпорядкѣ примыкавшихъ другъ къ другу и сплетавшихся въ лабиринтъ, который нарасталъ въ теченіе столѣтій. Зданіе это должно было поражать зрителя своею пестротой и оригинальностью, золочеными куполами находившихся внутри его церквей, шатровыми и бочкообразными кровлями, башенками, флюгерами, рѣзными украшеніями, многочисленными крыльцами, сѣнями, переходами и потѣшными садиками, расположенными на кровляхъ. По многолюдству своего населенія, по той хлопотливой суетѣ, которою оно было постоянно оживлено, оно должно было походить на человѣческій муравейникъ. Оно кишмя кишѣло людьми—постоянными обитателями: придворными, дворцовыми служителями и многочисленными являвшимися во дворецъ по разнымъ дѣламъ ежедневными посѣтителями, толпы которыхъ то приливали сюда, то отливали. Въ своихъ теремахъ и хозяйственныхъ службахъ оно ютило цѣлое населеніе придворныхъ, состоявшихъ при царѣ и членахъ царскаго семейства, и огромный штатъ дворцовыхъ служителей, ремесленниковъ и мастеровъ разнаго рода. Дворцовое хозяйство было огромной и сложной машиной, для приведенія которой въ дѣйствіе нужны были многочисленныя руки. Оно раздѣлялось на нѣсколько отдѣловъ или вѣдомствъ, и каждое изъ нихъ было снабжено внушительнымъ персоналомъ. Кормовой дворъ, напр.,—отдѣлъ дворцоваго управленія, завѣдывавшій царскимъ столомъ,—долженъ былъ, по свидѣтельству московскаго подъячаго Котошихина, бѣжавшаго въ 60-хъ годахъ XVII вѣка за границу и тамъ составившаго описаніе московскаго управленія и придворнаго обихода—долженъ былъ озаботиться ежедневнымъ приготовленіемъ 3000 блюдъ для царскаго стола и для разсылокъ разнымъ лицамъ, которымъ царь посылалъ блюда съ своего стола въ знакъ своей особой милости, какъ то: иноземнымъ посламъ, пріѣзжимъ греческимъ духовнымъ лицамъ, депутатамъ отъ Малороссійскаго казачества, своимъ придворнымъ людямъ. Неудивительно поэтому, что въ вѣдомствѣ Кормового двора тотъ же Котошихинъ насчиталъ огромный штатъ поваровъ съ ихъ помощниками: болѣе 150 «поваровъ, мастеровъ, полумастеровъ, и учениковъ, и судомоевъ, и водовозовъ и сторожей». Сюда слѣдуетъ присоединить еще вѣдомство Хлѣбеннаго двора, изготовлявшаго хлѣбы и калачи на царскій обиходъ. Въ этомъ вѣдомствѣ подъ начальствомъ степеннаго ключника съ помощниками состояло 20 человѣкъ подключниковъ и 50 человѣкъ хлѣбниковъ, калачниковъ, пирожныхъ мастеровъ и низшихъ служителей. Государевыми питьями завѣдывало особое отдѣленіе министерства двора—Сытенный дворъ. Расходъ питей такъ же былъ огроменъ, какъ и количество блюдъ. Кромѣ подачи къ царскому столу, они разсылались также въ видѣ пожалованія, на что въ будни исходило до 100 ведеръ вина и до 400—500 ведеръ пива и меду, а въ праздники до 400—500 ведеръ вина и до 2—3 тысячъ ведеръ пива и меду по свидѣтельству того же источника. Соотвѣтственно этому въ вѣдомствѣ Сытеннаго двора мы встрѣчаемъ въ 60-хъ годахъ XVII вѣка: 12 человѣкъ чарошниковъ, которые носятъ питье изъ погребовъ во дворецъ, 40 стряпчихъ, которые подъ руководствомъ степеннаго ключника, управлявшаго Сытеннымъ дворомъ, дежурятъ въ царскихъ столовыхъ «при поставцѣ», отпуская питье къ столу, сидятъ у погребовъ «для раздачи

питья всякому чину людемъ, кому давать указано», и завѣдуютъ посудой; далѣе 50 человѣкъ сытниковъ, носящихъ сосуды съ питьемъ во время царскихъ походовъ. Всѣ перечисленные служители были служилые люди дворянскаго достоиства, получавшіе за свою службу, кромѣ денежнаго жалованья, также и помѣстья. Сверхъ этихъ высшихъ чиновъ дворцоваго вѣдомства питей, при дворцѣ состояло до 200 человѣкъ низшаго персонала: винокуровъ, пивоваровъ, бочкарей и сторожей, разносящихъ пожалованныя питья.

Еще многочисленнѣе былъ штатъ дворцоваго конюшеннаго вѣдомства, гдѣ значилось 15 столповыхъ приказчиковъ, наблюдавшихъ за разными частями конюшеннаго хозяйства, 50 стременныхъ конюховъ, которые подавали и принимали царскаго верхового коня, ходили «у стремени» и сопровождали царскіе экипажи; 40 человѣкъ задворныхъ конюховъ, бывшихъ ближайшими помощниками столповыхъ приказчиковъ, и человѣкъ 200 простыхъ «стряпчихъ конюховъ», низшихъ конюшенныхъ служителей, которые чистили, кормили и поили лошадей, закладывали царскіе экипажи, ѣздили кучерами и т. п. Число лошадей въ дворцовыхъ конюшняхъ въ Москвѣ было громадно. Для царя содержалось ихъ 150, для царицыныхъ экипажей 50, для посольствъ и для нуждъ самого конюшеннаго вѣдомства и, кромѣ всего этого, всегда въ запасѣ состояло «добрыхъ же и береженыхъ лошадей съ 3000». При Казенномъ дворѣ, завѣдывавшемъ царской казной: золотой и серебряной посудой и запасами драгоцѣнныхъ матерій: бархата, атласа, шелка, сукна и др., которыя брались частію на царскій обиходъ, частію для пожалованій, состояло скорняковъ и портныхъ мастеровъ около 100 человѣкъ. Штатъ царицы съ ея придворными, прислужницами и мастерицами, состоявшими при гардеробѣ, исчислялся до 300 человѣкъ. Несмотря на такія внушительныя цифры, это былъ все же далеко еще не весь ремесленный персоналъ, состоявшій на дворцовой службѣ. Его все-таки не хватало для удовлетворенія всѣхъ потребностей дворцоваго хозяйства. Кромѣ перечисленнаго люда, непосредственно обслуживавшаго дворецъ, къ дворцовому же вѣдомству приписаны были цѣлыя слободы московскаго посада, отдѣленныя отъ прочихъ посадскихъ слободъ и сотенъ, именовавшихся «черными». Населеніе этихъ дворцовыхъ слободъ вмѣсто государственныхъ повинностей было обложено податями и повинностями въ пользу разныхъ статей дворцоваго хозяйства. Такъ, въ вѣдомствѣ Казеннаго двора, кромѣ указанныхъ выше 100 человѣкъ скорняковъ и портныхъ, состояло еще около 500 человѣкъ посадскихъ людей. Въ вѣдомствѣ царицыной мастерской палаты, кромѣ мастеровыхъ людей, непосредственно въ ней работавшихъ, состояла еще въ Москвѣ цѣлая Кадашевская слобода, въ которой числилось болѣе 2000 дворовъ населенія. Эта слобода избавлена была отъ денежныхъ податей; но вмѣсто того должна была поставлять на царскій обиходъ полотняныя произведенія: полотна, скатерти, платки и т. п. Кромѣ Кадашевской, такими же дворцовыми слободами въ Москвѣ были: Барашевская (бараши-шатерники), Басманная, Бронная, Гончарная, Конюшенная, Казенная, Котельная, Овчинная, Большіе Лужники, Напрудная, Огородная, Таганная, Хамовная (хамовники

поставляли на дворецъ бѣлье), Красное село. Названія большей части этихъ слободъ указываютъ на занятія ихъ жителей и, слѣдовательно, на тѣ отрасли дворцоваго хозяйства, которыя ими обслуживались.

Царскій дворецъ съ его службами и приписанными къ нему слободами составлялъ, какъ мы видимъ, особую и притомъ обширную группу московскаго населенія. Слѣдующая группа московскаго населенія это—служилые люди, окружавшіе государя. Въ Москвѣ почти безотлучно отъ царя жили высшіе правительственные чины—члены боярской думы: бояре, окольничьи, думные дворяне, тотъ общественный классъ, который назывался боярствомъ. Здѣсь жило также и высшее дворянство: стольники, стряпчіе и дворяне московскіе, составлявшіе особый корпусъ царской гвардіи. У всѣхъ этихъ чиновъ были и подмосковныя, и отдаленныя отъ столицы вотчины и помѣстья, но туда они наѣзжали лишь рѣдкими гостями, въ отпускъ, съ особаго каждый разъ разрѣшенія государя, отдохнуть отъ службы или привести въ порядокъ хозяйственныя дѣла. Будучи принуждены постоянно жить въ Москвѣ, они въ своихъ московскихъ дворахъ устраивались совершенно по-деревенски, какъ бы перенося свои деревенскія усадьбы въ городъ.

Тронъ царя Алексѣя Михайловича.

Боярскій дворъ въ Москвѣ ничѣмъ не отличался отъ боярской усадьбы въ деревнѣ. Тѣ же жилыя хоромы боярина, окруженныя многочисленными людскими избами и постройками для разныхъ хозяйственныхъ службъ: конюшнями, погребами, амбарами, неизбѣжною домашнею банею и др., съ примыкавшимъ къ нимъ «огородомъ», т.-е. фруктовымъ садомъ. Всѣ эти по-

Гравюра Мецотинто Брукмана Мюнхенъ.

А. Д. Литовченко. СОКОЛЬНИЧІИ ВРЕМЕНЪ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Картина находится въ Музеѣ Имп. Александра III.

Москва
въ ея
прошломъ
и
настоящемъ

стройки располагались, совершенно не считаясь ни съ направленіемъ улицы, на которой находились, ни вообще съ какимъ-либо городскимъ планомъ, такъ какъ обязательные планы городовъ стали вводиться только въ XVIII в. До сихъ поръ еще въ Москвѣ, и не рѣдко, встрѣчается этотъ старинный типъ дома-особняка, съ флигелями и службами, совершенно напоминающими собою дворянскую усадьбу въ деревнѣ; хотя за послѣдніе годы его все болѣе вытѣсняетъ современный доходный домъ, эта многоэтажная, унылая, лишенная и лишающая свѣта, однообразная казарма. Такъ же, какъ и деревенская усадьба, боярскій дворъ въ Москвѣ былъ экономической единицей, самостоятельно удовлетворявшей всѣ свои хозяйственныя потребности, такъ что его населеніе въ значительной степени могло обходиться и безъ услугъ городской торговли. Въ его обширныхъ кладовыхъ, погребахъ и амбарахъ хранились обильные всякаго рода запасы, привезенные изъ деревень; а среди многочисленной дворни, составлявшей необходимую принадлежность каждаго такого двора, были свои ремесленники, знавшіе разнаго рода мастерства. А дворни эти были дѣйствительно громадны! «Вельможи», пишетъ секретарь голштинскаго посольства Олеарій, посѣщавшій Москву въ 30-хъ годахъ XVII в., «живутъ въ великолѣпныхъ домахъ и палатахъ, держатъ большой дворъ (разныхъ прислужниковъ), на улицахъ показываются всегда съ пышностью, одѣтые въ весьма дорогія одежды и въ сопровожденіи множества слугъ и крѣпостныхъ людей, которые обыкновенно бѣгутъ подлѣ лошадей и саней». О томъ же свидѣтельствуетъ и Котошихинъ. «Да бояре жъ», читаемъ мы у него, «и думные, и ближніе люди въ домѣхъ своихъ держатъ людей мужского полу и женскаго человѣкъ по 100, и по 200, и по 300, и по 500, и по 1000, сколько кому мочно, смотря по своей чести».

Число боярскихъ и дворянскихъ усадебъ въ Москвѣ должно было быть очень значительно, соотвѣтственно значительности боярскаго и дворянскаго населенія столицы. Во второй половинѣ XVII в. высшихъ представителей служилаго сословія, членовъ боярской думы, насчитывалось болѣе 50 человѣкъ. Въ корпусъ такъ называемаго «московскаго дворянства», составлявшій какъ бы царскую конную гвардію, входило человѣкъ 500 стольниковъ, 800 стряпчихъ и 2000 жильцовъ, не считая еще особаго чина дворянъ московскихъ. Въ Москвѣ, какъ столицѣ государства, сосредоточивались высшіе органы государственнаго управленія, многочисленные приказы, и поэтому немаловажнымъ элементомъ московскаго населенія былъ служебный персоналъ этихъ учрежденій, *приказные люди:* дьяки думные, дьяки и трехъ статей подьячіе: старые, средніе и молодые; число послѣднихъ надо полагать въ нѣсколько сотъ. Наконецъ, въ Москвѣ постоянно находилась и главная масса пѣхотнаго войска, половина всей стрѣлецкой пѣхоты, именно болѣе 20 стрѣлецкихъ полковъ по 800—1000 человѣкъ въ каждомъ, размѣщавшихся въ особыхъ стрѣлецкихъ слободахъ, гдѣ стрѣльцы жили по дворамъ со своими семьями, занимаясь нерѣдко торговлей и промыслами на посадѣ. Если число самихъ стрѣльцовъ было около 20.000, то съ семьями: съ женами, дѣтьми и родственниками этотъ

служилый элементъ московскаго населенія надо считать не меньше 50 тысячъ человѣкъ, а, вѣроятно, значительно больше.

Обширную группу населенія составляло духовенство, черное и бѣлое. Москва XVII в. славилась количествомъ монастырей и церквей, соборныхъ, приходскихъ и домовыхъ. Впечатлѣніе, которое вызывалось у наблюдателей иностранцевъ этимъ видомъ многочисленныхъ колоколенъ и крестовъ, подавало поводъ къ преувеличеннымъ показаніямъ. Извѣстный уже намъ Маржеретъ, свидѣтельство котораго относится къ началу XVII в., пишетъ, что «съ нѣкотораго времени въ Москвѣ построено довольно церквей каменныхъ, деревянныхъ же находится безчисленное множество». Архидіаконъ Павелъ Алеппскій, бывшій въ Москвѣ въ 50-хъ годахъ XVII в. въ свитѣ пріѣзжавшаго тогда въ Москву антіохійскаго патріарха, записываетъ въ дневникъ своего путешествія, что царь Алексѣй Михайловичъ имѣетъ обыкновеніе въ день памяти каждаго святого, во имя коего имѣется церковь въ этомъ городѣ, посѣщать ее, а въ Москвѣ *есть церкви въ честь святыхъ и праздниковъ на цѣлый годъ*. Павелъ Алеппскій на этомъ общемъ свѣдѣніи не остановился, онъ дознался и о точной цифрѣ московскихъ церквей. На свои разспросы онъ получилъ отвѣтъ отъ московскаго патріаршаго архидіакона, что церквей въ Москвѣ болѣе 4000, а престоловъ, на которыхъ совершается ежедневно литургія—болѣе 10.000, ибо каждая церковь имѣетъ по три и болѣе алтаря. Еслибы это показаніе было вѣрно, еслибы дѣйствительно литургія совершалась въ Москвѣ болѣе чѣмъ на 10.000 престолахъ, то въ Москвѣ того времени слѣдовало бы считать болѣе 10.000 однихъ священниковъ. Но всѣ эти цифры, несомнѣнно, очень сильно преувеличены, отчасти, можетъ быть, благодаря обману, въ который былъ введенъ авторъ описанія путешествія, отчасти вслѣдствіе чрезмѣрной пылкости его восточнаго воображенія. Авраамій Палицынъ въ своемъ извѣстіи о погребеніи погибшихъ отъ голода при Борисѣ Годуновѣ говоритъ, что въ Москвѣ болѣе 400 приходскихъ храмовъ. Число соборныхъ церквей въ серединѣ XVII столѣтія казалось Котошихину близкимъ къ 40. Правда, въ каждомъ сколько-нибудь значительномъ боярскомъ домѣ въ Москвѣ была своя домовая церковь, но все же и съ ними общее число церквей должно было быть много меньше показаннаго Павломъ Алеппскимъ.

Снегиревъ въ своемъ историческомъ описаніи Москвы ссылается на строельную книгу 1689 г., составленную въ Земскомъ приказѣ, вѣдавшемъ столицу, въ которой значилось въ Москвѣ 233 церкви вмѣстѣ съ монастырями. Параллельно съ этимъ онъ приводитъ одно рукописное извѣстіе начала XVIII в.—1702 г., по которому въ Москвѣ находилось 15 соборовъ, 29 монастырей, 425 церквей. Къ этимъ цифрамъ близки и цифры, приводимыя въ статистическомъ описаніи Россійскаго государства, составленномъ статскимъ совѣтникомъ Кирилловымъ въ 1727 г., гдѣ насчитывается въ Москвѣ 22 монастыря и 345 церквей. О числѣ братіи въ монастыряхъ судить трудно. Кромѣ собственно московскихъ монастырей въ Москвѣ были еще «подворья» монастырей иногородныхъ, въ которыхъ останавливались пріѣзжіе изъ этихъ монастырей, часто являвшіеся въ

Москву по разнымъ дѣламъ своихъ обителей. По количеству церквей можно, конечно, очень приблизительно, только лишь въ самыхъ общихъ чертахъ судить о количествѣ бѣлаго духовенства въ Москвѣ. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что кромѣ священнослужителей при церквахъ въ Москвѣ XVII в. было еще не малое число священниковъ безъ мѣстъ, каждое утро толпившихся у Спасскихъ воротъ и нанимавшихся служить въ приходскихъ и домовыхъ церквахъ. Къ тому же церковному обществу слѣдуетъ причислить также и мірянъ, находившихся въ вѣдѣніи церкви, какъ, напр., населеніе богадѣленъ и другихъ подобныхъ учрежденій общественнаго призрѣнія, находившихся при приходскихъ церквахъ. Въ Москвѣ же имѣлъ свое пребываніе и глава всего русскаго церковнаго общества, патріархъ, съ своимъ дворомъ, въ составъ котораго входили не только духовные, но и служилые люди, и съ своими приказами, устроенными наподобіе государственныхъ приказовъ, гдѣ сидѣли патріаршіе дьяки съ подьячими.

Перейдемъ, наконецъ, къ торгово-промышленному населенію Москвы, составлявшему московскій посадъ. Впрочемъ, высшій слой этого торгово-промышленнаго населенія держался особнякомъ отъ московскаго посада, группируясь въ три особыя корпораціи, имѣвшія не московское мѣстное, а всероссійское значеніе. Эти корпораціи были: гости, гостиная сотня и суконная сотня. Въ нихъ жаловались крупные торговцы и промышленники изъ городовъ всей Россіи. Какъ только правительство замѣчало, что какой либо купецъ въ провинціальномъ городѣ расторговался и разбогатѣлъ, оно тотчасъ же жаловало его въ ту или другую сотню, а крупнѣйшихъ капиталистовъ въ званіе гостей, при чемъ такой пожалованный обязанъ былъ переселяться на жительство въ Москву и обзаводиться тамъ дворомъ. По свидѣтельству Котошихина, въ его время гостей было человѣкъ 30, а въ обѣихъ сотняхъ, гостиной и суконной, считалось человѣкъ до 200. Корпораціи эти имѣли государственное значеніе: онѣ несли особаго рода государственную службу, которая возлагалась на нихъ, какъ ихъ спеціальная повинность. Ихъ члены назначались на важнѣйшія должности по финансовому управленію государства: въ таможенные и кабацкіе головы для завѣдыванія торговыми и питейными сборами въ крупныхъ городахъ. Исполняя постоянно такого рода казенную службу, гости и члены обѣихъ сотенъ смотрѣли на себя, какъ на служилыхъ людей, что они и выражали, называя себя въ челобитныхъ «государевыми холопами», какъ обыкновенно назывались служилые люди, а не «сиротами», какъ писались черные, тяглые люди. Того посадскаго тягла, т. е. тѣхъ службъ, которыя лежали на московскомъ посадѣ, они не несли, пользуясь правомъ, упоминавшимся въ жалованныхъ грамотахъ, которыя имъ выдавались: «съ черными сотнями никакихъ дѣлъ не дѣлати и не тянути ни въ чемъ». Кромѣ этой свободы отъ рядового посадскаго тягла, три высшія корпораціи отдѣлялись отъ обыкновенныхъ посадскихъ людей цѣлымъ рядомъ привилегій: ихъ члены подсудны были исключительно только одному приказу Большой Казны; получали право держать у себя вино, что запрещалось простымъ посадскимъ, такъ какъ вино составляло предметъ казенной моно-

поліи; имъ дозволялось топить лѣтомъ свои избы и мыльни—право, котораго лишены были обыкновенные посадскіе въ цѣляхъ безопасности отъ пожаровъ и др. Высшее мѣсто среди трехъ привилегированныхъ корпорацій принадлежало гостямъ. Кромѣ перечисленныхъ уже преимуществъ, они обладали еще двумя: правомъ выѣзда за границу и до 1666 г. правомъ пріобрѣтать вотчины. По уложенію 1649 г. штрафъ за нанесеніе имъ оскорбленія «за безчестье» взыскивался въ размѣрѣ 50 руб. За безчестье гостиной сотни взималось 20, 15 и 10 руб., смотря по тому, къ какой статьѣ: первой, второй или третьей принадлежалъ ея членъ. Безчестье суконной сотни опредѣлялось по тѣмъ же статьямъ въ 15, 10 и 5 руб., тогда какъ за безчестье простого «чернаго» посадскаго человѣка взыскивалось съ такимъ же подраздѣленіемъ на статьи 7, 6 и 5 руб.

Переселяясь на жительство въ Москву, члены высшихъ коммерческихъ корпорацій не порывали, однако, связей и съ своими родными мѣстами, откуда ихъ брали, и продолжали владѣть тамъ имуществами и вести промыслы. Такимъ образомъ, эти три корпораціи представляли изъ себя собранное въ Москвѣ и въ то же время постоянно связанное съ провинціей высшее русское купечество. Гости двигали крупными для той эпохи капиталами. По показанію Котошихина, годовые обороты отдѣльныхъ гостей бывали «тысячъ на 20 и на 40.000, и на 50.000 и на 100.000 руб.», т. е. отъ 300.000 до 1.500.000 на наши теперешнія деньги. Гость-капиталистъ въ Москвѣ XVII в. жилъ на такую же широкую ногу, какъ и иной бояринъ; его дворъ былъ такою же обширной усадьбой, не менѣе богатою всякаго рода дорогимъ имуществомъ и развѣ только менѣе населенною, такъ какъ гости, хотя и владѣли также крѣпостными, но не держали такого количества ненужной и праздной дворни.

Юридически въ составъ посада XVII в. не входили упомянутыя выше дворцовыя слободы, населенныя также торгово-промышленнымъ людомъ, обязаннымъ работою на дворецъ. Не входила въ составъ посада также и все расширявшаяся Нѣмецкая слобода по р. Яузѣ, гдѣ жили служилые и торговые иноземцы. Московскій посадъ XVII в. составляли только *черные* посадскіе люди. Посадъ былъ сложною величиною, составлявшеюся изъ отдѣльныхъ «слободъ» и «сотенъ», по которымъ черные посадскіе люди группировались и которыя носили спеціальное наименованіе *черныхъ сотенъ и слободъ*. Слободой называлось особое поселеніе, въ которомъ обыкновенно жили люди одного промысла или одного происхожденія; но ея главный непремѣнный признакъ—территоріальное единство. Слобода—территоріальный союзъ. Названіе слободъ: Кузнецкая и Кузнечная Новая, Садовная (близъ Покровскихъ воротъ), Сыромятная, Малые Лужники—указываютъ также на единство промысла жителей. Мѣщанская—на единство происхожденія. Остальныя названія: Алексѣевская, Воронцовская, Голутвенная, Панкратьевская, Саввинская, Семеновская—чисто территоріальнаго характера. Но что такое *сотня?* Присматриваясь къ московскимъ чернымъ сотнямъ, можно замѣтить среди нихъ только двѣ, названіе которыхъ, подобно тому, какъ и названіе Суконной сотни, указываетъ на союзъ людей одного промысла, на профессіональную кор-

Gravüre Mezzotinto Bruckmann München

ЗАЛЪ ВЪ ОСТАНКИНСКОМЪ ДВОРЦѢ.

Москва
въ ея
прошломъ
и настоящемъ

[illegible] топить лѣтомъ свои избы и мыльни — [illegible], кото-
[illegible] обыкновенные посадскіе въ цѣляхъ безопасности отъ
пожаровъ [illegible] Вообще мѣсто среди [illegible] привилегированъ [illegible]
[illegible] состямъ. Кромѣ [illegible] уже [illegible]
[illegible] еще двумя правомъ [illegible]
[illegible] пріобрѣтать вотчины. По [illegible]
[illegible] «за безчестье» [illegible]
[illegible] сотни взималось 20, [illegible]
[illegible] первой, второй или [illegible]
[illegible] сотни [illegible]
[illegible] безчестье [illegible]
[illegible] съ такимъ же [illegible]

Переселяясь на жительство въ Москву [illegible]
корпораціи не порывали, однако, связи [illegible]
откуда ихъ брали, и продолжали владѣть тамъ [illegible]
мыслы. Такимъ образомъ, эти три корпораціи представляли изъ себя
бранное въ Москвѣ и въ то же время постоянно связанное съ [illegible]
ціей высшее русское купечество. Гости двигали крупными [illegible]
капиталами. По показанію Котошихина [illegible]
гостей бывали «тысячъ на 20 и на [illegible]
т. е. отъ 300.000 [illegible]
талистъ въ Москвѣ [illegible]
иной бояри [illegible] обширн[illegible]
[illegible] развѣ
[illegible] крѣпост[illegible]
жали такого количества [illegible]

Юридически въ состав[illegible]
выше дворцовыя слободы, [illegible]
домъ, обязаннымъ работою [illegible]
сада также и все расширяв[illegible]
служилые и торговые [illegible]
[illegible] *черные* [illegible]
[illegible]
[illegible] поди [illegible]
[illegible] *черныхъ сотенъ* [illegible] называ[illegible]
[illegible] обыкновенно [illegible] промы[illegible]
[illegible] но ея главный [illegible]
Слобода — территоріальный [illegible]
[illegible] Новая, Садовная [illegible]
[illegible] Тужники — указываютъ [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

порацію: Мясницкая и Кожевницкая (собственно «полусотни»). Есть далѣе названія сотенъ, которыя позволяютъ предполагать единство немосковскаго иногороднаго происхожденія ихъ членовъ. Таковы сотни: Дмитровская, Устюжская, Ржевская, Новгородская, Ордынская, Ростовская. Это, быть можетъ, когда то были союзы иногородних жителей, переселившихся или переселенныхъ въ Москву. Названія остальныхъ московскихъ черныхъ сотенъ имѣютъ чисто территоріальное значеніе: Срѣтенская, Покровская, Никитская, Екатерининская, Арбатская и Чертольская (послѣднія двѣ—«четверть сотни»). Для сотни территоріальное единство не существенно, какъ оно было существенно для слободы. Это ясно уже по Гостиной и Суконной сотнямъ, члены которыхъ жили въ разныхъ мѣстахъ города. Эти сотни пополнялись между прочимъ разбогатѣвшими посадскими, взятыми изъ черныхъ сотенъ и слободъ Москвы; въ послѣднемъ случаѣ они продолжали жить на своихъ прежнихъ дворахъ.—По всей вѣроятности, сотня, какъ посадское дѣленіе, древнѣе слободы. Сотни возникали въ томъ исконномъ первоначальномъ посадѣ, въ основной его ячейкѣ, къ которой потомъ постепенно примыкали отдѣльные поселки, слободы, первоначально не входившіе въ составъ посада. Нѣкоторое подтвержденіе этой мысли можно видѣть въ той послѣдовательности, съ какою московскія сотни и слободы выступаютъ на земскихъ соборахъ. На соборѣ 1598 г. участвовали только сотскіе московскихъ черныхъ сотенъ: Дмитровской, Малоярославской (ее мы впослѣдствіи не встрѣчаемъ), Покровской, Ордынской, Ростовской, Ржевской, Новгородской, Срѣтенской, Мясницкой, Устюжской, Прибылой, Кожевницкой, Митропольей четверть-сотни, Арбатской, Чертольской. Слободы на этомъ соборѣ еще не были представлены. На соборѣ 1642 г. представлены тѣ и другія. Такимъ образомъ посадъ нарасталъ присоединеніемъ къ нему вновь образующихся слободъ.

Это присоединеніе новыхъ слободъ продолжается еще и въ концѣ XVII в. Къ 1671—72 гг. сформирована была въ Москвѣ новая слобода—Мѣщанская. Послѣ Польской войны въ Москвѣ оказалось много выходцевъ—мѣщанъ польскихъ городовъ: Борисова, Мстиславля, Могилева, Орши, Шклова и другихъ, частію взятыхъ въ плѣнъ и потомъ отпущенныхъ на свободу, частію добровольно переходившихъ въ Московское государство. Изъ этихъ то мѣщанъ и была образована особая слобода за Земляным городомъ, расположенная четырьмя улицами тамъ, гдѣ теперь находятся четыре же Мѣщанскія улицы. Была отведена вновь поселеннымъ слободжанамъ казенная земля, разбитая на дворовые участки. По переписной книгѣ 1684 г. въ Мѣщанской слободѣ числилось 659 тяглецовъ во дворахъ, да при нихъ дѣтей и родственниковъ 753 человѣка; бездворныхъ мѣщанъ 206 человѣкъ, у нихъ дѣтей 159 человѣкъ. Въ число жителей слободы попалъ значительный % евреевъ изъ западныхъ городовъ, людей «еврейскіе родины», какъ иногда обозначала ихъ переписная книга, и изъ Мѣщанской слободы, между прочимъ, вышли: извѣстный дѣятель времени Петра В. вице-президентъ главнаго магистрата Илья Исаевъ и видная коммерческая фамилія Евреиновыхъ. Жителей Мѣщанской слободы, занимавшихся разнообразными профессіями: торговлей, разнаго рода ремеслами,

службой въ наймахъ, даже интеллигентными профессіями—здѣсь мы встрѣчаемъ, напр., лѣкаря, лѣкариху—объединяло происхожденіе изъ польскихъ краевъ; въ слободу ихъ приписывали «по иноземчеству». Самое названіе слободы—иноземное. *Мѣщанами* назывались въ XVII в. только жители литовскихъ и польскихъ городовъ; на русскихъ *посадскихъ* это названіе было распространено позже, уже при Екатеринѣ II. Что и нѣкоторыя изъ другихъ московскихъ слободъ были также недавняго происхожденія и возникали, быть можетъ, незадолго до возникновенія Мѣщанской слободы, показываетъ ихъ названіе «новыми». Таковы: Ново-Алексѣевская, Новая Семеновская.

Въ XVII в. различіе между сотнями и слободами совершенно утратилось и сохранилось только въ ихъ именахъ. Тѣ и другія—одинаковыя тяглыя организаціи, несущія посадское тягло. По внутреннему устройству это—самоуправляющіяся единицы. Въ нихъ дѣйствуютъ сотенные и слободскіе сходы. Въ сотняхъ избирались въ качествѣ исполнительныхъ органовъ сотскіе, въ слободахъ—старосты, но, кромѣ разницы въ названіяхъ, различій по существу между сотскими и старостами не замѣтно. Во главѣ Гостиной и Суконной сотенъ стоятъ не сотскіе, а старосты. Каждый союзъ—сотня или слобода—въ значительной степени обособленный міръ, отъ каждой посылаются особые представители на земскіе соборы. Московскій посадъ представляетъ изъ себя лишь внѣшнее соединеніе сотенъ и слободъ. Чтобы стать членомъ московскаго посада, непремѣнно надо было сдѣлаться членомъ какой-либо сотни или слободы. Для обозначенія каждаго посадскаго человѣка Москвы къ его имени, отчеству и фамиліи всегда присоединяется и названіе той сотни или слободы, къ которой онъ принадлежалъ. Обычай этотъ сохраняется и до сихъ поръ среди московскаго мѣщанства.

Въ памятникахъ XVII в. московскій посадъ называется иногда во множественномъ числѣ: «московскіе посады», что также указываетъ на самостоятельность слободъ и сотенъ и на слабое ихъ объединеніе. Однако безъ нѣкотораго объединенія эти самоуправляющіяся единицы все же оставаться не могли, будучи связываемы множествомъ общихъ интересовъ. Въ провинціальныхъ городахъ органомъ такого объединенія отдѣльныхъ частей посада былъ общепосадскій сходъ, на который собирались посадскіе люди. Въ Москвѣ такой общепосадскій сходъ былъ невозможенъ, благодаря слишкомъ большому количеству посадскихъ. Мѣсто общепосадскаго схода занимало общее собраніе сотенныхъ и слободскихъ властей, т. е. сотскихъ и старостъ. На этомъ собраніи и обсуждались общія дѣла посада.

Какъ велико было населеніе московскаго посада въ XVII в.? Первая ревизія, т. е. подушная перепись, производившаяся уже при Петрѣ В. въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія, насчитала въ Москвѣ 13.673 души мужескаго пола во всѣхъ сотняхъ и слободахъ, какъ черныхъ, такъ и дворцовыхъ. Не будетъ большой натяжкой предполагать цифру посадскаго населенія въ тѣхъ же слободахъ въ концѣ XVII в. близкою къ этой цифрѣ. Чтобы получить представленіе о посадскомъ населеніи обоихъ половъ, надо эту цифру по меньшей мѣрѣ удвоить.

Какъ видимъ, составъ московскаго населенія въ XVI—XVII вв. былъ очень пестрымъ и сложнымъ. Царскій дворъ съ его многочисленнымъ персоналомъ и цѣлыми слободами дворцовыхъ ремесленниковъ; боярство и высшее дворянство съ многолюдной крѣпостной дворней; черное и бѣлое духовенство; приказный чинъ; цѣлая стрѣлецкая армія; служилые и торговые иноземцы Нѣмецкой слободы; высшее русское купечество, сомкнутое въ привилегированныя корпораціи; наконецъ, черныя сотни и слободы посада. Москву XVII в. по составу населенія нельзя было бы и назвать преимущественно торгово-промышленнымъ центромъ. Посадъ—только одна изъ частей ея населенія, уступающая дворянству и служилымъ людямъ, которые преобладаютъ надъ посадомъ.

Изъ евангелія недѣльнаго, пис. въ 1409 г.

Уличная жизнь Москвы XVI—XVII вв.

В. В. Нечаева.

Старая Москва просыпалась рано. На разсвѣтѣ, а въ осеннее и въ зимнее время и до свѣта, ее будилъ колокольный звонъ, созывавшій населеніе въ церкви къ утреннему богослуженію. Каждое утро начиналось этимъ звономъ, повторявшимся затѣмъ не разъ въ теченіе дня. Кромѣ многочисленныхъ церковныхъ праздниковъ, общихъ для всего населенія, справлялись еще приходскіе храмовые праздники, а ихъ было столько же, сколько дней въ году, даже болѣе, потому что не было дня, къ которому не пріурочивалась бы память патрона той или другой приходской церкви. «Въ Москвѣ каждый день праздникъ», говоритъ старая пословица. Москва жила подъ непрерывный звонъ своихъ колоколовъ, но жутко приходилось отъ него непривычнымъ нервамъ. Даже такіе непритязательные люди, какъ арабскіе монахи, сопровождавшіе въ Россію антіохійскаго патріарха Макарія въ половинѣ XVII ст., люди, относившіеся притомъ съ предвзятымъ оптимизмомъ къ московскимъ порядкамъ, не могли умолчать о тягостномъ впечатлѣніи, которое производилъ на нихъ колокольный звонъ въ Москвѣ.

Около полудня москвичи обѣдали, а потомъ отдыхали. Послѣобѣденное спанье было національнымъ обычаемъ, отступленіе отъ котораго не проходило безнаказанно даже царю: извѣстно, что Димитрій I навлекъ на себя подозрѣніе въ нерусскомъ происхожденіи и самозванствѣ между прочимъ тѣмъ, что послѣ обѣда не спалъ, а занимался дѣлами. Этотъ обычай отражался и на московской уличной жизни. Послѣ обѣда затихало движеніе на улицахъ и замирала торговля,—купцы и ихъ помощники-мальчики ложились спать передъ лавками.

При наступленіи сумерекъ начинался ночной отдыхъ, обязательный до извѣстной степени для московскаго населенія. Главныя улицы запирались рѣшотками и надолбами, которыя охранялись сторожами, набиравши-

мися изъ посадскихъ людей. Сторожа были обязаны задерживать подозрительныхъ людей, появлявшихся ночью на улицахъ, и представлять ихъ властямъ. Герберштейнъ сообщаетъ, что въ его время московскія улицы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ запирались на ночь положенными поперекъ бревнами и что если кто послѣ извѣстнаго часа бывалъ пойманъ сторожами, то его или били и обирали, или сажали въ тюрьму, если только это не былъ человѣкъ извѣстный и именитый, ибо такихъ людей сторожа обычно провожали къ ихъ жилищамъ. Загражденіе улицъ рѣшотками или бревнами было мѣрою, направленною противъ крайне многочисленныхъ въ Москвѣ ночныхъ грабителей, но эта мѣра, какъ увидимъ ниже, оказывалась совершенно недѣйствительною.

Днемъ уличная жизнь была довольно бойкая даже въ будни. Наибольшее оживленіе замѣчалось, конечно, въ обычныхъ мѣстахъ наибольшаго скопленія народа—въ Кремлѣ, на Красной площади и въ прилегавшихъ къ ней рядахъ. Но и въ остальныхъ частяхъ города движеніе на улицахъ достигало значительныхъ размѣровъ,—объ этомъ свидѣтельствуетъ большое количество московскихъ извозчиковъ. По словамъ Рейтенфельса, на каждомъ перекресткѣ и у каждыхъ воротъ города стояло съ санями или колымагами много извозчиковъ, которые, договорившись за весьма малую плату, быстро доставляли сѣдоковъ во всѣ концы города. Лѣтній извозчичій экипажъ, который Рейтенфельсъ называетъ колымагой, на самомъ дѣлѣ былъ обыкновенной четырехколесной телѣжкой самаго простого устройства. На приложенномъ къ книгѣ Корба рисункѣ, изображающемъ казни стрѣльцовъ при Петрѣ, извозчичьи телѣжки, въ которыхъ осужденные доставлялись на мѣсто казни, представлены чрезвычайно похожими на крестьянскія телѣги нашего времени. Несомнѣнно, такая телѣжка была типомъ экипажа, наиболѣе отвѣчавшимъ состоянію московскихъ путей сообщенія. Пыльныя въ сухую погоду улицы покрывались глубокою грязью во время дождей и оттепели. Корбъ пишетъ въ своемъ дневникѣ въ маѣ 1699 г.: «Нѣсколько дней подрядъ шли дожди, такъ что улицы Нѣмецкой слободы стали непроходимыми; повсюду тамъ разбросаны повозки, которыя такъ глубоко засѣли въ грязи, что лошади безсильны ихъ вытащить». Архидіаконъ Павелъ Алеппскій сообщаетъ, что во время зимней оттепели арабскіе монахи, жившіе въ Кремлѣ въ Кирилловскомъ подворьѣ, не могли выходить на улицу, потому что грязь и слякоть были глубиною въ ростъ человѣка.

Люди знатные обыкновенно пользовались для передвиженія по городу верховыми лошадьми. По словамъ Герберштейна, «дворяне» вообще рѣдко показывались въ народѣ, и ни одинъ изъ нихъ не могъ дойти пѣшкомъ даже до четвертаго или пятаго дома, если за нимъ не слѣдовала лошадь; только зимой они обычно не рѣшались выѣзжать на своихъ неподкованныхъ лошадяхъ. Въ XVII ст. входятъ въ употребленіе разнаго рода колымаги и кареты болѣе или менѣе европейскаго образца, вытѣсняя понемногу, въ качествѣ средства передвиженія, верховую лошадь. Послѣдняя, однако, продолжаетъ неизмѣнно фигурировать въ оффиціальныхъ выѣздахъ лицъ служилаго класса, служа живымъ символомъ его по преимуществу

военнаго характера. По общему правилу, эти лица, являясь ко двору, пріѣзжали въ Кремль верхами, и исключеніе дѣлалось только для стариковъ, которые не могли сидѣть на лошади. Женщины того же класса показывались на улицахъ не иначе, какъ въ экипажахъ, лѣтомъ—въ закрытыхъ каретахъ, зимою—въ саняхъ, обтянутыхъ красною тафтою. По словамъ Олеарія, женскіе выѣзды всегда имѣли торжественный характеръ,—боярыня возсѣдала въ саняхъ «съ великолѣпіемъ богини», у ногъ ея помѣщалась дѣвушка-рабыня, по бокамъ саней бѣжало до 30—40 слугъ, упряжная лошадь была увѣшана лисьими хвостами, которые, впрочемъ, были принадлежностью параднаго выѣзда и у мужчинъ, даже у царя.

Отъ XVII ст. дошли до насъ нѣкоторыя свѣдѣнія о регламентаціи уличнаго движенія, относящіяся, впрочемъ, только къ Кремлю. Кромѣ лицъ служилаго класса, никто не имѣлъ права въѣзжать въ Кремль даже верхомъ. Извозчикамъ запрещалось стоять въ Кремлѣ и проѣзжать черезъ него, не допускалось тамъ и движеніе возовъ съ кладью.

Бояре въ пышныхъ костюмахъ, верхомъ на коняхъ, спѣшившіе въ Кремль, раскрашенныя боярыни, медленно подвигавшіяся по улицамъ въ пестрыхъ повозкахъ, составляли яркіе штрихи въ картинѣ московской уличной жизни, свидѣтельствовавшіе о томъ, что Москва была постояннымъ мѣстопребываніемъ царя и его двора, но не эти штрихи опредѣляли характеръ московской улицы. Придворный элементъ не являлся доминирующимъ въ жизни города и не оставлялъ въ тѣни остальные слои населенія въ такой степени, въ какой это имѣло мѣсто въ Версали или въ Петербургѣ въ XVIII ст. Московской улицей владѣли элементы, мало или совсѣмъ не соприкасавшіеся съ придворной жизнью, «мужики», какъ говорилось въ XVI—XVII ст., и уличная жизнь носила, въ сущности, очень демократическій характеръ.

То, что намъ извѣстно о московской уличной жизни въ XVI и XVII ст., даетъ право прійти къ заключенію, что народный характеръ, поскольку онъ отражается въ уличныхъ нравахъ, мало измѣнился съ того времени. Внѣшнія проявленія, правда, значительно смягчились, но это слѣдуетъ приписать не столько облагораживающему вліянію культуры, сколько полицейской муштрѣ, которая сдѣлала крупные успѣхи послѣ XVII в. Московская Русь не знала того всесторонняго и всепроникающаго полицейскаго воздѣйствія на жизнь обывателей, какое выработалось въ преобразованной Петромъ Россіи. Съ XVIII в. деспотизмъ, сохраняя свою вполнѣ азіатскую сущность, въ интересахъ самосохраненія принималъ всѣ мѣры для того, чтобы преградить доступъ въ Россію европейской цивилизаціи, но тѣ же интересы понуждали его усиленно заботиться объ усвоеніи европейской техники. Многое удалось ему позаимствовать у Европы и по части техники обузданія и полицейскаго контроля надъ жизнью общества. Возможно ли, напр., въ новѣйшее время такое увѣковѣченіе памяти жертвъ политическаго режима, какое имѣло мѣсто въ XVI в. въ Москвѣ, гдѣ не встрѣтило никакихъ препятствій со стороны правительства сооруженіе на Красной площади церквей «на крови» казненныхъ Иваномъ IV? Возможны ли народныя собранія при церквахъ,

обсуждающія планъ массоваго политическаго выступленія? А такія собранія происходили въ Москвѣ въ 1648 г., когда начиналось народное движеніе, направленное противъ царскихъ временщиковъ. И это, несмотря на присутствіе въ Москвѣ, кромѣ муниципальной стражи, находившейся въ вѣдѣніи правительства, еще значительныхъ отрядовъ царской гвардіи, стрѣльцовъ,—Олеарій насчитывалъ ихъ до 16 тыс.,—несшихъ также полицейскую службу. Недостаточность полицейскаго надзора сказывалась, конечно, и въ явленіяхъ повседневной жизни—въ поведеніи толпы, наполнявшей московскія улицы, въ уличномъ бытѣ и уличныхъ нравахъ. Не испытывая большого стѣсненія со стороны полиціи, народъ держалъ себя на улицѣ болѣе на распашку, и черты національнаго характера проявлялись съ большею рѣзкостью, чѣмъ въ наше время.

Иностранцу бросались въ глаза въ Москвѣ сварливость и бранчивость русскихъ. Олеарій пишетъ: «Они (русскіе) вообще весьма бранчивый народъ и наскакиваютъ другъ на друга съ неистовыми и суровыми словами, точно псы. На улицахъ постоянно приходится видѣть подобнаго рода ссоры и бабьи передряги, при чемъ онѣ ведутся такъ рьяно, что съ непривычки думаешь, что они сейчасъ вцѣпятся другъ другу въ волосы. Однако, до побоевъ дѣло доходитъ весьма рѣдко, а если уже дѣло зашло такъ далеко, то они дерутся кулачнымъ боемъ». Упрощенный способъ расправы за обиды былъ въ ходу и между людьми болѣе или менѣе знатнаго происхожденія. Тому же Олеарію пришлось наблюдать, какъ двое дѣтей боярскихъ, сидя верхомъ на коняхъ, стегали другъ друга кнутами во время церемоніальной встрѣчи турецкаго посольства.

Но если драки на улицахъ происходили не особенно часто, то самымъ обычнымъ явленіемъ были ругательства, ставшія въ Великороссіи національными. Отмѣчая эту особенность московскаго разговорнаго языка, иностранцы единогласно признаютъ ее «постыдной и гнусной». Нельзя сказать, чтобы русскіе совершенно не сознавали зазорности своей національной брани. Церковь постоянно выступала съ суровымъ осужденіемъ «скаредныхъ» ругательствъ, бывали порой и случаи судебнаго и полицейскаго преслѣдованія ихъ. Олеарій разсказываетъ, что въ его время была предпринята правительствомъ попытка искорененія брани на улицахъ: брань была строго запрещена, подъ страхомъ кнута, публично оповѣщеннымъ указомъ, и на особыхъ агентовъ была возложена обязанность хватать въ толпѣ ругателей и на мѣстѣ наказывать ихъ. «Однако,—замѣчаетъ Олеарій,—эта давно привычная и слишкомъ глубоко укоренившаяся ругань требовала тутъ и тамъ больше надзора, чѣмъ можно было имѣть, и доставляла наблюдателямъ, судьямъ и палачамъ столько невыносимой работы, что имъ надоѣло какъ слѣдить за тѣмъ, чего они сами не могли исполнить, такъ и наказывать преступниковъ». Мѣры, принимавшіяся противъ брани на улицахъ, были обречены на неудачу уже потому, что онѣ не могли встрѣтить сознательнаго сочувствія въ самомъ правящемъ классѣ. Національныя ругательства были такъ же обычны въ хоромахъ высокопоставленныхъ лицъ, какъ и среди уличной толпы. Очень характерный въ этомъ отношеніи случай разсказываетъ архидіаконъ Павелъ Алеппскій.

На утренѣ въ Саввинѣ монастырѣ присутствовали антіохійскій патріархъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Когда чтецъ, приступая къ чтенію житія святого, сказалъ: «благослови, отче», царь, вскочивъ съ кресла, гнѣвно крикнулъ, не смущаясь даже присутствіемъ патріарха: «Что говоришь, мужикъ, бл...инъ сынъ: «благослови, отче? Тутъ есть патріархъ,—скажи: благослови, владыко!» Особымъ варіантомъ національной брани была фраза, которою, по словамъ Олеарія, простонародье преслѣдовало на улицахъ Москвы нѣмцевъ, проживавшихъ въ слободѣ Кокуѣ. Эта фраза такъ донимала ихъ, что они, наконецъ, подали царю челобитную, прося о защитѣ отъ уличныхъ ругателей.

Вообще насмѣшливое и непріязненное отношеніе къ иноземцамъ было обычнымъ явленіемъ. Хотя въ Москвѣ съ XVI в. существовала постоянная европейская колонія, московское населеніе, воспитанное въ условіяхъ замкнутаго національнаго быта, смотрѣло на членовъ ея, какъ на людей иного міра. До самаго конца XVII ст. европеецъ на улицахъ Москвы или собиралъ вокругъ себя любопытныхъ зрителей, разглядывавшихъ его съ нескрытымъ изумленіемъ, или вызывалъ со стороны туземцевъ враждебныя выходки, въ основѣ которыхъ лежало, вѣроятно, раздражавшее русскаго смутное сознаніе превосходства надъ нимъ людей западной культуры. Корбъ говоритъ, что московиты иногда бываютъ до такой степени поглощены созерцаніемъ иностранцевъ, что, разинувъ ротъ и вытаращивъ глаза, сами себя не помнятъ. Обычнымъ браннымъ прозвищемъ нѣмца было «фрыга» или «фря». Рейтенфельсъ говоритъ, что русскіе обзываютъ нѣмцевъ «шишами».

Національная брань была однимъ изъ проявленій нравственной распущенности русскихъ, наблюдавшейся какъ въ частной жизни, такъ и въ уличномъ бытѣ. Иностранцы не находятъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобы заклеймить поражавшее ихъ безстыдство русскихъ. «Они сняли съ себя всякій стыдъ и всякое стѣсненіе», говоритъ датчанинъ Іаковъ Ульфельдъ. Однимъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ уличнаго безстыдства было, по мнѣнію Олеарія, наблюдавшееся имъ въ Москвѣ появленіе голыхъ женщинъ передъ простонародными банями: выходя изъ бани прохладиться по русскому обычаю, онѣ безъ всякаго стѣсненія подходили къ нѣмцамъ и обращались къ нимъ «съ безнравственными рѣчами». Было ли въ Москвѣ въ обычаѣ мытье мужчинъ и женщинъ въ общихъ баняхъ, сказать трудно. Стоглавый соборъ, осудившій такія бани, отмѣтилъ существованіе ихъ только въ Псковѣ. Но во всякомъ случаѣ, судя по оставленному Олеаріемъ описанію русской общественной бани въ Астрахани, едва ли можно предполагать, что въ такихъ баняхъ помѣщенія для мытья обоихъ половъ были достаточно изолированы одно отъ другого. Въ астраханской банѣ мужчины и женщины входили и выходили черезъ одну и ту же дверь, при томъ безъ передниковъ, и женщины «иногда выходили, безъ стѣсненія, голыя поговорить со своими мужьями».

Вообще, на улицахъ Москвы европейцу нерѣдко приходилось наблюдать сцены, оскорблявшія его нравственное чувство. Всѣ европейцы, писавшіе о Московіи, констатируютъ необыкновенную склонность русскихъ

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

къ чувственнымъ удовольствіямъ. Хотя проституція не была оффиціально терпима въ Москвѣ, контингентъ проститутокъ какъ профессіональныхъ, такъ и случайныхъ всегда былъ очень значителенъ. Павелъ Іовій Новокомскій, писавшій о Москвѣ въ XVI в. со словъ москвича Дмитрія Герасимова, который былъ въ Римѣ въ 1525 г. въ качествѣ посланника, говоритъ: «даже иностранцу можно легко и при томъ за небольшую цѣну склонить къ любовнымъ утѣхамъ всякую женщину изъ простонародья (въ Москвѣ)». Неудивительно, что, при слабой дисциплинированности населенія, уличный развратъ принималъ иногда самыя откровенныя формы. Корбъ пишетъ, что нерѣдко даже монахи, сбросивъ всякую стыдливость, предавались разврату на проѣзжихъ площадяхъ. Наиболѣе рѣзкія проявленія рас-

С. С. Соломко. Вечерняя прогулка.

пущенности всегда, конечно, находились въ связи съ одной изъ самыхъ характерныхъ особенностей національнаго быта—пьянствомъ.

Во всѣ времена много говорилось и писалось о пьянствѣ русскихъ. Несомнѣнно, русскій человѣкъ искони проявлялъ влеченіе къ крѣпкимъ напиткамъ и давалъ ему волю при всякомъ удобномъ случаѣ. Характернымъ при этомъ было отсутствіе мѣры, благодаря которому вышивка всегда сопровождалась самыми безобразными послѣдствіями. Яркую картину пьянства въ кіевской Руси оставилъ Ѳеодосій Печерскій: «одни,—говоритъ онъ,—ползаютъ на колѣнахъ, будучи не въ состояніи стоять на ногахъ, другіе валяются въ грязи и навозѣ, ежеминутно готовые испустить духъ». Неменѣе рѣзкую характеристику позднѣйшаго пьянства мы находимъ въ дѣяніяхъ Стоглаваго собора. Съ показаніями туземныхъ источниковъ вполнѣ согласуются сообщенія наиболѣе освѣдомленнаго изъ иностранныхъ наблюдателей русской жизни въ XVII в., Олеарія. Онъ говоритъ, что никто изъ русскихъ

никогда не упуститъ случая, чтобы выпить или хорошенько напиться, когда бы, гдѣ бы и при какихъ бы обстоятельствахъ это ни было. При этомъ, когда знатный человѣкъ угощаетъ водкою простолюдина, послѣдній не считаетъ возможнымъ отказываться, сколько бы чарокъ ему ни предлагалось, и продолжаетъ пить, пока не упадетъ на землю и—въ иныхъ случаяхъ—не испуститъ душу вмѣстѣ съ выпивкою; до такого состоянія иногда доводили русскихъ люди изъ свиты голштинскаго посольства, въ составѣ котораго находился Олеарій. Совершенно тотъ же характеръ носило и пьянство знатныхъ людей, даже царскихъ великихъ пословъ, которые въ чужихъ странахъ не знали мѣры, когда представлялся случай выпить: посолъ, отправленный въ 1608 г. къ шведскому королю, такъ напился крѣпкой водки, что въ день, когда была назначена ему аудіенція, его нашли мертвымъ въ постели. Такимъ образомъ, пьянство до потери сознанія было обычнымъ явленіемъ въ московской Руси, и если на улицахъ попадались валяющіеся въ грязи пьяные, то, по словамъ Олеарія, на это не обращалось вниманія: развѣ какой-нибудь извозчикъ, наѣхавъ на знакомаго пьянаго, кинетъ его въ свою повозку и отвезетъ домой, гдѣ получитъ деньги за проѣздъ. Набожнаго Корба особенно возмущали часто появлявшіеся на улицахъ пьяные попы, которые не выказывали никакого уваженія къ носимому ими кресту: «очень жаль,—говоритъ онъ,—что драгоцѣннѣйшій символъ нашего Искупителя, носимый самыми презрѣнными человѣчишками, долженъ часто валяться въ сору и грязи въ рукахъ у ослабѣвшихъ и шатающихся отъ чрезмѣрно выпитой водки людей».

Но если случаи безобразнаго опьянѣнія были довольно обычны на улицахъ Москвы, все же въ непраздничные дни они имѣли спорадическій характеръ уже потому, что не всякій могъ въ любое время раздобыться хмельнымъ питьемъ. Продажа водки съ XVI в., когда этотъ напитокъ впервые появился въ Россіи, была монополизирована правительствомъ, которое, впрочемъ, не сумѣло сосредочить фактически въ своихъ рукахъ питейное дѣло и должно было дѣлиться правомъ на кабаки съ высшимъ духовенствомъ, монастырями и боярами. Въ Москвѣ продажа питей вѣдалась исключительно въ *новой чети* или (съ 1678 г.) *приказѣ новыя четверти*. Первый московскій кабакъ *) былъ основанъ Иваномъ IV въ 1552 г. на Балчугѣ, и съ того времени кабаки начали быстро размножаться въ Москвѣ. Это были заведенія, гдѣ всякій могъ получить любую порцію водки,—за неимѣніемъ денегъ, подъ закладъ вещей, даже платья, такъ что многіе пропивались буквально до нага. Кабакъ былъ обычнымъ пріютомъ «голи кабацкой», среди которой было немало темныхъ личностей, видавшихъ всякіе виды и промышлявшихъ обираніемъ и обыгрываніемъ въ карты и зернь захмелѣвшихъ посѣтителей. Размноженіе кабаковъ продолжалось до 1652 г., когда правительство всюду закрыло ихъ и сосредоточило продажу водки въ кружечныхъ дворахъ или кружалахъ. Въ каждомъ городѣ былъ открытъ только одинъ такой дворъ. Кружало было виннымъ складомъ, торговавшимъ водкою въ розницу, но водка отпускалась имъ только въ опредѣ-

*) *Кабакъ*—татарское названіе постоялаго двора съ продажей кушанья и напитковъ.

ленныхъ количествахъ, болѣе или менѣе крупныхъ,—кружками или ведрами. Господствуя почти безраздѣльно на водочномъ рынкѣ, правительство имѣло возможность регулировать потребленіе водки, насколько это не шло вразрѣзъ съ интересами фиска, сокращая, напр., число дней, въ которые допускалась продажа питей. Мѣры въ этомъ направленіи дѣйствительно проводились правительствомъ. Уже въ первой половинѣ XVI ст. простому народу разрѣшалось пить только въ большіе праздники, а ихъ насчитывалось тогда очень немного,—Рождество, Пасха, день св. Троицы и еще нѣсколько иныхъ,—и по воскресеньямъ и въ дни менѣе крупныхъ церковныхъ праздниковъ народъ работалъ послѣ утренняго богослуженія. Незадолго до изданія Уложенія 1649 г. воскресенье еще считалось рабочимъ днемъ. Но Уложеніе уже устанавливаетъ обязательное празднованіе извѣстныхъ дней, въ томъ числѣ и воскресенья, что, конечно, могло вызвать усиленіе пьянства. Зато въ 1652 г. правительство, учредивъ кружечные дворы, запрещаетъ продажу водки во время постовъ: въ Великій и Успенскій посты указано не продавать вина даже по воскресеньямъ, а въ посты Рождественскій и Петровъ не продавать по средамъ и пятницамъ. Кружечные дворы запирались и на пасхальной недѣлѣ до среды. Пьяному, схваченному во время поста, грозили кнутъ и тюрьма.

Эти запретительныя мѣры оказались, однако, мало дѣйствительными, и вызванное ими сокращеніе пьянства было далеко не такъ значительно, какъ ожидало правительство. Правда, кружечный дворъ не отпускалъ отдѣльнымъ питухамъ любого количества водки въ любое время, но зато стали устраиваться попойки въ складчину: сосѣди, сложившись, пріобрѣтали ведро и вмѣстѣ распивали его. Водку, впрочемъ, можно было доставать и помимо кружечнаго двора, такъ какъ въ продажѣ всегда имѣлось, наряду съ казеннымъ, «корчемное» вино, успѣшно ускользавшее отъ правительственнаго надзора. Дѣло въ томъ, что, монополизируя продажу водки, правительство не сумѣло монополизировать заготовку ея: правомъ курить вино пользовались не только духовенство и бояре, но и «лучшіе» посадскіе люди, которымъ разрѣшалось выкуривать извѣстное количество его по случаю большихъ праздниковъ, церковныхъ и семейныхъ, подъ условіемъ *явки* на кружечномъ дворѣ. Нерѣдки были, конечно, злоупотребленія этимъ правомъ, и выкуренное вино поступало въ продажу. Корчмы могли, кромѣ того, запасаться водкой и на кружечномъ дворѣ. Корчемство процвѣтало, несмотря на крутыя мѣры, принимавшіяся противъ него правительствомъ, которое въ Москвѣ для преслѣдованія его организовало особую команду, состоявшую изъ стрѣльцовъ подъ начальствомъ 15 объѣзжихъ головъ. Головы должны были разъѣзжать по улицамъ и слѣдить, чтобъ ни у кого корчемнаго питья не было. Нѣкоторымъ элементамъ населенія, впрочемъ, были нестрашны такіе объѣзды. Головы не имѣли права въѣзжать для розыска корчемнаго питья въ стрѣлецкія слободы. Такимъ же иммунитетомъ фактически пользовались и солдаты, которые открыто торговали водкой, въ постные дни даже на самомъ кружечномъ дворѣ. Какъ трудна была борьба съ солдатскимъ корчемствомъ, показываетъ слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто въ Нѣмецкой слободѣ. Отрядъ стрѣльцовъ захватилъ

въ слободѣ спрятанную у солдатъ водку, но солдаты отняли ее и прогнали стрѣльцовъ; къ послѣднимъ подоспѣли на выручку товарищи, и завязался бой, разгоравшійся по мѣрѣ того, какъ обѣ стороны получали подкрѣпленія. Въ концѣ концовъ стрѣльцы, которыхъ набралось до 1300, осилили солдатъ и захватили изъ нихъ 22 человѣка. Корбъ разсказываетъ о подобномъ же столкновеніи изъ-за корчемнаго вина между ямщиками и воинской командой, происшедшемъ въ маѣ 1699 г.,—столкновеніи, изъ котораго побѣдителями вышли ямщики: они отразили высланныхъ противъ нихъ солдатъ, троихъ закололи и многихъ ранили. Дерзость ямщиковъ такъ смутила бояръ, правившихъ Москвою въ отсутствіи царя, что они, по словамъ Корба, недоумѣвали, что лучше—дѣйствовать ли сильными мѣрами или не проявлять своей власти. Борьба съ корчемствомъ являлась иногда дѣломъ труднымъ и опаснымъ еще и потому, что корчемники пользовались покровительствомъ сильныхъ людей. Подметнымъ письмомъ царь Алексѣй Михайловичъ былъ извѣщенъ о дѣйствіяхъ возникшей въ Москвѣ цѣлой компаніи корчемниковъ, которые торговали водкой и табакомъ, принимали въ закладъ краденыя вещи, грабили и обыгрывали въ зернь и карты пьяныхъ. Компанія насчитывала болѣе 1000 членовъ, и выручка ея достигала до 1000 р. и болѣе въ мѣсяцъ. Предпріятіе, такимъ образомъ, оказывалось очень солиднымъ, что объяснялось составомъ его участниковъ, характернымъ для автократическаго режима: это были бѣглые служилые люди и бѣглые воры, записавшіеся въ метельщики, а во главѣ дѣла стояли чины Земскаго приказа, т.-е. главнаго полицейскаго управленія.

Картину будничной уличной жизни дополняли еще двѣ характерныя особенности: обиліе нищихъ и публичныя расправы съ преступниками. Если и въ наше время нищіе, въ одиночку и группами, составляютъ необходимую принадлежность московской улицы, то встарь, несомнѣнно, это явленіе имѣло гораздо болѣе крупные размѣры. Съ недавняго времени въ Москвѣ налаживается мало-по-малу организація общественнаго призрѣнія, и частная благотворительность, проявляясь въ устройствѣ богадѣленъ и пріютовъ, вступаетъ на болѣе вѣрный путь и получаетъ болѣе упорядоченныя формы; въ борьбѣ съ уличнымъ нищенствомъ принимаетъ нѣкоторое участіе и полиція. Въ московской Руси также дѣлались попытки упорядоченія благотворительности, которую, напр., Стоглавый соборъ хотѣлъ ограничить устройствомъ богадѣленъ, но эти попытки не могли имѣть сколько-нибудь замѣтнаго успѣха, потому что онѣ встрѣчали непреодолимое препятствіе въ своеобразномъ взглядѣ русскаго человѣка на значеніе благотворительности, удержавшемся отчасти до нашего времени. Для русскихъ благотворительность была не средствомъ борьбы съ соціальнымъ недугомъ, а благочестивымъ занятіемъ, необходимымъ для спасенія души: въ основѣ акта милосердія лежали, въ сущности, виды на награду, которую благотворитель готовилъ себѣ въ будущей жизни, при чемъ даже альтруистическій моментъ отступалъ для него на задній планъ. При господствѣ такого взгляда, благотворительность могла быть только личнымъ дѣломъ набожнаго человѣка, и формою, наиболѣе отвѣчавшей этому характеру ея, была раздача милостыни. Для москвича нищій, какъ объектъ

Гравüре Mezzotinto Bruckmann München.

Царица Евдокія Лукьяновна изъ рода Стрѣшневыхъ.

Москва
въ ея
прошломъ
и
настоящемъ

упражненій въ благочестіи, былъ не менѣе необходимъ, чѣмъ икона въ домѣ. Поэтому мы видимъ въ старой Москвѣ громадное развитіе нищенства, поддерживаемаго широко практиковавшейся подачей милостыни. По словамъ Рейтенфельса, въ Москвѣ часто можно было видѣть около домовъ богатыхъ людей цѣлыя толпы нищихъ, получавшихъ пищу или иную какую-либо милостыню. Павелъ Алеппскій говоритъ, что нищіе были распредѣлены по боярскимъ дворамъ, каждый изъ которыхъ содержалъ свою группу ихъ. Подобныя же группы нищихъ съ постояннымъ составомъ существовали при московскихъ соборахъ и монастыряхъ: при Успенскомъ соборѣ состояло двѣнадцать успенскихъ, богородицкихъ или пречистенскихъ нищихъ, по стольку же человѣкъ было въ группахъ при Чудовѣ монастырѣ и соборѣ Николы Гостунскаго въ Кремлѣ; послѣдняя группа или артель состояла исключительно изъ женщинъ, главнымъ образомъ поповскихъ вдовъ. Артели Архангельскаго собора, Василія Блаженнаго и Богоявленскаго монастыря насчитывали по десяти человѣкъ. Массы нищихъ кормились также около царя и патріарха, служившихъ въ этомъ отношеніи образцомъ для всего общества. Царь Алексѣй Михайловичъ содержалъ постоянно въ самомъ дворцѣ нѣсколько нищихъ стариковъ, которые занимали опредѣленное мѣсто въ дворцовомъ штатѣ, какъ «верховые богомольцы». Патрі-

А. П. Рябушкинъ. Ѣдутъ. Ожиданіе посольства въ допетровской Москвѣ. (Музей Александра III.)

архъ при всякомъ своемъ выѣздѣ или выходѣ одѣлялъ милостынею всѣхъ попадавшихся на пути нищихъ. Иногда производились экстраординарныя дачи милостыни, напр., когда патріархъ скликалъ нищихъ въ соборъ на молебствіе о дождѣ. Такъ было въ 1681 г., при чемъ была въ одинъ день роздана очень крупная сумма — болѣе 61 р., слѣд., нищихъ собралось около 600 чел., если дача была по гривнѣ, а, можетъ быть, и болѣе 2000, если она была по алтыну.

Публичныя истязанія преступниковъ были явленіемъ далеко нерѣдкимъ на улицахъ Москвы. Довольно обычнымъ зрѣлищемъ былъ полуобнаженный, окровавленный человѣкъ, котораго палачъ водилъ по торговымъ рядамъ и улицамъ, стегая кнутомъ и громко объявляя его вину. Подобныя же сцены можно было наблюдать у всѣхъ приказовъ въ Кремлѣ. Олеарій оставилъ обстоятельное описаніе торговой казни или битья кнутомъ, которому въ его присутствіи подверглись девять корчемниковъ, восемь мужчинъ и одна женщина, передъ приказомъ новой четверти. Преступникъ обнажался до бедеръ и ложился на спину помощника палача, обхватывая его шею руками; другой помощникъ поддерживалъ веревкою связанныя ноги наказываемаго, чтобы онъ не могъ двинуться ни вверхъ, ни внизъ. Палачъ, отступивъ на три шага назадъ, стегалъ изо всей силы истязуемаго по спинѣ длиннымъ толстымъ кнутомъ такъ, что послѣ каждаго удара обильно лилась кровь, а подъячій считалъ удары, слѣдя по выписи за тѣмъ, чтобы каждый получилъ назначенное судьями количество ихъ. Мужчинамъ было дано отъ 20 до 26 ударовъ, женщинѣ—16, послѣ чего она лишилась чувствъ. На спинахъ наказанныхъ не сохранилось кожи даже на палецъ шириною; они были похожи на животныхъ, съ которыхъ содрали кожу. Послѣ наказанія на корчемниковъ навѣсили бумажки съ табакомъ и бутылки и провели ихъ по городу, осыпая ударами. Иногда били кнутомъ «на козлѣ», т.-е. на особой скамейкѣ, на которую клали осужденнаго. Въ извѣстныхъ случаяхъ торговая казнь сопровождалась клейменіемъ, вырѣзаніемъ ноздрей, отсѣченіемъ руки или ноги.

Менѣе тяжкимъ, хотя достаточно мучительнымъ наказаніемъ было битье батогами, т.-е. тонкими палками, которыми преступника, растянутаго на землѣ и раздѣтаго до рубашки, два палача колотили по спинѣ, а иногда и по животу; въ послѣднемъ случаѣ наказаніе, по словамъ Рейтенфельса, иногда имѣло смертельный исходъ. Батоги назначались по суду за менѣе важные проступки и нерѣдко примѣнялись также въ частномъ быту, какъ обычное орудіе расправы бояръ съ холопами. Немного отличались отъ батоговъ тѣ палки, которыми били стоявшихъ *на правежѣ*. Каждый день передъ приказами можно было видѣть выстроенныхъ въ ряды людей всякаго чина, которыхъ приказные служители били, прохаживаясь вдоль рядовъ, тонкими палками по ногамъ. Это былъ правежъ, принятый въ московскомъ государствѣ способъ *правленія* долговъ и казенныхъ недоимокъ. Осужденные на правежъ неплательщики приводились изъ тюрьмы или сами являлись, если имъ удавалось найти поручителей, къ приказу и подвергались битью въ теченіе цѣлаго ряда дней, пока не уплачивали долга. Боль бывала иногда такъ сильна, что стоявшіе на правежѣ громко кричали. Впро-

чемъ, нѣкоторые входили въ сдѣлку съ палачами, а иные клали въ сапоги жесть или деревянныя дощечки, чтобы сдѣлать удары нечувствительными.

Смертная казнь совершалась такъ же открыто, какъ и прочія расправы, и при томъ съ большею торжественностью, въ духѣ тогдашняго уголовнаго правосудія, насквозь проникнутаго устрашающей тенденціей. Ареной казней были обыкновенно большія городскія площади—Красная или, точнѣе, та часть ея, которая называлась Пожаромъ, и Болото. При Иванѣ Грозномъ массовыя казни совершались даже въ Кремлѣ: такъ, въ 1574 г. онъ казнилъ «у Пречистой на площади», т.-е. на площадкѣ у кремлевскихъ соборовъ многихъ бояръ, архимандрита чудовского, протопопа и всякихъ чиновъ людей много. Но вообще Кремль не считался подходящимъ мѣстомъ для казней, и онѣ допускались въ немъ только въ видѣ исключенія. Зато Красная площадь была постоянной свидѣтельницей болѣе или менѣе варварскихъ расправъ до самаго конца XVII ст. Кромѣ отдѣльныхъ казней, на ней имѣли мѣсто массовыя избіенія крамольниковъ при Иванѣ Грозномъ и неменѣе грандіозное по числу жертвъ истребленіе мятежныхъ стрѣльцовъ при Петрѣ I. Вообще можно сказать, что расправа Петра съ участниками стрѣлецкаго мятежа 1698 г. была выдающимся явленіемъ даже въ ряду наиболѣе громкихъ карательныхъ подвиговъ московскаго правительства. Казни начались 30 сентября 1698 г., когда былъ объявленъ у Покровскихъ воротъ, въ присутствіи царя, приговоръ по дѣлу о мятежѣ и была умерщвлена первая партія осужденныхъ стрѣльцовъ, числомъ 201; пятерымъ изъ нихъ Петръ собственноручно отрубилъ головы въ Преображенскомъ. 11 октября было казнено 144 человѣка, 12-го—205, 13-го—141, 17-го—109, 18-го—65, 19-го—106, 21-го—2. Казни происходили въ разныхъ мѣстахъ—въ Бѣломъ и Земляномъ городахъ, подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ и въ Преображенскомъ. Въ бойницы стѣнъ Бѣлаго города были вставлены бревна, на которыхъ вѣшали по два и по четыре человѣка. 195 стрѣльцовъ было повѣшено на тридцати висѣлицахъ передъ кельей царевны Софьи въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, при чемъ троимъ, повѣшеннымъ передъ самыми окнами кельи, царь приказалъ вложить въ руки челобитныя, содержавшія въ себѣ призывъ Софьи на царство. Вѣшали и у городскихъ воротъ, по шести человѣкъ на висѣлицѣ. Многимъ рубили головы; 17 октября въ Преображенскомъ этимъ занимались, по приказанію Петра, его фавориты и бояре. Признанные наиболѣе виновными подверглись колесованію на Красной площади и, съ перебитыми руками и ногами, около сутокъ мучились на колесахъ. Пять мѣсяцевъ трупы не убирались съ мѣстъ казни, и только въ мартѣ 1699 г. было приступлено къ вывозу ихъ, который, по словамъ Корба, представлялъ зрѣлище ужасное и необычное у болѣе образованныхъ народовъ: тѣла клались на повозки въ безпорядкѣ, многія были полуобнажены, везли ихъ къ могильнымъ ямамъ, какъ заколотый скотъ на рынокъ. Казни возобновились въ февралѣ 1699 г. 1-го, 3-го и 4-го февраля было обезглавлено свыше 400че ловѣкъ; 3-го казнили на Красной площади и на Болотѣ, 4-го—въ Преображенскомъ, гдѣ, какъ говорили, самъ Петръ отсѣкъ головы 84 стрѣльцамъ.

Самыми обычными видами казни были повѣшеніе и отсѣченіе головы; примѣнялось также, въ качествѣ кары за болѣе тяжкія преступленія, сажаніе на колъ, четвертованіе и, въ концѣ XVII в., колесованіе. Женщинъ, убившихъ своихъ мужей, закапывали по шею въ землю и оставляли въ этомъ положеніи до самой смерти. Рейтенфельсъ наблюдалъ въ Москвѣ «потрясающую», по его словамъ, картину такой казни: двумъ женщинамъ, зарытымъ по шею, попы читали молитвы, зажегши вокругъ этихъ живыхъ покойницъ восковыя свѣчи, а возлѣ стояла стража, смѣнявшаяся днемъ и ночью. По ходатайству царицы, эти двѣ женщины, проведя три дня въ своихъ могилахъ, были освобождены изъ ихъ, и, почти здоровыя, постуцили въ монастырь. Такой исходъ можетъ быть объясненъ только исключительно сильнымъ заступничествомъ за осужденныхъ, такъ какъ по закону всѣ ходатайства за мужеубійцъ, даже со стороны самыхъ близкихъ родственниковъ, отвергались. Бывали случаи, когда закопанныя женщины томились въ землѣ по шести и даже по двѣнадцати дней.

Мы разсмотрѣли главнѣйшія типичныя явленія повседневной уличной жизни въ старой Москвѣ. Но кромѣ нихъ были еще неменѣе характерныя въ своемъ родѣ особенности, присущія только мѣстамъ, гдѣ сосредоточивалась дѣловая и оффиціальная жизнь. Такими мѣстами были Кремль и главный московскій рынокъ—Красная площадь съ торговыми рядами.

Съ ранняго утра Кремль представлялъ чрезвычайно оживленную картину. Сюда съѣзжались, по дѣламъ и на поклонъ къ царю, служилые люди всякихъ ранговъ. Большинство являлось верхомъ на коняхъ въ сопровожденіи слугъ, которымъ кони отдавались подъ охрану до отъѣзда изъ Кремля. Скоплялась громадная толпа челяди, и разыгрывались чрезвычайно характерныя сцены: дворовые люди свистали, бранились, скакали на лошадяхъ, заводили драки и кулачные бои, всячески задирали прохожихъ, особенно иноземцевъ. Такое безчинство творилось не только на площадяхъ, но и у самаго дворца и тѣхъ помостовъ, по которымъ цари проходили изъ собора въ соборъ. На стрѣльцовъ, постоянно охранявшихъ царскій дворецъ, буйная толпа мало обращала вниманія. Только въ концѣ XVII в. были приняты противъ этого безпорядка нѣкоторыя мѣры, сводившіяся главнымъ образомъ къ указанію опредѣленныхъ мѣстъ для стоянки челяди и къ удаленію ея отъ путей, по которымъ совершались царскіе выходы и выѣзды.

Оживленіе иного рода царило на Ивановской площади. На окраинѣ ея въ XVII в. помѣщалось зданіе приказовъ, центральныхъ учрежденій московскаго государства, административныхъ и судебныхъ. Приказная дѣятельность начиналась очень рано,—въ декабрѣ, напр., присутствіе открывалось за часъ до разсвѣта, т.-е. приблизительно въ $7\,^1/_2$ часовъ утра. Поэтому съ ранняго утра площадь наполнялась толпой лицъ, «ходившихъ за дѣлами» въ приказы, по тогдашнему выраженію. Здѣсь же отбывали наказаніе осужденные на правежъ, работали палачи, приводившіе въ исполненіе судебные приговоры, и говоръ толпы покрывался порой воплями жертвъ московскаго правосудія. Съ чисто-азіатскимъ характеромъ этой картины вполнѣ гармонировали засѣдавшіе въ особой палаткѣ *площадные*

Общій видъ Кремля отъ Каменнаго моста.

MEZZOTINTOGRAVÜRE BRUCKMANN, MÜNCHEN

Москва
ПРОШЛОМЪ
НАСТОЯЩЕМЪ

подячіе, публичные писцы или нотаріусы, которые пользовались исключительнымъ правомъ совершенія разнаго рода крѣпостныхъ актовъ. Дѣятельность ихъ, благодаря освященнымъ обычаемъ поборамъ за составленіе актовъ, была очень прибыльной, и наиболѣе чувствительнымъ наказаніемъ считалась для нихъ «отставка отъ площади».

Ивановская площадь была также ареной своеобразной московской гласности. Здѣсь,—а также и на Красной площади,—правительство посредствомъ *кличей* публиковало свои распоряженія и сообщенія во всеобщее свѣдѣніе или, по выраженію народной поговорки, *во всю Ивановскую*. Такъ, напр., здѣсь въ февралѣ 1699 г. царь черезъ кликавшихъ кличъ преображенскихъ солдатъ звалъ москвичей въ Преображенское посмотрѣть на казнь стрѣльцовъ, обѣщая зрителямъ безопасность. Бывали случаи обращенія къ площадной гласности частныхъ лицъ, которыя имѣли сдѣ-

Ориг. рис. И. С. Горюшкина-Сорокопудова. Выходъ царя отъ обѣдни.

лать сообщенія, представлявшія общій интересъ. Одинъ изъ такихъ случаевъ связанъ съ первымъ опытомъ авіаціи въ Россіи, имѣвшимъ, можно сказать, пророческое значеніе для судебъ самобытнаго русскаго воздухоплаванія. Въ апрѣлѣ 1695 г. мужикъ,—имя его осталось неизвѣстнымъ,—закричалъ на площади караулъ, былъ взятъ въ Стрѣлецкій приказъ и въ разспросѣ объявилъ, что сдѣлаетъ крылья и станетъ летать, какъ журавль. Идея мужика заинтересовала царя, и изобрѣтателю были выданы деньги на постройку крыльевъ изъ слюды. Первый опытъ состоялся предъ приказомъ, въ присутствіи начальника приказа кн. Троекурова и толпы любопытныхъ: мужикъ, перекрестившись, сталъ надувать мѣхи своего авіаціоннаго аппарата, но на воздухъ подняться не смогъ и сказалъ, что крылья слишкомъ тяжелы. Были вновь выданы деньги на болѣе легкія крылья, изъ кожи, но и второй опытъ окончился неудачей,—мужикъ не

полетѣлъ. Дальнѣйшихъ опытовъ Троекуровъ не допустилъ, а авіатора присудилъ къ батогамъ и взысканію денегъ, затраченныхъ на осуществленіе его затѣи.

Красная площадь имѣла преимущественно торговый характеръ. На всемъ протяженіи ея цѣлый день шла бойкая торговля въ разносъ. Здѣсь толклись разносчики со всевозможными товарами, начиная съ принадлежностей костюма и кончая разнаго рода снѣдью, которая тутъ же потреблялась покупателями; работавшіе среди толпы, подъ открытымъ небомъ, портные, сапожники и уличные ювелиры еще болѣе оттѣняли восточный характеръ площадного торга. Близъ Лобнаго мѣста стояли женщины, продававшія холсты и кольца съ бирюзою; онѣ же, по словамъ Олеарія, кромѣ своего товара предлагали покупателямъ «кое-что иное». Рынокъ выдвигался за предѣлы площади и спускался по скату холма внизъ къ рѣкѣ, къ живорыбнымъ садкамъ и москворѣцкому мосту, на которомъ также сидѣли мелочные торговцы, рядомъ съ женщинами, полоскавшими въ рѣкѣ бѣлье. Торговля велась и на мостахъ у кремлевскихъ воротъ, Спасскомъ и Никольскомъ. На первомъ разносчики и небольшія лавочки торговали преимущественно книгами, рукописными тетрадями и картинами на листахъ. Особенно большое скопленіе народа бывало на площади въ базарные дни, среду и пятницу, когда въ городъ съѣзжались крестьяне изъ окрестныхъ деревень, но и въ другіе дни недѣли она привлекала не только толпы торговцевъ и покупателей, но и сотни гуляющихъ или «праздношатающихся», какъ ихъ называетъ Олеарій, для которыхъ рынокъ былъ своего рода демократическимъ клубомъ.

Близъ Спасскаго моста ютилась одна изъ характернѣйшихъ достопримѣчательностей старой Москвы—Спасскій или поповскій крестецъ*). У самаго Покровскаго собора (Василія Блаженнаго) стояла патріаршая тіунская изба, въ которой тіунъ взималъ съ духовныхъ лицъ разнаго рода поборы въ пользу патріарха, между прочимъ также пошлину за служеніе обѣдни по найму; эта пошлина упоминается уже въ постановленіяхъ Стоглаваго собора, какъ «исконивѣчная, глаголемая крестецъ», прозванная такъ, очевидно, по мѣсту, гдѣ она взималась. Спасскій крестецъ, благодаря своей близости къ тіунской избѣ, постоянно наполнялся безмѣстными попами, нанимавшимися служить обѣдни въ приходскихъ и домовыхъ церквахъ, торговавшими божественною литургіею, по выраженію патріарха Іова. Нравы, господствовавшіе на этомъ богослужебномъ рынкѣ, обрисованы въ докладѣ, сдѣланномъ въ 1604 г. патріарху его тіуномъ. Безмѣстные попы и дьяконы, по словамъ тіуна, въ поповскую (тіунскую) избу не заходили и передъ литургіею правила не правили, а садились у Фроловскаго (Спасскаго) моста и безчинства чинили великія, бранились, укоризны чинили скаредныя и смѣхотворныя, иные же межъ себя играли, боролись и въ кулачки бились. Безчинство «крестцовскихъ» поповъ было явленіемъ, съ которымъ церковныя власти безуспѣшно боролись въ тече-

*) Крестцами назывались перекрестки, мѣста, гдѣ улицы пересѣкались переулками или иными проѣздами. Дорога отъ Спасскихъ воротъ до Ильинки, замощенная деревомъ, у самыхъ воротъ пересѣкалась проѣздомъ, направлявшимся мимо Покровскаго собора внизъ къ рѣкѣ.

ніе долгаго времени. Крестецъ пережилъ патріарховъ и въ XVIII в. сумѣлъ, въ борьбѣ съ новыми органами церковнаго управленія, сохранить свои нравы во всей неприкосновенности вплоть до начала 70-хъ г., когда архіепископу Амвросію удалось, наконецъ, искоренить эту интересную особенность московскаго церковнаго быта.

Вдоль кремлевскаго рва, по направленію къ Никольскимъ воротамъ, тянулся рядъ небольшихъ церквей «на крови», при которыхъ было кладбище, обнесенное частоколомъ, а близъ Неглиненскихъ или Воскресенскихъ воротъ, на мѣстѣ Историческаго музея, находился Земскій дворъ (приказъ), вносившій свою характерную ноту въ жизнь торговой площади: днемъ и ночью изъ его застѣнка неслись стоны и вопли людей, имѣвшихъ дѣло съ полиціей. Эти звуки были настолько сильны, что немало безпокоили въ 1666 г. опальнаго патріарха Никона, заключеннаго въ Лыковомъ дворѣ въ Кремлѣ близъ Никольскихъ воротъ.

Красная площадь, подобно Ивановской въ Кремлѣ, была мѣстомъ, гдѣ посредствомъ кличей объявлялись правительственныя распоряженія. Для особо важныхъ сообщеній правительство пользовалось Лобнымъ мѣстомъ, съ котораго иногда и цари обращались съ рѣчами къ народу. Такъ, напр., на Лобномъ мѣстѣ Алексѣй Михайловичъ въ 1648 г. произнесъ покаянную рѣчь передъ московскимъ населеніемъ послѣ увѣнчавшагося полнымъ успѣхомъ выступленія народной массы противъ неугодныхъ ей бояръ.

Въ примыкавшихъ къ Красной площади рядахъ сосредоточивалась торговля осѣдлая, прикрѣпленная, въ противоположность площадной «походячей» торговлѣ, къ опредѣленнымъ мѣстамъ, обложеннымъ городскимъ тягломъ. Фискальный интересъ побуждалъ правительство относиться съ особымъ вниманіемъ къ рядской торговлѣ и заботиться о созданіи для нея удобной и безопасной въ пожарномъ отношеніи обстановки. Въ концѣ XVI в. появляются въ рядахъ каменныя торговыя помѣщенія. Каковы они были, мы точно не знаемъ, но надобно полагать, что въ удобствѣ и изяществѣ они значительно уступали даже тѣмъ, памятнымъ еще населенію Москвы, рядамъ Екатерининской постройки, которые существовали до 1886 г. Наряду съ каменными было много, можетъ быть, даже больше деревянныхъ лавокъ и ларей самаго примитивнаго устройства; о стилѣ ихъ, вѣроятно, дали бы вполнѣ точное представленіе торговые бараки и «кіоски», устроенные въ наше время на московскихъ площадяхъ, еслибы мы были въ состояніи вообразить себѣ эти сооруженія въ болѣе неприглядномъ видѣ. Предупрежденіе пожаровъ въ каменныхъ и деревянныхъ лавкахъ составляло предметъ постоянной заботы для рядскихъ торговцевъ. Ради него не допускались въ лавкахъ жилыя помѣщенія и содержались сторожа, дежурившіе по ночамъ на крышахъ. Тѣ же сторожа оберегали лавки отъ грабежей, пользуясь сотрудничествомъ лихихъ псовъ, которые привязывались къ блокамъ, двигавшимся по протянутымъ вдоль лавокъ веревкамъ.

Иноземцы, видѣвшіе московскіе ряды въ XVII ст., съ похвалою отзываются о рядской систематизаціи товаровъ, благодаря которой покупатель безъ труда находилъ въ опредѣленномъ мѣстѣ то, что ему было нужно.

При этомъ европейцы не забываютъ упомянуть о томъ, въ чемъ, по ихъ мнѣнію, наиболѣе сказывалась couleur locale,—рядахъ иконномъ и рыбномъ и «вшивомъ» рынкѣ. Близость рыбнаго рынка давала себя знать специфическимъ запахомъ, который ясно свидѣтельствовалъ о странной для европейца особенности русскаго вкуса, мирившагося съ «тронувшейся» рыбой. «Вшивый» рынокъ, по словамъ Рейтенфельса, назывался такъ потому, что на немъ продавалось старье; Павелъ Алеппскій также говоритъ, что въ ряду, подобномъ Сукъ Эль-камлэ, т.-е. вшивому или ветошному рынку въ Алеппо, торговали всевозможной рухлядью. Вшивый рынокъ былъ мѣстопребываніемъ цирульниковъ, которые работали въ низенькихъ лавочкахъ, крытыхъ древесною корою, а въ хорошую погоду подъ открытымъ небомъ; земля здѣсь была такъ устлана волосами, что казалась покрытой войлокомъ, самые же цирульники и ихъ пріемы вызывали у европейца ощущеніе тошноты. Иная точка зрѣнія сказывается въ отзывѣ о московскихъ рядахъ, исходящемъ отъ азіата. Архидіаконъ Павелъ Алеппскій проходитъ мимо курьезовъ, отмѣченныхъ европейцами, но останавливается съ интересомъ на техникѣ торговли, и въ его сужденіяхъ о ней слышится компетентный голосъ человѣка, говорящаго о близко знакомомъ ему дѣлѣ. Разсказывая о томъ, какъ арабамъ приходилось торговаться въ рядахъ, онъ отдаетъ должное выдержкѣ и умѣнью русскихъ купцовъ, но не безъ гордости замѣчаетъ, что въ состязаніяхъ съ ними арабы обыкновенно одерживали верхъ. Зато непобѣдимыми оказывались помощники купцовъ, лавочные мальчики, обладавшіе изумительною смѣтливостью и хитростью; эти мальчики, по словамъ Павла, были азіаты по происхожденію, выкресты изъ турокъ и татаръ.

Явленіями, особенно часто нарушавшими обычное теченіе уличной жизни въ Москвѣ, были пожары и разбои. Въ XVI и XVII вв. Москва не разъ опустошалась грандіозными пожарами. Едва успѣли изгладиться слѣды пожарнаго разоренія, испытаннаго ею въ 1571 г. во время нашествія крымской орды, какъ городъ вновь выгорѣлъ, вслѣдствіе поджоговъ, въ 1611 г. Въ 1626 г. произошелъ пожаръ, имѣвшій чрезвычайно тяжкія послѣдствія для государственной жизни. Онъ возникъ въ Китай-городѣ на Варваркѣ, затѣмъ распространился на ряды, Покровскій соборъ и перекинулся въ Кремль, гдѣ сгорѣли церкви въ Чудовѣ и Вознесенскомъ монастыряхъ, постройки во дворахъ царскомъ и патріаршемъ и всякія дѣла въ приказахъ. Гибель приказнаго дѣлопроизводства надолго разстроила дѣятельность правительства и тяжело отозвалась на интересахъ массы частныхъ лицъ, утратившихъ вмѣстѣ съ документами доказательства своихъ правъ. Новый пожаръ въ 1629 г. опустошилъ многія части города: выгорѣла мѣстность между Чертольемъ и Тверской, сгорѣли слободы за Бѣлымъ городомъ и множество дворовъ на Неглинной, на Покровкѣ и въ другихъ мѣстахъ. Въ 1633 и 1634 гг. опять Москва горѣла. Какъ велико было разрушеніе, произведенное всѣми этими пожарами, видно изъ того, что, по словамъ Олеарія, въ его время туземцы насчитывали въ Москвѣ до 40 тыс. пожарищъ. Исключительные по размѣрамъ пожары были, какъ видимъ, вовсе нерѣдки, а менѣе крупные принадлежали къ самымъ обычнымъ явле-

Gravure Mezzotinto Bruckmann München.

Царица Наталія Кириловна Нарышкина.

Царица Евдокія (въ монашествѣ Елена) Θеодоровна Лопухина.

Москва
ея
прошломъ
и
настоящемъ

ніямъ городской жизни. Олеарій говоритъ, что въ Москвѣ не проходитъ мѣсяца или даже недѣли, чтобы нѣсколько домовъ, а временами, — если вѣтеръ силенъ,—цѣлые переулки не уничтожались огнемъ, и что голштинцамъ иногда по ночамъ приходилось видѣть, какъ въ трехъ-четырехъ мѣстахъ заразъ поднималось пламя. Въ дневникѣ Корба мы находимъ любопытныя данныя по статистикѣ пожаровъ за время его пребыванія въ Москвѣ. Въ концѣ апрѣля—по старому стилю—1698 г., на Пасхѣ былъ пожаръ, истребившій до 600 домовъ. Въ концѣ мая сгорѣли два дома въ Нѣмецкой слободѣ, 6 іюня много домовъ было уничтожено «губительнымъ» пожаромъ; въ августѣ въ одинъ день сгорѣло свыше 100 домовъ. Въ 1699 г. 30 марта былъ большой пожаръ близъ Посольскаго двора, 14 апрѣля — «гибельный» пожаръ; 10 іюня сгорѣли два дома въ Нѣмецкой слободѣ и нѣсколько сотъ домовъ въ городѣ, 1 іюля близъ Нарышкинскихъ палатъ въ Бѣломъ городѣ (на Воздвиженкѣ) сгорѣло 130 домовъ. Замѣтимъ, что статистика Корба едва ли можетъ считаться полной, такъ какъ, по всей вѣроятности, онъ отмѣчалъ только пожары, почему-либо особенно заинтересовавшіе его.

С. С. Соломко. Уличная жизнь.

Для борьбы съ пожарами принимались разнаго рода мѣры. Предупредительною мѣрой было обязательное прекращеніе топки печей въ домахъ и мыльницахъ въ лѣтнее время: съ весны всѣ печи запечатывались объѣзжими головами. Тушеніе пожаровъ возлагалось на пожарную команду, содержавшуюся на средства города и государства. Пожарные, по-тогдашнему ярыжки, получали жалованье отъ посада до 1629 г., а съ этого года содержаніе ихъ взяло на себя государство, при чемъ число ихъ было увеличено: къ прежнимъ ста чел. прибавлено еще сто. Инструменты для пожарной команды, трубы, бочки и щиты изъ луба, пріобрѣтались на средства казны. Для выѣздовъ на пожары ночью должны были дежурить 20 извозчиковъ, по очереди, на Земскомъ дворѣ, и туда же извозчики, въ томъ же количествѣ, являлись днемъ въ случаѣ пожара. Начавшійся пожаръ возвѣщался набатомъ на колокольнѣ мѣстной церкви, и на эту тревогу откликались сторожа, дежурившіе въ набатныхъ башняхъ кремлевской ограды: начинался набатный звонъ въ башнѣ той стороны ограды, которая была обращена къ части города, гдѣ вспыхнулъ пожаръ. Хотя правительство заботилось о снабженіи пожарной команды трубами и бочками, пожаръ обыкновенно старались не столько тушить, сколько локализировать, ломая ближайшіе къ мѣсту его дома.

Грабежи и разбои были въ Москвѣ неменѣе хроническимъ зломъ,

чѣмъ пожары. Съ наступленіемъ темноты на улицахъ начиналось господство грабителей, и прохожіе ночью всегда рисковали быть ограбленными, избитыми или убитыми. Олеарій и Корбъ сообщаютъ о нѣсколькихъ случаяхъ дерзкихъ нападеній на иностранцевъ, возвращавшихся ночью домой. Не проходило ночи, чтобы на утро не находили на улицахъ нѣсколькихъ убитыхъ. Во время пребыванія голштинскаго посольства въ Москвѣ, по словамъ Олеарія, 11 декабря можно было насчитать пятнадцать убитыхъ передъ Земскимъ дворомъ: сюда по утрамъ доставлялись найденные на улицахъ трупы, и лица, не находившія подъ утро своихъ родственниковъ дома, шли на Земскій дворъ осматривать убитыхъ. Неопознанные трупы свозились въ убогіе дома, гдѣ хранились, вмѣстѣ съ трупами казненныхъ, тюремныхъ сидѣльцевъ, опившихся и бѣдняковъ, скоропостижно умершихъ на улицѣ, до троицкой недѣли, когда совершалось погребеніе всѣхъ такихъ покойниковъ въ общихъ могилахъ. Горожане были настолько терроризованы разбойниками, что, слыша ночью крики людей, подвергшихся нападенію на улицѣ, обыкновенно не только не спѣшили на помощь, но даже не рѣшались выглядывать изъ оконъ. Такъ же обычны, какъ разбои, были ночныя кражи со взломомъ.

Особая статья Уложенія посвящена ворамъ, которые играютъ въ карты и зернь и, проигравшись, ходятъ по рядамъ и улицамъ, съ прохожихъ шапки срываютъ, грабятъ и разбиваютъ: въ этомъ описаніи нетрудно узнать профессіональныхъ грабителей, апашей того времени, которые, какъ видно изъ той же статьи, были очень многочисленны въ Москвѣ. Но главный контингентъ грабителей поставлялся богатыми боярскими дворами. У бояръ было въ обычаѣ держать десятки и сотни дворовыхъ людей, но не было въ обычаѣ заботиться объ ихъ прокормленіи. Боярская челядь ютилась во дворахъ господъ, въ маленькихъ домикахъ, которые, по словамъ Рейтенфельса, въ другихъ странахъ были бы сочтены за свиные хлѣвы, и жила впроголодь, питаясь, какъ тогда говорилось въ насмѣшку, похлебкою изъ яичной скорлупы. Неудивительно, что, предоставленная самой себѣ, эта челядь, вообще очень буйная и разнузданная,—припомнимъ, какъ она держала себя въ Кремлѣ близъ самыхъ царскихъ хоромъ,—старалась добывать себѣ пропитаніе разбоемъ и грабежомъ. Въ XVII в. на Дмитровкѣ не было ни проходу, ни проѣзду отъ людей Родіона Стрѣшнева, князей Голицына и Татева. Люди князя Юрья Ромодановскаго, убившіе старосту серебрянаго ряда, винились въ убійствѣ еще двадцати человѣкъ.

Полицейская охрана, очевидно, оказывалась недостаточной для успѣшной борьбы съ грабителями. Особенно ярко сказывалось безсиліе полиціи въ дни общаго разгула на масленицѣ, когда сами караульные напивались, а число уличныхъ убійствъ значительно увеличивалось. Частныя лица старались своими мѣрами обезопасить себя отъ грабежей. Бояре нанимали особыхъ сторожей, которые дежурили въ ихъ дворахъ по ночамъ, ежечасно давая о себѣ знать ударами палки по деревянной доскѣ. Но, по словамъ Олеарія, часто случалось, что подобные стражники сторожили не столько для господъ, сколько для воровъ, помогали послѣднимъ проникать во дворы и убѣгали.

Изъ разсмотрѣнныхъ нами явленій слагалась будничная жизнь московской улицы, но улица имѣла и свои праздники, неменѣе характерные въ своемъ родѣ, нежели повседневныя городскія происшествія. Праздничный видъ она принимала всякій разъ, когда на ней появлялся царь. Въ XVII в. Москва уже смутно помнила тѣ царскіе выѣзды, которыхъ она была свидѣтельницей въ дни установленной Грознымъ чрезвычайной охраны, когда появленіе царя на улицѣ во главѣ опричныхъ бандитовъ терроризовало населеніе. Романовы XVII в. жили замкнуто въ своемъ дворцѣ, какъ недоступные для народа земные боги, и если показывались на улицѣ, то въ самой обстановкѣ ихъ выѣзда сказывалась ихъ разобщенность отъ народной жизни. Цари ѣздили по извѣстнымъ, опредѣленнымъ улицамъ, покрытымъ бревенчатою мостовою, которая въ ожиданія проѣзда царя экстренно подметалась. Царскому поѣзду предшествовали стрѣльцы, вооруженные батогами, за ними слѣдовалъ другой отрядъ стрѣльцовъ, царскій экипажъ окружала толпа бояръ и иныхъ придворныхъ чиновъ. Попадавшіеся по дорогѣ горожане или разгонялись батогами, или жались къ стѣнамъ домовъ и кланялись царю въ землю. Иногда народъ при этомъ не оставался безмолвнымъ: Олеарій былъ свидѣтелемъ того, какъ на пути царскаго поѣзда, направлявшагося на богомолье, зрители, осыпаемые палочными ударами, тѣмъ не менѣе съ благоговѣніемъ высказывали пожеланія счастья царю и его женѣ.

Праздничный видъ принимала Москва также въ дни торжественныхъ аудіенцій иноземныхъ пословъ и церковныхъ процессій. На пути пословъ, ѣхавшихъ въ Кремль, правительство собирало громадныя толпы служилыхъ и посадскихъ людей. Лавки въ этотъ день закрывались, продавцовъ и покупателей прогоняли съ рынковъ. Дѣлалось это ради возвышенія престижа московскаго царя въ глазахъ иноземцевъ и населенія: первымъ по разсчету правительства должно было импонировать многолюдство царской столицы, а народу демонстрировалось могущество царя, къ которому являлись на поклонъ пышныя посольства отъ иноземныхъ государей.

Самые торжественные крестные ходы бывали 6 января, въ день Богоявленія, и въ Вербное воскресенье. 6 января совершалось освященіе воды въ Москвѣ-рѣкѣ у Тайницкой башни — церемонія *іердани*. Въ Кремлѣ и на берегу рѣки разставлялись отряды стрѣльцовъ, въ процессіи шелъ самъ царь въ полномъ царскомъ орнатѣ, за царемъ слѣдовала толпа царедворцевъ, высшихъ воинскихъ чиновъ и гостей въ парадныхъ костюмахъ. Берега рѣки, крыши домовъ и кремлевскія стѣны бывали усѣяны безчисленными зрителями. Въ Вербное воскресенье происходило *шествіе на осляти*, также съ участіемъ царя. Царь, сопровождаемый боярами, выходилъ съ процессіей изъ Кремля черезъ Спасскія ворота и отправлялся на Лобное мѣсто, гдѣ патріархъ подавалъ ему и боярамъ пальмовыя вѣтви и вербу. По прочтеніи евангелія патріарху приводили осла, роль котораго исполняла лошадь съ придѣланными ослиными ушами; патріархъ садился на него и направлялся въ Кремль. Осла велъ, держась за конецъ повода, самъ царь; стрѣльцы разстилали по пути шествія разноцвѣтныя сукна, впереди везли на красныхъ саняхъ большую изукрашенную вербу.

Таковы были оффиціальныя торжества, въ которыхъ активно выступали только представители церкви и государства, а народу предоставлялась роль простого зрителя. Но были и чисто-народные праздники, дни, когда на улицѣ хозяйничала сама народная масса въ качествѣ организатора и исполнителя праздничныхъ потѣхъ. Эти праздники всегда встрѣчали суровое осужденіе со стороны церкви, видѣвшей въ нихъ пережитки язычества, а вслѣдъ за церковью и подъ ея вліяніемъ съ XVII в. и свѣтская власть повела съ ними энергичную борьбу, въ концѣ концовъ увѣнчавшуюся значительнымъ успѣхомъ.

Народные праздники большею частію пріурочивались къ церковнымъ, но нисколько не теряли вслѣдствіе этого своего чисто-мірского характера. Необходимымъ спутникомъ праздничныхъ увеселеній былъ пьяный разгулъ, принимавшій громадные размѣры. Пьянство становилось повальнымъ: пили мужчины и женщины, духовныя лица и міряне. Корбъ говоритъ, что первыми начинали безобразничать женщины и на Пасхѣ, напр., почти на всѣхъ улицахъ можно было видѣть пьяныхъ женщинъ «блѣдныхъ, полунагихъ и безстыжихъ». Захмелѣвшіе старики смѣшивались съ подростками и вмѣстѣ съ ними качались на доскахъ, — обычная праздничная забава москвичей. На улицахъ во множествѣ валялись опившіеся до потери сознанія, и по утрамъ то и дѣло попадались убитые и донага ограбленные. Безъ болѣе или менѣе крупнаго пожара не обходился ни одинъ праздникъ.

Святки были временемъ уличныхъ маскарадовъ, сопровождавшихся самымъ буйнымъ весельемъ. Въ Рождественскій сочельникъ и затѣмъ въ теченіе двѣнадцати дней, до самаго Крещенія, на улицахъ появлялись ватаги ряженыхъ мужчинъ и женщинъ, въ маскахъ и разнообразныхъ маскарадныхъ костюмахъ: тутъ были, по словамъ патріарха Іоакима (указъ 1684 г.), перемѣнившіе человѣческій образъ, косматые, надѣвшіе бѣсовскія и кумирскія личины и «иными бѣсовскими ухищреньми содѣянные образы». Обычнымъ маскарраднымъ персонажемъ была *кобылка*, возбуждавшая особое негодованіе церковной власти и набожнаго царя Алексѣя, который въ граматѣ 1648 г. прямо называетъ ее «бѣсовской». Ряженые плясали и пѣли пѣсни игриваго содержанія, пересыпанныя тѣми блестками національнаго юмора, которыя церковь не безъ основанія приравнивала къ сквернословію.

Въ святочныхъ маскарадныхъ потѣхахъ принимали участіе *халдеи*, дѣйствующія лица церковной мистеріи, исполнявшейся передъ Рождествомъ, *пещного дѣйства*. Халдеи въ этой мистеріи были слуги царя Навуходоносора, ввергавшіе въ печь трехъ отроковъ. На святкахъ они бѣгали въ шутовскомъ нарядѣ, въ деревянныхъ раскрашенныхъ шляпахъ, по улицамъ, пугали прохожихъ особымъ потѣшнымъ огнемъ, зажигая порошокъ *плаунъ*, добывавшійся изъ одного растенія, поджигали имъ бороды и больше всего потѣшались надъ крестьянами. Олеарій разсказываетъ, что у одного крестьянина халдеи подожгли возъ сѣна, а когда бѣдняга хотѣлъ оказать имъ сопротивленіе, они сожгли ему бороду и волосы на головѣ. Нежелавшій подвергаться такимъ штукамъ долженъ былъ платить халдеямъ копейку. Халдеи, какъ ряженые, считались нечистыми и въ день Крещенія должны

Въ Кремлѣ.

Красная площадь.

MEZZOTINTOGRAVÜRE BRUCKMANN, MÜNCHEN

были очищаться освященной водой, купаясь въ проруби. При патріархѣ Никонѣ, упразднившемъ пещное дѣйство, халдеямъ было запрещено появляться на улицахъ *).

Весною, на троицкой недѣлѣ, происходили народныя игрища, въ которыхъ такъ же, какъ и въ святочныхъ потѣхахъ, сохранялись отголоски языческихъ вѣрованій. Семикъ, четвергъ передъ троицынымъ днемъ, былъ посвященъ русалкамъ, и самыя игрища назывались *русаліями* (это названіе переносилось, впрочемъ, и на святочныя игрища). Есть указанія на то, что къ числу увеселеній на троицкой недѣлѣ принадлежали народные-маскарады. Въ троицкую субботу справлялось на кладбищахъ общее поминовеніе умершихъ. Оно начиналось церковнымъ обрядомъ, потомъ поминающіе приступали тутъ же на кладбищѣ къ закускѣ и блинамъ, являлись скоморохи, и поминки получали характеръ веселаго праздника съ пѣснями и плясками.

Въѣздъ Австрійскаго посольства въ Москву 29 (19) апрѣля 1698 г.
(Изъ книги Корба: Дневникъ путешествія въ Московію).

Въ Бѣломъ городѣ за старымъ Ваганьковымъ бывали народныя гулянья, о которыхъ мы узнаемъ изъ указа 1626 г. Этимъ указомъ предписывалось объявить посредствомъ кличей по торгамъ и по улицамъ, чтобы за старое Ваганьково никакіе люди не сходились на *безлыпицу*; ослуш-

*) Послѣ этого халдеи все-таки не исчезли окончательно, но роль ихъ измѣнилась. По словамъ Павла Алеппскаго, посѣтившаго Россію уже послѣ упраздненія пещного дѣйства, халдеями назывались служители, сопровождавшіе всюду избраннаго въ архіереи; эти халдеи носили высокія шапки и красные суконные кафтаны съ широкими рукавами.

никовъ указано бить кнутомъ по торгамъ, а въ новую четверть послано предписаніе о томъ, чтобы на безлѣпицу съ кабацкимъ питьемъ не въѣзжали. Какова была увеселительная программа безлѣпицы, изъ указа не видно, но можно думать, что это было просто гулянье съ пѣснями, хороводами и выпивкою; можетъ быть, оно соединялось и съ кулачными боями. Описаніе этихъ боевъ оставилъ намъ Герберштейнъ. Онъ говоритъ, что юноши и подростки, созываемые свистомъ, сходились въ опредѣленномъ мѣстѣ и жестоко дрались кулаками, такъ что нѣкоторыхъ уносили бездыханными. По мнѣнію иностранцевъ, кулачному бою русскіе были обязаны привычкою къ побоямъ, имѣвшею существенное значеніе въ ихъ рабской жизни. Какъ бы то ни было, этотъ бой былъ вполнѣ національнымъ спортомъ и при томъ единственнымъ видомъ спорта, практиковавшимся въ Россіи и настолько укоренившимся, что и въ наше время его нельзя считать отошедшимъ въ область преданія.

Необходимымъ участникомъ народныхъ игрищъ являлся скоморохъ. Онъ собиралъ вокругъ себя веселящуюся толпу, показывалъ ей свое искусство во всѣхъ областяхъ увеселительнаго жанра, былъ иниціаторомъ общей пляски и пѣсенъ. Скоморохи выступали въ качествѣ пѣсенниковъ, музыкантовъ, плясуновъ, исполнителей и авторовъ уличныхъ фарсовъ, вожаковъ ученыхъ медвѣдей,—словомъ, всѣ извѣстные тогда виды развлеченій были представлены въ ихъ дѣятельности.

Обстоятельную характеристику скомороховъ и ихъ искусства мы находимъ въ произведеніяхъ церковной литературы. Нельзя, однако, не замѣтить, что эта характеристика страдаетъ односторонностью и не можетъ быть принята полностью на вѣру: въ ней отразилось господствующее, оффиціальное, такъ сказать, теченіе церковной жизни—аскетизмъ и притомъ аскетизмъ воинствующій, относившійся крайне враждебно къ мірскому обществу, въ жизни котораго церковь открывала на каждомъ шагу пережитки ненавистнаго язычества. Съ точки зрѣнія этого аскетизма подлежали одинаково безпощадному осужденію всѣ мірскія забавы и развлеченія,—пляска, пѣсни, инструментальная музыка, театръ, даже шахматы, качели и скаканье на доскахъ, обычная пасхальная потѣха. Осужденіе было огульное: данное развлеченіе признавалось грѣховнымъ только потому, что оно было мірское, ближайшая оцѣнка осуждаемаго считалась дѣломъ ненужнымъ. Неудивительно поэтому, что отношеніе церкви къ скоморошеству было вполнѣ отрицательное и рѣзко враждебное, въ виду чего въ церковномъ изображеніи этого явленія народной жизни можно предполагать излишнее сгущеніе красокъ.

Но отзывы церкви о скоморохахъ доступны провѣркѣ: мы имѣемъ, кромѣ этихъ отзывовъ, еще свидѣтельства иностранцевъ, которымъ церковная точка зрѣнія была чужда. При сличеніи обоихъ источниковъ оказывается, что церковь нельзя обвинять въ сплошномъ преувеличеніи и что ея сужденія о нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, сторонахъ увеселительной дѣятельности скомороховъ совпадали съ сужденіями представителей цивилизованнаго общества. Въ числѣ пѣсенъ, исполнявшихся скоморохами, были такія, которыя не могли оскорбить даже развитое нравственное чувство;

скоморохи, явившіеся въ Ладогѣ къ голштинскимъ посламъ, спѣли пѣсню про царя Михаила Ѳедоровича, понравившуюся нѣмцамъ; можно думать, что былины и иныя пѣсни историческаго содержанія входили въ репертуаръ скомороховъ. Но преобладалъ въ этомъ репертуарѣ, несомнѣнно, грубо-гривуазный жанръ, отражавшій въ себѣ нравственный уровень русскаго общества. По словамъ Олеарія, обычное содержаніе русской бесѣды составляли игривые анекдоты, которые разсказывались съ самымъ откровеннымъ цинизмомъ; собесѣдники щеголяли другъ передъ другомъ своими свѣдѣніями по этой части и не стѣснялись въ выраженіяхъ. Тотъ же характеръ носило большинство пѣсенъ, открыто исполнявшихся скоморохами на улицахъ. Безъ такихъ пѣсенъ не обходились и свадебныя процессіи, въ которыхъ постоянно фигурировали скоморохи наряду съ прочими поѣзжанами. Невѣсту сопровождала въ церковь толпа родныхъ, друзей и слугъ, пѣвшихъ циничныя пѣсни, а во главѣ процессіи скоморохи «рыскали», по выраженію Стоглава, съ бѣсовскими играми передъ попомъ, обыкновенно, впрочемъ, едва державшимся на ногахъ послѣ угощенія, предшествовавшаго церемоніи.

Не менѣе циничны были иногда въ исполненіи скомороховъ національныя пляски. Отъ времени Ивана Грознаго дошли свидѣтельства иноземцевъ о скоморошескихъ пляскахъ, сопровождавшихся безстыдными тѣлодвиженіями. Олеарій говоритъ, что, по слухамъ, «иногда русскіе бродячіе комедіанты, танцуя, открываютъ задъ, а, можетъ быть, еще что-либо».

Требованіямъ національнаго вкуса отвѣчали также нѣкоторыя сцены кукольной комедіи, показывавшейся тѣми же скоморохами. Бродячій кукольный театръ XVII в., судя по описанію его у Олеарія, отличался отъ такого же театра нашего времени только болѣе примитивнымъ устройствомъ: комедіантъ обвязывалъ вокругъ тѣла одѣяло, поднималъ его свободную сторону вверхъ и устраивалъ такимъ образомъ надъ головой своей переносную сцену, съ которою могъ бѣгать по улицамъ и на которой происходили кукольныя игры. Репертуаръ этого театра и главные его персонажи также, повидимому, претерпѣли мало измѣненій съ XVII в. Въ изображенномъ у Олеарія кукольномъ представленіи дѣйствующими лицами являются традиціонные Петрушка, цыганъ и Петрушкина невѣста Варюшка: Петрушка осматриваетъ лошадь, навязываемую ему цыганомъ,— сцена, удержавшаяся до сихъ поръ въ репертуарѣ русскаго кукольнаго театра. Неменѣе древняго происхожденія, по всей вѣроятности, откровенно циничная сцена, разыгрываемая Петрушкой и Варюшкой, такъ называемая Петрушкина свадьба; надо думать, что именно сцены въ этомъ родѣ, а, можетъ быть, и что-либо болѣе рискованное, имѣлъ въ виду Олеарій, говоря о «гнусныхъ вещахъ», показываемыхъ молодежи и дѣтямъ въ кукольныхъ театрахъ.

Цинизмъ, впрочемъ, не былъ исключительно господствующимъ элементомъ въ скоморошескихъ «играхъ». Скоморохи исполняли различные фарсы, многимъ изъ которыхъ онъ былъ такъ же чуждъ, какъ позднѣйшимъ забавнымъ сценамъ подобнаго рода, разыгрываемымъ ряженными. Нѣкоторые фарсы возвышались даже до довольно смѣлой политической и

соціальной сатиры. Таковъ былъ, напр., очень популярный въ XVII в. фарсъ, въ которомъ изображалась расправа черни съ чваннымъ бояриномъ, гнавшимъ отъ себя челобитчиковъ, и богатымъ купцомъ.

XVII в. былъ временемъ постепеннаго упадка и исчезновенія скоморошества, не выдержавшаго гоненій, которымъ подвергло его правительство въ союзѣ съ церковью. Уже при царѣ Михаилѣ правительство вступаетъ на путь борьбы съ народными увеселеніями. Рядъ мѣръ, направленныхъ противъ нихъ, открывается указомъ о московской «безлѣпицѣ». Чрезвычайно крутая мѣра была проведена патріархомъ Іоасафомъ: онъ велѣлъ отбирать у скомороховъ на улицахъ и разбивать всѣ музыкальные инструменты, а потомъ запретилъ всѣмъ вообще инструментальную музыку и отобралъ въ домахъ частныхъ лицъ много инструментовъ, которые на пяти возахъ были вывезены за Москву-рѣку и сожжены. Наконецъ, рѣшительный ударъ скоморошеству былъ нанесенъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, когда подъ вліяніемъ восторжествовавшей при дворѣ аскетической тенденціи началось систематическое преслѣдованіе всѣхъ народныхъ увеселеній безъ разбора. Въ 1648 г. были разосланы по городамъ царскія грамоты, въ которыхъ объявлялась война всѣмъ извѣстнымъ тогда видамъ развлеченій, отъ скоморошескихъ игръ и кулачныхъ боевъ до качель и скаканія на доскахъ включительно. Музыкальные инструменты, «гудебные бѣсовскіе сосуды», и маски предписывалось всюду отбирать и жечь, и для нарушителей запретовъ, наложенныхъ на увеселенія, устанавливались кары—батоги, опала и ссылка. Эти репрессивныя мѣры, повидимому, примѣнялись энергично и до извѣстной степени достигали цѣли,—по крайней мѣрѣ, несомнѣннымъ успѣхомъ увѣнчалась борьба со скоморошествомъ, которое окончательно исчезло къ началу XVIII в.

В. ПЕРОВЪ. НИКИТА ПУСТОСВЯТЪ.

MEZZOTINTOGRAVURE BRUCKMANN MÜNCHEN

Управленіе Москвой въ XVI-XVII вв.

С. К. Богоявленскаго.

Вопросъ о томъ, какъ управлялась Москва, очень мало затронутъ въ исторической литературѣ, матеріалъ крупицами разбросанъ по разнымъ собраніямъ актовъ, и напечатанныхъ, и хранящихся въ архивѣ. Поэтому невозможно дать полной картины московскаго управленія, и приходится ограничиваться приблизительными свѣдѣніями.

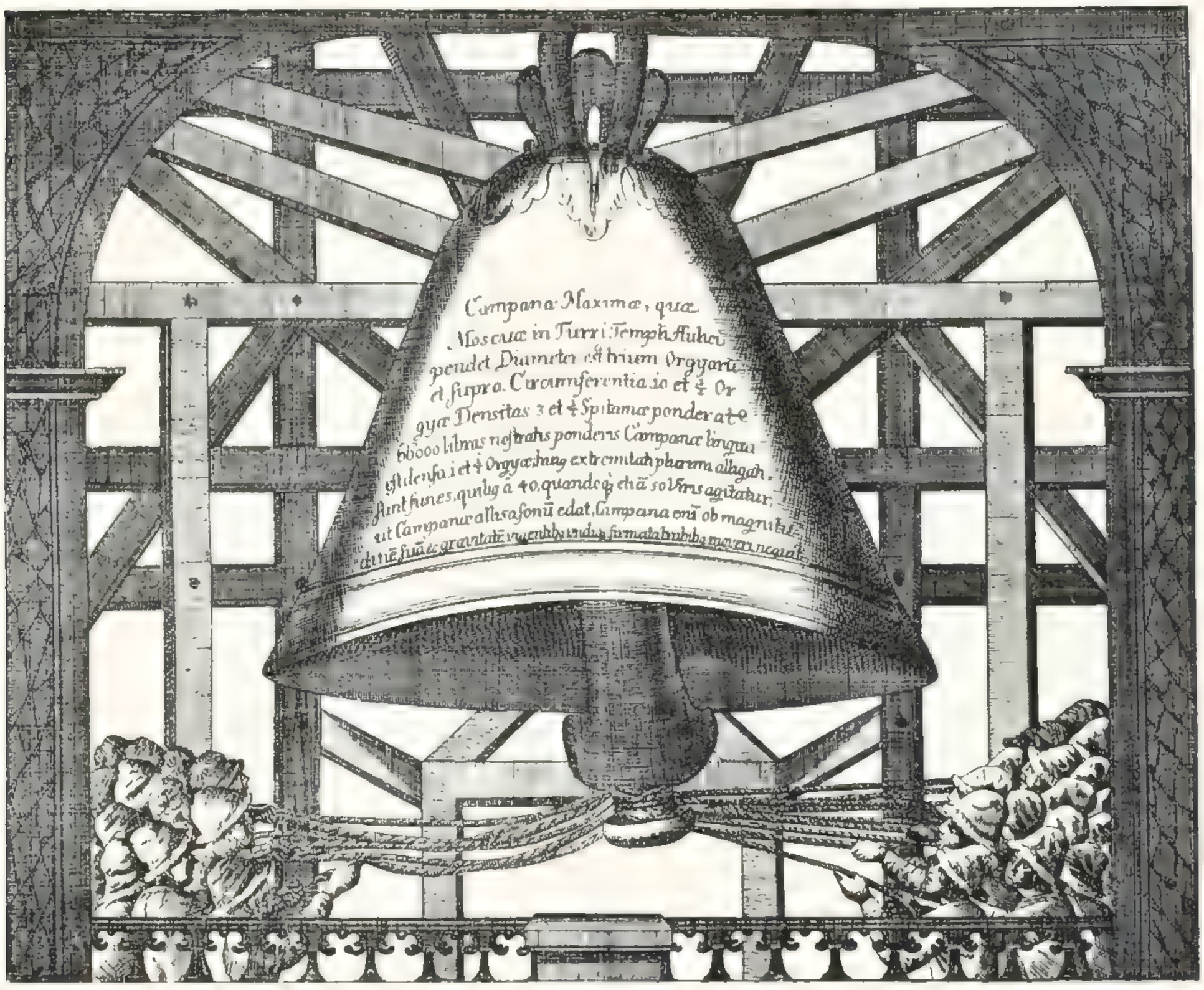
Москва раздѣлялась на рядъ судебно-административныхъ округовъ, не связанныхъ однимъ общимъ управленіемъ особаго приказа или воеводы. Дѣленіе Москвы на Кремль, Китай-городъ, Бѣлый городъ, Земляной городъ, на слободы и сотни (черныя, дворцовыя, стрѣлецкія и пр.) далеко не указываетъ на то, что мы имѣемъ дѣло съ административными единицами: это скорѣе топографическія обозначенія. Напримѣръ, въ Бѣломъ городѣ находимъ слободы и даже отдѣльныхъ лицъ, выдѣленныхъ изъ общей юрисдикціи, а въ черныхъ слободахъ, расположенныхъ и въ Земляномъ городѣ, т.-е. въ обширномъ пространствѣ, ограниченномъ современными бульварами и Садовой улицей, и за Земляннымъ городомъ, т.-е. за чертой Садовой улицы, найдемъ такихъ дворовладѣльцевъ, которые подчинялись инымъ учрежденіямъ, чѣмъ ихъ сосѣди—черные посадскіе люди.

Наибольшее количество дѣлъ по завѣдыванію Москвой сосредоточивалось въ Земскомъ приказѣ, которому подчинялись черныя слободы и сотни, и на который были возложены хлопотливыя и важныя обязанности по разнымъ отраслямъ управленія и въ Кремлѣ, и въ Китаѣ-городѣ. Многочисленныя стрѣлецкія слободы, охватывавшія кольцомъ Бѣлый городъ, а также расположенныя за рѣкой Москвой, вѣдались Стрѣлецкимъ приказомъ. Далѣе, 8 дворцовыхъ слободъ и Красное Село, всего 1428 дворовъ, населенныхъ преимущественно низшими дворцовыми служителями, подчинялись приказу Большого Дворца. Приказъ Царицыной Мастерской Палаты завѣдывалъ Кадашевской и Хамовнической слободами, Конюшенный приказъ—Ко-

нюшенной слободой, Разрядный приказъ—Нѣмецкой слободой (въ 1666 г.), Посольскій приказъ—Мѣщанской слободой и т. д. Нѣкоторые изъ этихъ приказовъ и судили, и управляли, а нѣкоторые только управляли. Такое разнообразіе приказовъ и ихъ компетенціи вносило большую путаницу въ дѣла, тѣмъ болѣе, что вопросъ о подсудности иногда очень осложнялся и рѣшался не по отвѣтчику, а по истцу или по характеру дѣла. Иноземцы и тяглецы Мѣщанской слободы по закону не только были судимы, но и предъявляли иски къ кому бы то ни было исключительно въ Посольскомъ приказѣ. Судъ по торговымъ дѣламъ для лицъ всякаго званія производился въ приказѣ Большой Казны, который завѣдывалъ дѣлами высшаго купечества гостиной и суконной сотнями, хотя представители этого сословія жили не въ опредѣленной части города, а были разсѣяны по всей обширной территоріи Москвы, жили и въ Китай-городѣ, и въ Бѣломъ городѣ, и въ черныхъ слободахъ. Путаница увеличивалась еще отъ недобросовѣстности просителей, которые начинали иски не въ тѣхъ приказахъ, гдѣ слѣдовало, а въ другихъ, гдѣ ожидали найти поддержку у приказныхъ людей. Отвѣтчику иногда приходилось затратить много денегъ и времени, чтобы добиться суда въ надлежащемъ приказѣ. Такъ, мѣщанина Кузьмина 4 года «волочили» въ Стрѣлецкомъ приказѣ, прежде чѣмъ дѣло его со стрѣльцомъ Волковымъ перешло по подсудности въ Посольскій приказъ. Отвѣтчикъ могъ считать себя счастливымъ, что отдѣлался волокитой, а не попалъ, какъ иногда случалось, подъ арестъ «за рѣшетку», и если у него не отбирали и не задерживали документовъ, доказывавшихъ его невиновность. Добиться вызова отвѣтчика или свидѣтелей было нелегко, и надо было ждать долгое время, пока приказы, не спѣша, обмѣнивались бумагами - «памятями». Особенно трудно было искать на пришлыхъ иногородннхъ людяхъ, которые отвѣчали въ приказѣ, вѣдавшемъ ихъ родной городъ.

Опытные въ дѣлахъ дьяки не всегда сами могли разобраться во всей этой путаницѣ и рѣшить вопросъ, какому приказу подсудно то или другое дѣло. Если дѣло было почему-нибудь интересно для приказныхъ людей, то они его не выпускали изъ рукъ, несмотря на настойчивыя требованія другого приказа, а если это не сулило имъ выгодъ, то пользовались всякимъ поводомъ, чтобы уклониться отъ разбора и отослать просителей въ другой приказъ. Житель Мѣщанской слободы Филатко Дмитріевъ затѣялъ тяжбу со своей тещей, жившей въ Кадашевской слободѣ, о спорномъ дворѣ. Посольскій приказъ рѣшилъ, что дѣло ему подсудно, но вытребовать на судъ отвѣтчицу никакъ не могъ, потому что приказъ Царицыной Мастерской Палаты требовалъ дѣло на свое разсмотрѣніе, ссылаясь на жалованныя граматы 1623 и 1649 г.г., по которымъ кадашевцы судомъ и управою вѣдомы только въ приказѣ Мастерской Палаты. Получилось неразрѣшимое противорѣчіе: съ одной стороны истецъ могъ просить суда по царскому указу только въ Посольскомъ приказѣ, а съ другой стороны отвѣтчица также по царскому указу была подсудна только приказу Мастерской Палаты. И тотъ и другой приказъ не хотѣлъ поступиться своимъ правомъ, и вопросъ былъ разрѣшенъ новымъ царскимъ указомъ, который Посольскій приказъ исходатайствовалъ въ свою пользу. Если приговоръ какого либо

приказа касался лицъ, подвѣдомственныхъ другому приказу, то привести такой приговоръ въ исполненіе не всегда было возможно. Сыскной приказъ, разбирая дѣло о покражѣ, постановилъ допросить двухъ жителей Мѣщанской слободы, оговоренныхъ подсудимыми въ покупкѣ краденаго, но оказалось, что эти мѣщане гдѣ то скрылись, покинувъ свои дворы. Тогда Сыскной приказъ, считая бѣгство равносильнымъ признанію, вынесъ приговоръ, по которому потерпѣвшая должна была быть вознаграждена изъ имущества бѣжавшихъ, и далъ ей «данную» на дворы въ Мѣщанской слободѣ. Но Посольскій приказъ позволилъ потерпѣвшей только продать въ свою пользу дворовыя постройки, а дворовую землю отдалъ бездворному мѣщанину.



Главный колоколъ въ Москвѣ на башнѣ дворцоваго храма.
(Изъ книги Корба: Дневникъ путешествія въ Московію).

Московское правительство, очевидно, сознавало недостатки въ организаціи управленія Москвой и дѣлало попытки объединить въ одномъ учрежденіи ту или другую область управленія, но эти попытки большею частью разбивались о привилегіи различныхъ слободъ и сословій. Приведемъ такой примѣръ. Такъ какъ питейный доходъ составлялъ одинъ изъ важнѣйшихъ рессурсовъ казны, то правительство строго преслѣдовало корчемство и дало приказу Новой Четверти право посылать своихъ чиновниковъ во всѣ слободы, не сносясь съ тѣми приказами, которымъ эти слободы были подвѣдомственны, для выемки неявленнаго питья. Приказъ началъ съ энергіей исполнять это порученіе, и одинъ изъ посланныхъ имъ дворянъ явился въ привилегированную Мѣщанскую слободу, призвалъ къ себѣ старосту и по-

требовалъ, чтобы для его канцеляріи было отведено особое помѣщеніе. Мѣщанской слободой уже управлялъ одинъ дворянинъ, и потому содержать второго было мѣщанамъ не подъ силу; они подали въ Посольскій приказъ челобитную съ просьбой второго дворянина отъ нихъ увести, чтобы имъ «въ конецъ не погибнуть и слободѣ не разориться». Дворянина, постояннаго агента приказа Новой Четверти, увели, но стали наѣзжать временные выемщики. Мѣщане опять стали жаловаться Посольскому приказу, говоря, что выемщики пріѣзжаютъ «съ великимъ многолюдствомъ, нагло», врываются въ дворы и даже крадутъ во время обыска. Въ концѣ концовъ, мѣщане добились того, что были выдѣлены изъ общаго правила и вѣдались выемкой только въ своей съѣзжей избѣ.

Теперь разсмотримъ, какъ были организованы отдѣльныя отрасли управленія Москвой.

Городъ періодически подвергался описи, составлялись писцовыя и переписныя книги, служившія основнымъ документомъ при сборѣ податей, различныхъ повинностей и для опредѣленія права на владѣніе недвижимостью. Составленіе этихъ книгъ лежало на обязанности Земскаго приказа, который описывалъ не только черныя, но и дворцовыя слободы. Дѣло это было очень хлопотливое. Надо было измѣрить дворы, просмотрѣвши крѣпостные акты, переписать населеніе и даже указать промыселъ дворохозяевъ. Писцы встрѣчали множество разнаго рода препятствій со стороны жителей, особенно если описывался дворъ такого лица, которое не было подчинено Земскому приказу. Когда въ 1678 г. стали составлять переписныя книги, то писецъ, посланный Земскимъ приказомъ, явился между прочимъ въ Басманную слободу, вѣдомую въ приказѣ Большого Дворца, и приступилъ къ описи двора иноземца Бахрата, подчиненнаго Посольскому приказу, то этотъ иноземецъ «учинился непослушенъ», двора и огорода мѣрить не далъ, крѣпостей на свой дворъ не представилъ. Возникла переписка между приказами, чтобы заставить Бахрата подчиниться царскому указу.

Когда книги были составлены, то предстояла новая задача отмѣчать переходъ дворовъ отъ одного владѣльца къ другому въ промежутокъ между составленіемъ книгъ. Земскій приказъ для этой цѣли имѣлъ «дворовыя книги», въ которыя и заносилъ всѣ перемѣны, касающіяся права владѣнія дворами, записывалъ купчія крѣпости на купленные дворы и «данныя» на пожалованные и перешедшіе по суду дворы. Данныя выдавались разными приказами, завѣдывавшими той или другой частью Москвы: Сытенный дворецъ писалъ данныя на дворы въ Садовнической слободѣ, Посольскій—въ Мѣщанской и т. д. Наибольшее количество данныхъ выходило изъ Земскаго приказа, который не только давалъ данныя на дворы въ черныхъ слободахъ, но и отмежевывалъ подъ дворы пустыя мѣста и раздавалъ боярамъ и монастырямъ мѣста подъ загородные дворы. Даже приказы, не принимавшіе никакого участія въ управленіи Москвой, выдавали данныя, если имѣли какое-либо отношеніе къ отчуждаемому двору: такъ, Устюжскій приказъ выдалъ кн. Ухтомской данную на дворъ въ Китай-городѣ, потому что дворъ этотъ былъ отписанъ въ казну у подъячаго того же приказа. Раньше этотъ дворъ переходилъ изъ рукъ въ руки по даннымъ изъ Зем-

Милорадовскій.

ОСАДА ТРОИЦКОЙ ЛАВРЫ.

Москва
въ ея
прошломъ
и настоящемъ

ского приказа. Земскій приказъ велъ также регистрацію подворнаго населенія и записывалъ въ свои книги договоры дворовладѣльца съ квартирантомъ, такъ называемыя «жилыя записи», въ которыхъ указывался срокъ найма, плата за помѣщеніе, обязанности хозяина, если квартирантъ былъ его рабочимъ и, наконецъ, обѣщаніе квартиранта не сбѣжать со двора до срока съ похищеннымъ имуществомъ хозяина. Законъ строго и неоднократно подтверждалъ запрещеніе держать на дворѣ сторонних людей безъ записки въ Земскомъ приказѣ. За записку купчихъ и жилыхъ записей приказъ бралъ пошлину въ размѣрѣ $1^1/_2$ к. съ рубля, при чемъ средняя цѣна посадскаго двора со всѣмъ хоромнымъ строеніемъ была въ серединѣ XVII в. 20—25 руб. Впрочемъ, не вездѣ позволялось держать жильцовъ, и тотъ же Земскій приказъ долженъ былъ слѣдить, чтобы на монастырскихъ земляхъ въ Кремлѣ и Китай-городѣ не жили тяглые люди.

Иностранные путешественники, посѣщавшіе Москву въ XVII в., единогласно говорятъ, что насколько наша столица была красива издали, настолько она была непривлекательна и грязна внутри. Московская улица была непроходима въ сырую погоду отъ глубокой грязи, а въ сухую погоду была покрыта толстымъ слоемъ пыли. Мостовыя были устроены только на главныхъ улицахъ и представляли изъ себя толстыя положенныя поперекъ бревна. Въ Кремлѣ и по улицамъ Никольской и Мясницкой, по которымъ царь ѣздилъ за городъ, мостовая была болѣе удобной и состояла изъ положенныхъ поперекъ улицы досокъ. Такъ какъ въ Москвѣ было много низинъ, болотистыхъ и топкихъ мѣстъ, то приходилось дѣлать мосты во многихъ частяхъ города. Устройство мостовой было поручено Земскому приказу, который для этой цѣли собиралъ со всѣхъ дворовъ, не только съ черныхъ, но и съ дворянскихъ и монастырскихъ, расположенныхъ въ Кремлѣ, Китай-городѣ, въ Бѣломъ и Земляномъ городѣ, особыя «мостовыя деньги», при чемъ сборъ этотъ былъ не ежегодный, а производился разъ въ шесть лѣтъ и записывался въ «мостовыя книги». Въ 1643 г. окладъ мостовыхъ денегъ былъ немного болѣе 5000 рублей, но собрать цѣликомъ эти деньги было невозможно: Земскій приказъ жаловался, что во многихъ дворахъ невозможно найти хозяина: про него говорили, что онъ на царской службѣ или что покинулъ дворъ. А между тѣмъ на эти деньги надо было поддерживать мостовую на значительномъ протяженіи: въ Кремлѣ было замощено $486^1/_2$ погонныхъ саженъ, въ Китай-городѣ—168 саженъ, въ Бѣломъ городѣ—$247^1/_2$ сажени и въ Земляномъ городѣ—$1144^1/_2$ сажени. Средства Земскаго приказа не только не прибывали, но даже убывали, такъ какъ правительство освобождало отъ уплаты мостовыхъ денегъ нѣкоторыя церковныя владѣнія и богатыхъ купцовъ, записанныхъ въ Гостиную сотню.

Московскіе жители не стѣснялись выбрасывать прямо на улицу съ своихъ дворовъ соръ и отбросы, даже павшихъ животныхъ. Въ ровъ, выкопанный вокругъ Китай-города, сосѣдніе жители выбрасывали навозъ. На улицахъ стоялъ невыносимый запахъ. Земскій приказъ много разъ посылалъ состоявшаго при немъ бирюча выкрикивать на перекресткахъ улицъ царскій указъ, чтобы жители навозъ и падаль вывозили на пустырь за Земляным городомъ, но все было напрасно. Не дѣйствовало даже наказа-

ніе, которому приказъ подвергалъ замѣченныхъ въ нарушеніи этого правила. Приходилось самому приказу изъ своихъ скудныхъ средствъ нести расходы по уборкѣ улицъ. Экстренные случаи вызывали сразу значительныя затраты. Какъ ни смутны были понятія о гигіенѣ, но въ то время, когда свирѣпствовала эпидемія среди людей или животныхъ, Земскій приказъ проявлялъ усиленную дѣятельность по очисткѣ улицъ. Еще труднѣе было приказу, когда пріѣзжали иностранные послы, которымъ надо было показать столицу во всемъ блескѣ. Тогда производилась тщательная чистка улицъ, по которымъ должно проѣхать посольство, починка старыхъ мостовыхъ и сооруженіе новыхъ. Тѣ же заботы занимали приказъ и передъ проѣздомъ царя за городъ или въ какой-либо изъ многочисленныхъ московскихъ монастырей. Въ такомъ случаѣ приказныя палаты пустѣли, такъ какъ всѣ многочисленные подъячіе высылались руководить метельщиками, собранными, чтобы «мостить мосты и очищать пометъ».

Московская полиція была немногочисленна и не представляла изъ себя внушительной силы, тѣмъ болѣе что находилась подъ завѣдываніемъ нѣсколькихъ приказовъ. Въ полицейскомъ отношеніи вся Москва, кромѣ слободъ за Земляным городомъ, раздѣлялась въ началѣ XVII в. на 12, а позднѣе на 17 участковъ. Въ каждый участокъ Разрядный приказъ назначалъ «объѣзжаго голову» изъ дворянъ и составлялъ при немъ небольшую канцелярію. На помощь головамъ Земскій приказъ присылалъ «рѣшеточныхъ прикащиковъ», а Стрѣлецкій приказъ нѣсколько сотенъ стрѣльцовъ. Но собрать этихъ низшихъ полицейскихъ чиновъ въ полномъ комплектѣ головѣ было очень трудно, и приходилось настойчиво просить, чтобы Стрѣлецкій приказъ привелъ столько стрѣльцовъ, сколько нужно было для караульной службы. Всѣ эти полицейскіе чины назначались на одинъ годъ весной, причемъ возможно было, что назначеніе одного и того же лица повторялось нѣсколько лѣтъ сряду. Объѣзжій голова долженъ былъ прежде всего составить списокъ дворовъ и лавокъ своего участка и потребовать отъ жителей, чтобы они поставили сторожей по одному съ десяти дворовъ или лавокъ. Отъ этой повинности избавлены были только священники и причтъ, которые въ полицейскомъ отношеніи подчинены были особымъ объѣзжимъ головамъ, посылаемымъ изъ Патріаршаго Разряда.

Кромѣ упомянутыхъ полицейскихъ чиновъ, Земскій приказъ набиралъ еще команду низшихъ служителей, «ярыжныхъ», содержаніе которыхъ было возложено на черныхъ людей. Число ярыжныхъ все возрастало, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались и расходы на ихъ содержаніе. До 1622 г. ихъ было немного: черныя сотни и слободы должны были доставлять ежегодно и содержать по 30 человѣкъ и по 3 лошади, а въ этомъ году число ярыжныхъ было увеличено въ три раза. Горькая жалоба чернослободцевъ царю и патріарху уменьшила число постоянныхъ ярыжныхъ только на 20 человѣкъ. Кромѣ того, ежегодно съ 1 апрѣля по 1 ноября Земскій приказъ набиралъ еще 100 добавочныхъ ярыжныхъ.

Полиція слѣдила за благочиніемъ на улицахъ, охраняла жителей отъ недобрыхъ людей, принимала мѣры противъ пожаровъ. Въ 1655 г. стрѣлецкіе караулы такъ были расположены въ различныхъ частяхъ города:

въ Кремлѣ стояло 313 человѣкъ, въ томъ числѣ по сотнѣ на Красномъ крыльцѣ и у Красныхъ воротъ; въ Китаѣ-городѣ у пяти воротъ по 10 чел.; въ Бѣломъ городѣ у десяти воротъ также по 10 чел.; въ разныхъ пунктахъ Земляного города на караулахъ стояло 45 стрѣльцовъ. Кромѣ того, къ съѣзжимъ избамъ откомандировывалось значительное число стрѣльцовъ.

Стрѣльцы забирали и отводили въ свой приказъ виновныхъ въ нарушеніи порядка. Они слѣдили за правильностью движенія на улицахъ. Это было тѣмъ необходимѣе, что бревенчатая настилка была довольно узкая. Извознымъ промысломъ занималось до 1500 человѣкъ, платившихъ въ Земскій приказъ промысловый сборъ въ размѣрѣ 50 коп. съ лошади. Этимъ извозчикамъ надо было указать мѣста для стоянки и слѣдить, чтобы они не мчались бѣшено по улицамъ съ явной опасностью для встрѣчныхъ. Запрещалось также извозчикамъ ѣздить на возжахъ и щелкать бичами. Много труда стоило стрѣльцамъ упорядочить мелкую разносную торговлю, такъ какъ торговцы ставили свои лотки и скамьи безъ всякаго порядка и мѣшали уличному движенію. Не позволялось въ городѣ затѣвать кулачные бои и стрѣлять изъ ружей.

Уличныя наказанія.

Уличныя наказанія.

За стрѣльцами и сторожами должны были и днемъ, и ночью наблюдать объѣзжіе головы и рѣшеточные приказчики. Названіе послѣднихъ произошло отъ тѣхъ рѣшетокъ, которыя ставились на разныхъ улицахъ города и запирались на ночь, чтобы болѣе или менѣе обезопасить мирныхъ жителей отъ недобрыхъ людей. При рѣшеткахъ стояли сторожа, опрашивавшіе ночью рѣдкихъ прохожихъ и арестовывавшіе подозрительныхъ лицъ. Если сторожъ заснетъ, и это окажется извѣстнымъ объѣзжему головѣ, то онъ подвергается наказанію батогами. Головы должны были и днемъ, и ночью лично объѣзжать свои участки и слѣдить, чтобы не было какого «воровства». Выбранные отъ мѣстныхъ жителей сторожа были отвѣтственны за порядокъ въ предѣлахъ ихъ дворовъ и должны были доносить головѣ, если найдутъ что-либо подозрительнымъ.

Нельзя сказать, чтобы объѣзжіе головы, рѣшеточные приказчики и сторожа всегда были на высотѣ призванія. Нерѣдко жители отъ нихъ терпѣли больше, чѣмъ отъ воровъ: то рѣшеточный приказчикъ оказывается руководителемъ шайки ночныхъ грабителей, то стрѣлецъ убилъ и ограбилъ мирнаго жителя.

Пожары были жестокимъ бичамъ для такого города, какъ Москва, гдѣ скученныя, почти вплотную прижавшіяся другъ къ другу деревянныя по-

стройки давали обильную пищу для огня. Въ теченіе XVII вѣка Москва много разъ горѣла, такъ что значительная часть города «бысть, аки поле», какъ выразился одинъ изъ современниковъ. Страшный пожаръ, бывшій въ маѣ 1626 года, не пощадилъ ни Китай-города, ни Кремля, въ которомъ погорѣли приказы, Чудовъ и Воскресенскій монастыри. Черезъ три года выгорѣло огромное пространство отъ Пречистенки до Тверской, Неглинная, Покровка и другія улицы. Въ 1648 г. пожаръ разбушевался на еще бо́льшемъ пространствѣ, отъ Пречистенки до Петровки, и захватилъ нѣкоторыя слободы за Земляным̀ъ городомъ. Иностранцы, оставившіе намъ описаніе Москвы, разсказываютъ, что въ жаркое и сухое время пожары были постоянными явленіями, и случалось такъ, что въ одинъ день пожаръ вспыхивалъ въ трехъ-четырехъ мѣстахъ. Нерѣдко можно было установить, что причиною былъ поджогъ со стороны злоумышленниковъ, которые, пользуясь суматохой, грабили погорѣльцевъ и ихъ сосѣдей. Пойманные на мѣстѣ преступленія подвергались жестокой пыткѣ: ихъ привязывали къ бревну и подъ ними разводили костеръ. Черныя сотни и слободы горѣли постоянно, и жителямъ часто приходилось отправляться на домовый рынокъ, гдѣ продавались готовые дома; немного времени требовалось для того, чтобы разобрать такой домъ, перевезти на дворъ перемѣченныя бревна и доски, снова собрать, и вотъ слобода снова отстроилась и даетъ новую пищу для слѣдующаго пожара.

Вслѣдствіе такой легкости сборки и разборки дома первымъ средствомъ, чтобы помѣшать распространенію огня, было снесеніе съ подвѣтренной стороны всѣхъ построекъ на значительномъ разстояніи, чтобы образовалась площадь, и пожаръ прекратился за недостаткомъ горючаго матеріала. Однако не всегда удавалось это сдѣлать, такъ какъ огонь по сухому дереву распространялся съ ужасающей быстротой. Необходимо было принимать мѣры для предупрежденія пожаровъ, и заботы объ этомъ занимаютъ главное мѣсто въ наказахъ, которые давались объѣзжимъ головамъ изъ Разряднаго приказа. Въ лѣтнее время они должны были запечатать всѣ печи въ домахъ и баняхъ и слѣдить, чтобы огонь для варки пищи разводился въ поварняхъ, стоящихъ вдали отъ дома, или въ спеціально выстроенныхъ гдѣ-нибудь въ огородѣ и защищенныхъ лубьемъ печахъ. Въ исключительныхъ случаяхъ, когда въ домѣ былъ больной, можно было просить у головы разрѣшенія топить избу, но при этомъ должны быть приготовлены кадки съ водой и вѣники, чтобы немедленно потушить всякую вылетѣвшую изъ трубы искру. Конечно, общественныя бани устраивались вдали отъ жилья, около пруда или рѣчки. Не позволялось также сидѣть поздно вечеромъ съ огнемъ, и сторожа врывались въ домъ, если изъ окна покажется свѣтъ. Каждый домъ съ тесовой или соломенной крышей долженъ быть покрытъ еще дерномъ и такимъ путемъ защищенъ отъ падающихъ во время пожара искръ. Если кто изъ простыхъ людей ослушается, не дастъ сторожей или будетъ топить печь, то объѣзжій голова своею властью сажалъ его въ тюрьму на короткое время; если же провинившійся былъ дворянинъ или ратный человѣкъ, то голова долженъ былъ доносить царю.

Гравюра Мецотинто Брукманн München.

ГЕРБЪ МОСКВЫ.

Рис. Академика Ѳ. СОЛНЦЕВА и В. ВАСНЕЦОВА.

Въ случаѣ пожара должны сѣѣгаться немедленно стрѣльцы и ярыжные со всякою «пожарною рухлядью», съ баграми, крюками, топорами, кирками и мѣдными водоливными трубами. Воду подвозили въ бочкахъ и брали изъ колодцевъ ведрами, которыя должны были имѣть при себѣ стрѣльцы и ярыжные. Но эти пожарные не пользовались особымъ довѣріемъ, такъ какъ были случаи, когда они, спасая имущество изъ огня, присваивали себѣ то, что можно было легко унести. Поэтому послѣ пожара стрѣльцамъ производился смотръ, чтобы убѣдиться, что никто изъ нихъ не имѣетъ при себѣ никакихъ награбленныхъ вещей. Главный трудъ во время пожаровъ доставался, конечно, на долю объѣзжихъ головъ. Какъ видно изъ предыдущаго, обязанности ихъ были сложны и отвѣтственны, но полицейская служба далеко не считалась почетной; по крайней мѣрѣ, по челобитью объѣзжихъ головъ въ 1648 г. былъ изданъ указъ, чтобы никто не смѣлъ укорять ихъ службой.

Какъ было уже сказано, москвичи судились въ разныхъ приказахъ, но уголовныя дѣла большинства московскихъ жителей были сосредоточены въ одномъ приказѣ. Такимъ приказомъ одно время былъ Сыскной приказъ, посылавшій своихъ приставовъ для обыска и задержанія преступниковъ во всѣ слободы, не сносясь съ тѣми приказами, въ которыхъ слободы были вѣдомы; въ другое время уголовныя дѣла москвичей рѣшались въ Разбойномъ приказѣ, но самое продолжительное время дѣла по уголовнымъ преступленіямъ были въ вѣдѣніи Земскаго приказа. Въ 1647 году этотъ приказъ съ помощью ярыжныхъ переловилъ за одинъ мѣсяцъ 25 опасныхъ воровъ, повинившихся въ 57 кражахъ и грабежахъ. Они въ Земскомъ приказѣ допрашивались, подвергались пыткѣ и наказанію; тутъ были и иноземцы, которые по гражданскимъ дѣламъ судились въ Посольскомъ приказѣ.

Въ Москвѣ было нѣсколько тюремъ: при Земскомъ, Стрѣлецкомъ и Разбойномъ приказахъ и особый Большой Тюремный дворъ, въ которомъ было 8 палатъ. Царь въ большіе праздники посѣщалъ тюрьмы и раздавалъ милостыню, поэтому изъ расходныхъ книгъ мы узнаемъ, какъ велико было число колодниковъ. Въ 1666 году было во всѣхъ этихъ тюрьмахъ 1164 колодника. Очевидно, тюремное заключеніе, какъ наказаніе, мало практиковалось, тѣмъ болѣе, что въ показанное число входятъ и подслѣдственные заключенные. Надзоръ за колодниками не былъ очень строгимъ, и были часты случаи побѣга. Одинъ изъ тюремныхъ приставовъ былъ изобличенъ въ томъ, что онъ по ночамъ отпускалъ колодниковъ на кражи. Кромѣ указанныхъ тюремъ были почти въ каждомъ приказѣ и съѣзжей избѣ небольшія тюрьмы, куда заключали подъ кратковременный арестъ подозрительныкъ и безпокойныхъ людей. Число заключенныхъ въ этихъ тюрьмахъ было ничтожно.

Въ важнѣйшихъ случаяхъ веденіе судебнаго дѣла поручалось боярамъ, при чемъ царь не только слѣдилъ за допросомъ, но и руководилъ имъ. Самый допросъ и пытки производились въ Земскомъ приказѣ. Въ 1674 году въ Москву былъ привезенъ Ивашко Воробьевъ, принявшій имя царевича Симеона Алексѣевича, а вмѣстѣ съ нимъ его товарищъ—стрѣлецъ Ѳедька.

Самозванца на высокой телѣгѣ въ сопровожденіи отряда стрѣльцовъ провезли черезъ весь городъ въ Земскій приказъ, гдѣ собрались бояре и немедленно приступили къ допросу. Окольничій А. С. Матвѣевъ много разъ переѣзжалъ отъ Земскаго приказа, стоявшаго на Красной площади, рядомъ съ Казанскимъ соборомъ, во дворецъ и обратно, докладывая царю о каждомъ словѣ самозванца и передавая боярамъ приказы царя. Послѣ допроса и пытокъ царь приказалъ четвертовать самозванца и его товарища. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе подъ наблюденіемъ стольника Елизарова и дьяка Кащеева, стоявшихъ во главѣ Земскаго приказа или, какъ онъ тогда назывался, Земскаго двора. Раньше такимъ же путемъ былъ допрошенъ и казненъ знаменитый Стенька Разинъ съ братомъ Фролкой.

Въ такомъ огромномъ городѣ, какъ Москва, конечно, было множество нищихъ, убогихъ и сиротъ, заполнявшихъ церковныя паперти и стоявшихъ на перекресткахъ улицъ. Нищенство не преслѣдовалось, такъ какъ подача милостыни считалась дѣломъ богоугоднымъ. Но правительство мало заботилось объ убогихъ, и число мѣстъ въ богадѣльняхъ было ничтожно. 4 марта 1670 года царь Алексѣй приказалъ для поминовенія царицы Маріи Ильиничны раздать милостыню въ богадѣльняхъ, и было выдано 99 р. 30 к.; число богадѣленъ оказалось—9, и въ нихъ содержалось 510 убогихъ и нищихъ, а сиротъ оказалось только 18. О содержаніи нищихъ долженъ былъ заботиться приказъ Большого Дворца, а съ 1 мая 1678 г. нищіе старцы, числомъ 412 человѣкъ, поручены были попеченію патріарха, который на ихъ содержаніе обложилъ церкви всѣхъ епархій особымъ налогомъ по 10 коп. съ церкви. Черезъ 4 года царь Ѳеодоръ издалъ указъ объ устройствѣ въ Москвѣ двухъ «шпиталенъ по новымъ еуропскимъ обычаямъ», чтобы «впредь по улицамъ бродящихъ и лежащихъ нищихъ не было». На содержаніе этихъ новыхъ учрежденій былъ назначенъ доходъ съ вотчинъ Архангельскаго епископа и Московскаго Знаменскаго монастыря. Мірскія богадѣльни были также въ слободахъ, но число призрѣваемыхъ было, вѣроятно, не велико.

Теперь займемся вопросомъ, какъ было устроено управленіе слободами. Къ сожалѣнію, дѣлъ Земскаго приказа, вѣдавшаго всѣ многочисленныя черныя слободы и сотни, почти не сохранилось, и небольшой матеріалъ, имѣющійся въ нашемъ распоряженіи, относится преимущественно къ устройству Мѣщанской слободы, нѣкоторыя дѣла которой сохранились среди документовъ Посольскаго приказа.

Центромъ слободы была съѣзжая изба, занимавшая особое помѣщеніе, очень незначительное, хотя въ немъ помѣщались и канцелярія, и небольшая тюрьма. Въ этой избѣ засѣдала слободская администрація, состоявшая въ чертѣ Садовой изъ назначеннаго Разряднымъ приказомъ объѣзжаго головы и выборнаго старосты, а за чертой Садовой изъ выборнаго старосты и назначаемаго приказомъ дворянина, или только изъ старосты съ его по-

мощниками. Дворянъ, представителей приказа, мы знаемъ въ царицыной Кисловской слободѣ и въ двухъ привилегированныхъ слободахъ, населенныхъ иноземцами: въ Мѣщанской и въ Нѣмецкой, но и тамъ они не были постоянно. Такъ, Мѣщанскую слободу въ 1676 г. велѣно вѣдать старостѣ, а дворянину не быть, но черезъ нѣсколько лѣтъ дворянинъ снова водворился въ Мѣщанской съѣзжей избѣ. Назначеніе дворянина правительство считало актомъ особаго благоволенія и заботы и имѣло цѣлью избавить слободу отъ всякихъ обидъ и притѣсненій, чтобы и другіе иноземцы переселялись изъ-за рубежа на жительство въ Москву. Впрочемъ, въ наказѣ, который давался дворянину изъ приказа, находимъ только

Торжество водоосвященія 6-го января 1699 г.
(Изъ книги Корба: Дневникъ путешествія въ Московію).

такія инструкціи, которыя клонятся къ охранѣ казеннаго интереса: онъ долженъ былъ слѣдить, чтобы въ слободѣ не было корчемства, чтобы жители слободы не держали у себя въ домахъ товаровъ, предназначенныхъ для продажи, но не оплаченныхъ пошлиной, чтобы слободскія выборныя власти исправно исполняли свои обязанности по сбору податей и пр. Конечно, присутствіе въ слободѣ дворянина могло быть выгоднымъ для жителей въ томъ случаѣ, если дворянинъ защищалъ слободу отъ нашествія представителей другихъ приказовъ, не стѣснявшихся грубо обращаться съ черными людьми и ихъ выборными старостами, а также если слободскія дѣла можно было рѣшать передъ дворяниномъ, а не въ заваленномъ

дѣлами приказѣ. Дѣйствительно, дворянинъ Таракановъ не впустилъ въ Мѣщанскую слободу чиновниковъ приказа Большой Казны, явившихся описывать лавки въ слободѣ. Однако, жители Мѣщанской слободы, повидимому, не очень были довольны опекой дворянина, который, конечно, требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ приношеній и не брезгалъ взятками. Такъ, мѣщанинъ Юрій Осиповъ, жаловавшійся на свою бѣдность, все-таки счелъ необходимымъ принести стольнику П. Жадовскому «въ почесть» сто свѣчей сальныхъ. Когда въ Мѣщанскую слободу явился изъ приказа Новой Чети еще дворянинъ, то слобожане испугались, «какъ бы имъ въ конецъ не погибнуть». Въ 1689 году былъ изданъ очень важный для Мѣщанской слободы указъ о приписке къ слободѣ значительнаго участка земли изъ пашни, принадлежавшей дворцовой Напрудной слободѣ. Новая земля предназначалась подъ дворы безземельнымъ мѣщанамъ, а также тѣмъ, которые жили въ другихъ слободахъ и сотняхъ. Слобожане совершенно устранили своего дворянина отъ разверстки земли, оказались государеву указу непослушны, и стольникъ Жадовскій въ теченіе цѣлаго года былъ пассивнымъ зрителемъ, какъ мѣщане распоряжались приписной землею, вели свои книги, собирали деньги.

Обязанности дворянина были очень разнообразны и требовали отъ него и опытности, и такта. Впрочемъ, приказъ не требовалъ отъ него грамотности, и одинъ изъ дворянъ не могъ даже подписать своего имени. Дворянинъ вмѣсто приказа записываетъ купчія и данныя, беретъ съ нихъ пошлину, даетъ выписи изъ писцовыхъ книгъ въ случаѣ потери купчихъ, даже составляетъ по слободѣ новыя писцовыя книги, имѣвшія оффиціальное значеніе. Онъ слѣдитъ за внѣшнимъ порядкомъ, искореняетъ корчемство и пр. Онъ же вершитъ судебныя дѣла. Челобитья на царское имя подаются мѣщанами и въ Посольскій приказъ, и дворянину, при чемъ нельзя сказать, что приказъ рѣшалъ крупныя дѣла, а дворянинъ мелкія. Можно привести много случаевъ, когда дворянинъ разсматриваетъ пени на 20 рублей и больше, а приказъ рѣшаетъ самыя несложныя дѣла по кабаламъ въ 4 и 5 рублей. Посольскій приказъ, вѣдавшій всю внѣшнюю политику Московскаго государства, долженъ былъ выслушивать такія жалобы, съ которыми легко бы могла справиться слободская администрація, даже о семейныхъ ссорахъ: одна мѣщанка жалуется, что ея невѣстка съ своей родней бранитъ ее «скаредною неподобной бранью»; мѣщанинъ затѣваетъ дѣло противъ своего сына «въ брани, безчестьѣ и выдранной бородѣ», другой мѣщанинъ жалуется, что его сыновья «приходятъ ночною порою поздно и пьянымъ обычаемъ, бьютъ и бранятъ, и свою мать бьютъ же и ругаютъ и за косы таскаютъ». Конечно, наиболѣе важныя дѣла, напримѣръ, о фабрикаціи фальшивой монеты, идутъ на разсмотрѣніе приказа, а не дворянина.

Получивъ челобитье, дворянинъ дѣйствовалъ такъ же, какъ дьякъ въ своемъ приказѣ: снималъ допросъ, вызывалъ свидѣтелей, устраивалъ очныя ставки, выписывалъ подходящія статьи изъ Уложенія и отъ царскаго имени выносилъ приговоръ. Иногда онъ самъ не рѣшался постановить своего рѣшенія и въ такомъ случаѣ посылалъ въ приказъ подробный до-

Гравюра Мецотинто Брукманн Мюнхенъ.

Яновъ. ЗАСТѢНОКЪ.

Москва
ея
прошломъ
и
настоящемъ

кладъ съ такими заключительными словами: «а о томъ что, ты, великій государь, укажешь?» Если дворянинъ затягиваетъ дѣло или рѣшаетъ неправильно, «норовитъ» истцу или отвѣтчику, то недовольный переноситъ дѣло въ приказъ, который пересматриваетъ дѣло, затребовавъ отъ дворянина подлинное дѣлопроизводство, запротоколенное въ съѣзжей избѣ.

Первымъ представителемъ слободского міра, ходатаемъ за его нужды, посредникомъ между правительствомъ и слобожанами, былъ староста, избиравшійся всѣми тяглыми людьми изъ лучшихъ, т.-е. болѣе зажиточныхъ людей, срокомъ на одинъ годъ. Новый староста получалъ «выборъ», скрѣпленный подписью бывшаго старосты и нѣсколькихъ слобожанъ, и принималъ отъ своего предшественника дѣла, при чемъ никакого акта передачи не составлялось. Это было причиной многихъ недоразумѣній; напримѣръ, одинъ староста былъ посаженъ въ приказѣ подъ арестъ, такъ какъ не представилъ для ревизіи нѣкоторыхъ документовъ, которыхъ онъ, по его словамъ, не получалъ отъ своего предшественника. Староста долженъ былъ заботиться, чтобы слобода множилась, а не уменьшалась, чтобы всѣ приписанные къ слободѣ въ ней и жили, чтобы переманить жителей изъ другихъ слободъ и заставить поселиться въ слободѣ «гулящихъ людей», собравъ по нихъ поручныя записи. Поэтому между старостами разныхъ слободъ было постоянное соревнованіе, постоянная борьба, которая иногда, особенно если устраивалась новая слобода, такъ разгоралась, что только царскій указъ могъ разрѣшить недоразумѣніе. Съ тѣми слобожанами, которые жили не въ своихъ слободахъ и оброка не платили, жили иногда долгое время и обзавелись хозяйствомъ или промысломъ, старостѣ также приходилось вести борьбу, при чемъ онъ не останавливался даже передъ тѣмъ, что заковывалъ ихъ въ желѣзо и сажалъ въ тюрьму. Пополненіе слободы считалось крупной заслугой въ глазахъ правительства, и въ жалованной граматѣ, данной жителямъ Семеновской слободы Ѳедору и Филиппу Макѣевымъ, среди другихъ заслугъ, указывается и на то, что они, будучи въ Семеновской слободѣ старостами, собрали въ слободу для пополненія къ старымъ тяглецамъ въ тягло 23 человѣка изъ гулящихъ людей и поручныя записи по нихъ взяли.

Староста завѣдывалъ вмѣстѣ съ представителями міра раскладкой казенныхъ и слободскихъ — «братскихъ» податей, наблюдалъ, чтобы не было корчемства и неявленныхъ въ таможнѣ товаровъ, оцѣнивалъ предназначенные къ продажѣ за долгъ дворы, устанавливалъ личность арестованныхъ людей, объявлявшихъ о своей принадлежности къ той или другой слободѣ и пр. Если въ слободѣ былъ дворянинъ, то по этимъ дѣламъ староста сносился иногда прямо съ приказомъ, иногда черезъ посредство дворянина. Если надо было объявить царскій указъ, то дворянинъ читалъ его въ съѣзжей избѣ передъ старостой и нѣсколькими слобожанами. За невнимательное отношеніе къ своимъ обязанностямъ староста подвергался наказанію: напримѣръ, если въ слободѣ у кого-нибудь изъ жителей окажется неявленный въ таможнѣ товаръ, то на старостѣ взыскивалась пеня.

«Для письма приказныхъ дѣлъ и у записки питейныхъ явокъ» на съѣзжихъ избахъ было по нѣскольку подъячихъ, которые назначались правительствомъ или изъ мѣстныхъ жителей, или изъ стороннихъ людей. Въ отсутствіе на съѣзжемъ дворѣ объѣзжаго головы или дворянина, подъячіе дѣлали распоряженія и по полицейской части, допрашивали приведенныхъ подозрительныхъ лицъ и даже своею властью сажали ихъ подъ арестъ. Документы много говорятъ о наглости и своеволіи подъячихъ. Однажды стольникъ Таракановъ, вѣдавшій Мѣщанскую слободу, послалъ двухъ подъячихъ, чтобы измѣрить спорную землю и осмотрѣть межи, но вмѣсто этого они по наущенію истца притащили отвѣтчицу вдову Марфутку Ѳомину на съѣзжую избу и избили ее палкой, такъ что по осмотру въ Посольскомъ приказѣ у Марфутки «оказалось битыхъ мѣстъ: правая рука выше локтя перешибено и забагровѣло и вспухло, да на спинѣ въ шести мѣстахъ бито и сине, лѣвая рука близко мышки знатно бито жъ и почернѣло». Кромѣ того, подъячіе продержали Марфутку сутки подъ арестомъ. На одного подъячаго Игнатія Осипова мѣщане всѣмъ міромъ жаловались въ приказѣ, «что онъ въ съѣзжей избѣ сидитъ пьянымъ обычаемъ и насъ, многихъ мѣщанъ, и женъ нашихъ, и дѣтей всегда бьетъ и увѣчитъ безъ винности своимъ озорничествомъ, и за мѣщаны съ ножемъ гоняется на-голо и замахивается». Приказъ собирался произвести дознаніе, но подъячій добровольно удалился изъ слободы и постригся въ одномъ изъ отдаленныхъ монастырей.

Полицейскія обязанности въ слободахъ несли сами слобожане, выставляя съ десяти дворовъ по одному сторожу, которые дежурили день и ночь на улицахъ. Кромѣ того, изъ среды жителей выбирались десятскіе. Десятскіе дѣйствовали по наказу, который, въ чертѣ Садовой, получали отъ объѣзжихъ головъ, «какъ наряжать на караулы для береженія отъ огня и воровства людей и выемки корчмы». Каждый десятскій былъ отвѣтственъ за порядокъ въ своемъ участкѣ и старался заранѣе заявить о всякомъ подозрительномъ лицѣ. Десятскій съ Первой Мѣщанской улицы донесъ въ съѣзжую избу, что въ одномъ изъ порученныхъ его наблюденію домовъ собираются у серебренника, который однако, мало занимался своимъ ремесломъ, неизвѣстные люди и проводятъ цѣлыя ночи въ попойкахъ. Вслѣдствіе этого доноса былъ сдѣланъ внезапный обыскъ, благодаря которому была накрыта цѣлая шайка фальшивомонетчиковъ. Десятскіе слѣдили за соблюденіемъ предосторожностей противъ пожаровъ, за воровскими людьми и внушали жителямъ, чтобы они жили скромно. Эти внушенія иногда доставляли непріятности десятскимъ. Одинъ изъ нихъ жаловался, что онъ по своей обязанности сталъ говорить одному изъ жителей своего участка, что «онъ живетъ не смирно», а тотъ сталъ его бранить, безчестить и даже замахивался полѣномъ. На съѣзжихъ избахъ дежурили стрѣльцы, сторожившіе колодниковъ, спѣшившіе на помощь въ случаѣ пожара или уличной драки. Грубость и самоуправство стрѣльцовъ часто вызывали жалобы со стороны населенія слободъ.

На слободскіе расходы жители платили съ каждаго двора по разверткѣ, сообразно съ имущественнымъ положеніемъ. Въ Мѣщанской

слободѣ въ 1684 г. низшій размѣръ слободского тягла — 10 коп., а высшій — 1 р. 50 коп., но богатыхъ было немного, такъ что средній окладъ былъ 27 коп. Всего намѣчено было собрать со слободы 232 р. 67 к. Изъ этихъ денегъ часть удерживалась на расходы по содержанію съѣзжей избы: на дрова, свѣчи, бумагу, чернила, жалованье подъячимъ и приставамъ. Прочее шло на подмогу тѣмъ мѣщанамъ, которые отбывали особенно тяжелыя повинности, возлагаемыя на слободу Посольскимъ приказомъ и Приказомъ Большой Казны. Въ 1682 г. 4 мѣщанина сидѣли въ Купецкой Палатѣ у покупки ефимокъ, два ѣздили въ Смоленскъ для покупки въ Москву вина по распоряженію Приказа Большой Казны, одинъ служилъ на дворѣ, гдѣ останавливались малороссійскіе посланцы. Каждый изъ нихъ получалъ подмоги по 12 руб. въ годъ, т.-е. всѣмъ слобода уплатила 84 р. Въ другое время находимъ мѣщанъ, служившихъ въ Аптекѣ у продажи водки и на сафьянномъ дворѣ, а также отправленныхъ за границу съ послами для храненія соболиной казны и пр. Всѣ эти лица выбирались слободой и получали подмогу. Вслѣдствіе такихъ крупныхъ расходовъ, не вызываемыхъ нуждами слободы, слободская касса оказывалась пуста, когда предстояли экстренныя выдачи, такъ что приходилось назначать особые сборы. Когда мѣщанамъ, число которыхъ все увеличивалось, стало тѣсно жить въ отведенной имъ землѣ, то они стали хлопотать о припискѣ къ Мѣщанской слободѣ обширнаго участка изъ пашенной земли сосѣдней Напрудной слободы. Началось хожденіе по приказамъ и, конечно, не съ пустыми руками. Староста добился приписки, но это стоило такъ дорого, что онъ «затрясъ», истративъ не только свои, но и взятыя въ долгъ деньги. Мѣщане рѣшили возмѣстить расходы своего ходатая и установили сборъ съ вновь отведенныхъ дворовъ, сообразно съ количествомъ саженъ по фасаду. Однако, правительство посмотрѣло на это неблагосклонно и запретило этотъ сборъ.

Въ каждой слободѣ не мало жителей было занято по мірскому выбору такими порученіями, которыя не оплачивались ни изъ казенныхъ, ни изъ слободскихъ средствъ, а между тѣмъ эти порученія отвлекали выборныхъ отъ занятія торговлей и промыслами. Одинъ изъ слобожанъ былъ старостой, исполнялъ безплатно такія обязанности, которыя были сопряжены съ постоянными хлопотами и отвѣтственностью. На государевомъ кабакѣ сидѣло до 15 слобожанъ, изъ которыхъ одинъ былъ избираемъ въ головы, а другіе въ цѣловальники. Когда собирали съ слобожанъ экстренные налоги, напримѣръ, пятую и десятую деньги, то сборъ этотъ производился черезъ выбранныхъ міромъ окладчиковъ и цѣловальниковъ.

Конечно, отрывать отъ своихъ занятій для несенія всѣхъ этихъ службъ можно было только состоятельныхъ, «прожиточныхъ» людей, а между тѣмъ такихъ людей правительство старалось привлечь на свою службу, записывая ихъ въ гостиную сотню и тѣмъ самымъ освобождая ихъ отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ слободѣ, такъ что они могли «съ черными сотнями никакихъ дѣлъ не дѣлати и не тянути ни въ чемъ». Въ 1684 въ Мѣщанской слободѣ насчитывалось 17 дво-

ровъ, принадлежавшихъ лицамъ, записаннымъ въ гостиную сотню. Слободы жаловались царю на разореніе и невозможность нести повинности вслѣдствіе ухода отъ нихъ состоятельныхъ людей и добились того, что правительство разрѣшило со всѣхъ дворовъ, находящихся въ слободѣ, собирать деньги на слободскіе расходы, кому бы эти дворы ни принадлежали, но привлечь привилегированныхъ лицъ — «бѣломѣстцевъ» къ несенію слободскихъ службъ онѣ не могли.

Гравüре Mezzotinto Bruckmann München.

АЛМАЗНЫЙ ТРОНЪ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

ТРОНЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ IОАННА III, СДѢЛАННЫЙ ИЗЪ СЛОНОВОЙ КОСТИ.

Москва
въ ея
прошломъ
и настоящемъ

Изъ сборчика житій XI в.

Церковная архитектура Москвы.

А. П. Новицкаго.

«Древняя Москва», по выраженію глубокаго знатока ея старины, И. Е. Забѣлина, «былъ городъ деревянный, со всѣми ея жилищами и со всѣми очень многочисленными ея храмами». Но деревянныхъ построекъ отъ глубокой древности уцѣлѣть, конечно, не могло, и потому мы начнемъ свой обзоръ съ каменной церковной архитектуры.

Незначительный вначалѣ удѣлъ Суздальскаго княжества, Москва, первое время своей исторической жизни, не могла, конечно, не быть подъ сильнымъ вліяніемъ культуры Владиміро-Суздальскаго княжества. Несомнѣнные слѣды этого мы и видимъ, дѣйствительно, въ теченіе довольно долгаго времени на памятникахъ московской архитектуры. Даже при постройкѣ Успенскаго собора Аристотелемъ Фіоравенти, въ концѣ XV вѣка, образцомъ продолжалъ служить, какъ увидимъ, соименный ему соборъ во Владимірѣ.

Едва только московскіе князья почувствовали свою силу, какъ принялись за возведеніе каменныхъ храмовъ. Уже Даніилъ Александровичъ, въ 1272 г., основалъ *Даниловъ монастырь*, въ которомъ былъ выстроенъ первый бѣлокаменный храмъ. На его мѣстѣ теперь стоитъ другой позднѣйшій храмъ, отъ стараго же уцѣлѣли только части подвальныхъ бѣлокаменныхъ стѣнъ, сложенныхъ по пріемамъ владимірской архитектуры.

«Если послушаешь меня, сыне мой, храмъ Пречистыя Богородицы воздвигнешь и меня успокоишь въ своемъ градѣ, то самъ прославишься паче иныхъ князей и сыновья и внуки твои въ роды родовъ. Градъ сей будетъ славенъ во всѣхъ градѣхъ русскихъ, и святители поживутъ въ немъ, и взыдутъ руки его на плеща враговъ его».—Съ такими словами обратился митрополитъ Петръ къ сыну Даніила, Ивану Калитѣ.

Никакихъ обѣщаній не могло быть болѣе соблазнительныхъ для московскихъ князей-собирателей, какъ эти слова главы всей тогдашней русской церкви, одно присутствіе котораго въ городѣ давало уже этому городу перевѣсъ надо всѣми другими городами. Конечно, Калита не замед-

лилъ исполнить этотъ завѣтъ. 4 августа 1326 г. былъ заложенъ каменный соборный храмъ во имя *Успенія Богородицы*, въ постройкѣ котораго принималъ большое участіе и самъ митрополитъ, и вскорѣ же онъ былъ освященъ. Какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго, теперь отъ него не осталось никакихъ слѣдовъ.

Въ 1329 г. къ этому храму пристроенъ былъ, съ сѣверной стороны, возлѣ гробницы Петра митрополита, небольшой каменный храмъ «*въ честь паденія вериъ* св. апостола Петра», оконченный въ два мѣсяца. Въ томъ же году, тоже всего въ три мѣсяца, была выстроена каменная церковь во имя *Іоанна Лѣствичника*. И если не въ этомъ же году, то весною слѣдующаго года заложенъ былъ, возлѣ княжескаго двора, еще каменный храмъ, во имя Спаса Преображенія, и при немъ основанъ монастырь, служившій усыпальницей московскихъ князей.

Изо всѣхъ этихъ церквей отчасти уцѣлѣла только послѣдняя, извѣстная подъ именемъ *Спаса на Бору*,—древняя бѣлокаменная кладка сохранилась въ вышину приблизительно въ ростъ человѣка. Остальная часть выстроена уже позднѣе, изъ кирпича. Первоначальный планъ храма представляетъ собою обычный планъ владиміро-суздальскихъ церквей: прямоугольникъ съ тремя алтарными полукружіями и съ четырьмя внутренними столбами, поддерживающими барабанъ главы. О фасадѣ ея теперь судить трудно, хотя все въ ней говоритъ о владиміро-суздальскомъ типѣ, особенно ясно выразившемся въ деталяхъ сохранившейся западной двери.

Гораздо лучше сохранился и потому необходимъ намъ для изученія ранне-московской архитектуры *Успенскій соборъ въ Звенигородѣ*, выстроенный тоже изъ бѣлаго камня. Въ общемъ онъ похожъ на владиміро-суздальскіе памятники, но въ деталяхъ отличается отъ нихъ.

Верхнія капители имѣютъ здѣсь своеобразную форму и узоръ; колонны на углахъ превратились въ цѣлые пучки полуколонокъ, напоминающіе послѣднюю эпоху готики; оконные и дверные наличники и небольшое окно, освѣщающее лѣстницу, получаютъ заостренную вверху форму; колонки у дверей имѣютъ въ серединѣ толстый перехватъ—форма эта исключительно принадлежитъ данной эпохѣ; базы колоннъ снабжены оригинальнымъ выступомъ, съ отверзтіемъ, служившимъ, вѣроятно, для предохраненія ихъ отъ ударовъ дверями и для прикрѣпленія дверей; поясъ, вмѣсто аркады, состоитъ здѣсь только изъ орнамента и не опоясываетъ всего храма, а оканчивается около алтарныхъ полукружій, которыя имѣютъ свой особый поясокъ, съ болѣе простымъ узоромъ. Внутренность храма, такъ же какъ и верхи его, теперь перестроена; но форму завершенія стѣнъ мы можемъ видѣть на современномъ этому собору *Рождественскомъ* соборѣ въ *Саввинскомъ* монастырѣ, гдѣ на колоннахъ уцѣлѣли заостренныя арки, срѣзанныя въ Звенигородскомъ соборѣ позднѣйшею крышей.

Отъ церкви *Рождества Богородицы*, нынѣ св. *Лазаря*, въ Кремлѣ, вошедшей теперь въ зданіе дворца, уцѣлѣли только планъ и алтарная преграда—въ видѣ каменной стѣнки.

Всѣ храмы этого періода московскаго зодчества очень малы; кромѣ того, исторія каждаго изъ этихъ памятниковъ показываетъ, что строители

плохо умѣли справляться со сводами, такъ что лѣтописи безпрестанно сообщаютъ намъ о паденіи верховъ храма.

Изъ всего этого видно, что московскіе зодчіе не обладали хорошей строительной техникой, и потому, какъ только Москва достигла большаго могущества, она стала пользоваться услугами другихъ архитекторовъ. И здѣсь она явилась тоже собирательницею, собирая къ себѣ мастеровъ по всѣмъ отраслямъ искусства изо всѣхъ русскихъ областей, а потомъ призывая и иностранныхъ мастеровъ. Такъ какъ въ то время изъ прилегающихъ къ Москвѣ русскихъ областей лучшіе зодчіе были въ Новгородско-Псковской области, то оттуда прежде всего и стала Москва вызывать ихъ, какъ только наложила свою руку на эту область. И теперь еще многія московскія церкви сохранили слѣды новгородско-псковской архитектуры.

Въ память избавленія Москвы отъ татаръ, Василій Темный, въ 1451 г., построилъ такую церковь во имя *Положенія Ризы*, находящуюся противъ входа въ Успенскій соборъ. Другая подобная же церковь находилась у Боровицкихъ воротъ; но теперь она сломана. Самымъ же характернымъ произведеніемъ псковскихъ мастеровъ является *Благовѣщенскій* соборъ, построенный Иваномъ III, въ 1484 г. Этотъ князь призвалъ псковскихъ мастеровъ, велѣлъ имъ сломать построенную раньше его отцомъ церковь Благовѣщенія, и на ея подклѣти выстроить новый храмъ, который оконченъ былъ въ 1489 г. и уцѣлѣлъ до насъ, хотя и съ большими пристройками.

Церковь въ с. Троицкомъ-Ыковѣ.

Въ планѣ своемъ храмъ этотъ представлялъ, по-владимірски, квадратъ съ тремя алтарными полукружіями и съ четырьмя столбами посрединѣ. Въ сѣверо-западномъ углу его расположена лѣстница, ведущая на хоры. Съ сѣвера, съ юга и съ запада были выходы. Сверху онъ увѣнчивался пятью главами, при чемъ средняя поставлена не по-владимірски, т.-е. не прямо на подпружныхъ аркахъ, а *по-псковски*—на ступенчатыхъ аркахъ, образующихъ рядъ закомаръ. Подъ хорами, въ аркахъ, перекинуыхъ со столбовъ храма на западную стѣну, находятся тайники, такъ что самыя арки внутри пустыя; на нихъ опираются своды. Тайники эти имѣютъ поперечныя стѣнки съ желѣзными дверками, ведущими въ особые люки у западной стѣны храма. Люки сверху закрываются двумя большими пли-

тами съ кольцами, а по нимъ настланъ полъ изъ небольшихъ двухцвѣтныхъ ромбовъ. Такимъ образомъ, входы въ тайники были вполнѣ замаскированы со всѣхъ сторонъ. Вѣроятно, здѣсь хранилась казна.

Другая интересная особенность этого храма состоитъ въ томъ, что хоры, вмѣсто обыкновенной баллюстрады, были отдѣлены отъ самой церкви кирпичной стѣной, въ человѣческій ростъ, толщиною въ два кирпича. Со стороны храма стѣнки эти были сдѣланы за-подъ лицо съ арками, поддерживающими хоры. Сообщеніе хоръ съ теремомъ или со дворцомъ, вѣроятно, происходило при помощи перекидного моста на выдвинутыхъ брусьяхъ, сквозныя отверзтія отъ которыхъ сохранились въ западной стѣнѣ собора.

Архангельскій Соборъ. Въ Кремлѣ.

Плеча храма заканчивались тремя арками съ заостреннымъ подвышеніемъ, по которымъ сдѣлано и покрытіе. Боковыя арочки меньше средней; онѣ врѣзываются въ малыя главы храма, и притомъ прямо въ барабанъ главы, такъ какъ здѣсь главы, какъ было указано выше, поставлены *по-псковски*, безъ четырехграннаго постамента, постоянно встрѣчаемаго во владиміро-суздальскихъ памятникахъ. Средняя глава тоже не имѣетъ постамента, и ее окружаютъ кокошники съ заостренными подвышеніями. Такимъ образомъ, здѣсь мы встрѣчаемся съ новымъ пріемомъ покрытія, которому, какъ увидимъ дальше, придется играть видную роль въ московской архитектурѣ. Прототипы такого расположенія кокошниковъ являются еще въ Успенскомъ соборѣ во Владимірѣ и въ Успенской церкви Княгинина монастыря, тамъ же. Въ послѣдней къ постаменту главы приставлено по три кокошника съ каждой стороны. Средняя глава собора была украшена луковичнымъ куполомъ, съ небольшою выпуклостью. Образецъ такой луковицы мы имѣемъ въ орнаментѣ одной современной храму рукописи — въ Псалтири 1485 г., находящейся въ собраніи гр. Ѳ. А. Толстого. Мы видимъ тамъ пятиглавую церковь съ луковичными куполами, и пучины этихъ луковицъ, одинаковыя у средней и у боковыхъ главъ, вполнѣ сходны съ куполами малыхъ главъ собора. Сѣверный и западный входы въ соборѣ бо-

УСПЕНСКІЙ СОБОРЪ ВЪ КРЕМЛѢ.

ЛѢСТНИЦА НА ВЕРХНІЙ ЭТАЖЪ ВЪ ПОКРОВСКОМЪ СОБОРѢ
(Соборъ Василія Блаженнаго) въ Москвѣ.

Gravüre Mezzotinto Bruckmann München.

Москва
ея
прошломъ
и
настоящемъ

гато украшены цвѣтными аркадами съ орнаментомъ и бусами и съ парой колонокъ съ каждой стороны.

Такимъ образомъ, уже въ Благовѣщенскомъ соборѣ мы видимъ тѣ задатки, изъ которыхъ развилось впослѣдствіи московское зодчество. Мы находимъ здѣсь смѣшеніе пріемовъ, употреблявшихся въ *новгородско-псковской* архитектурѣ, съ пріемами *владимiро-суздальскими* и, хотя еще слабую и тоже пока заимствованную, но все же примѣсь мотивовъ *деревянной* архитектуры, хотя бы въ употребленіи кокошниковъ. Очевидно, и псковичамъ, какъ впослѣдствіи иностраннымъ архитекторамъ, предоставлялась лишь техническая сторона дѣла; но давались опредѣленные художественные образцы для подражанія.

Кромѣ упомянутыхъ церквей, псковичи выстроили: *Троицкій* соборъ въ *Сергіевой* лаврѣ (1477 г.), церковь *Ивана Златоуста* въ *Ивановскомъ* монастырѣ въ Москвѣ (1478 г.), *Срѣтенія* на Куликовомъ полѣ и нѣкоторыя другія.

Между тѣмъ построенный раньше *Успѣнскій* соборъ грозилъ разрушеніемъ,—его приходилось уже подпирать толстыми деревянными столбами; кромѣ того, онъ казался и малъ для такого города, какимъ стала Москва.

Церковь Рождества пр. Богородицы въ Путинкахъ.
На Малой Дмитровкѣ.

На этотъ разъ дѣло поручено было своимъ московскимъ мастерамъ, Кривцову и Мышкину, которые, разрушивъ старую постройку, въ 1472 г., приступили къ сооруженію новаго храма, по образцу Владимірскаго Успенскаго собора. Но едва они дошли до сводовъ, какъ часть постройки рухнула. Призвали псковичей узнать, въ чемъ тутъ дѣло. Они сказали, что плохъ цементъ. Но на этотъ разъ не поручили работу и имъ, а вызвали изъ Венеціи «мастера муроля, кой ставитъ церкви и палаты», Аристотеля Фіоравенти, болонскаго уроженца.

Осмотрѣвши развалины, Аристотель подтвердилъ отзывъ псковскихъ мастеровъ о невязкости цемента и разбилъ остатки стѣнъ стѣнобитною машиною.

Такъ какъ ему предписано было тоже взять за образецъ Владимірскій Успенскій соборъ, то онъ придерживался въ общемъ владимірскаго типа,

хотя и сдѣлалъ нѣкоторыя отступленія отъ него. Онъ удлинилъ планъ и, вмѣсто четырехъ опорныхъ столбовъ, поставилъ шесть, изъ которыхъ четыре были круглые, что являлось нововведеніемъ и поражало современниковъ; вмѣсто трехъ первоначальныхъ алтарныхъ полукружій онъ сдѣлалъ пять; въ алтарной стѣнѣ, надъ среднимъ полукружіемъ, онъ сдѣлалъ помѣщеніе, въ 15 вершковъ ширины, 9 аршинъ $2^1/_2$ вершка длины и 4 аршина 12 вершковъ вышины, съ двумя круглыми отверзтіями во внутрь алтаря, находящимися на высотѣ 1 арш. 10 вершковъ. Вмѣсто теперешняго иконостаса была невысокая каменная стѣнка, съ отверзтіемъ для царскихъ вратъ, покрытая стѣнописью.

Церковь Николы Явленнаго. На Арбатѣ.

Вліяніе владимірской архитектуры отразилось всего болѣе на фасадѣ собора. Мы видимъ здѣсь такой же поясъ изъ колонокъ, украшенныя аркатурой входныя двери и невысокіе купола, составляющіе какъ бы переходъ отъ владимірскихъ главъ къ позднѣйшимъ и имѣющіе поэтому важное для насъ значеніе. Покрытія плечъ собора имѣли каменные спуски, оканчивавшіеся каменными же желобами, подобными желобамъ Владимірскаго Успенскаго собора. На западной сторонѣ собора была паперть.

Въ 1478 г. соборъ былъ оконченъ и, по выраженію лѣтописи, «бысть же та церковь чюдна вельми величествомъ, и высотою, и свѣтлостію, и звонкостью, и пространствомъ, такова же прежде того не бывала въ Руси, опричь Владимірской церкви».

Въ 1509 г., другой итальянскій архитекторъ, Алевизъ, разобралъ и вновь выстроилъ *Архангельскій* соборъ.

Первоначальный фасадъ собора былъ двухцвѣтный. Стѣны были красныя, кирпичныя, а пилястры, капители, карнизы и тяги—бѣлокаменные. Покрытіе было нофронтонное. Пустыя пространства въ полукругахъ кокошниковъ выложены самымъ обыкновеннымъ для того времени *итальянскимъ* украшеніемъ, въ видѣ раковинъ. Лѣстницы на верхъ собора, дѣлавшіяся до сихъ поръ въ толщѣ стѣнъ, помѣщены здѣсь въ особой пристройкѣ, украшенной такимъ же способомъ, только раковинами меньшихъ размѣровъ. Но что здѣсь всего типичнѣе, — это *итальянская* орнаментовка капителей, аркъ, пилястръ, наличниковъ и всѣхъ покрытыхъ скульптурою частей, сдѣланная съ большимъ вкусомъ.

Съ окончательнымъ сверженіемъ татарскаго ига, Москва почувствовала пробужденіе народнаго духа, сопровождавшееся и пробужденіемъ народнаго творчества. Въ такихъ случаяхъ, народъ обращается всегда къ раз-

работкѣ своихъ собственныхъ, уже раньше выработанныхъ имъ самимъ формъ. Въ данномъ случаѣ, это были формы деревянной архитектуры. Поэтому теперь, воздвигая каменныя сооруженія, онъ не довольствовался уже, какъ раньше, однимъ только подражаніемъ иноземнымъ образцамъ, а сталъ въ каменномъ зодчествѣ разрабатывать свои исконные, излюбленные деревянные мотивы.

Такимъ произведеніемъ является церковь *Вознесенія* въ селѣ *Коломенскомъ*, построенная въ 1532 г., про которую лѣтопись выражается такъ: «весьма чудна высотою, и красотою, и свѣтлостію,— такова не бывала прежде сего на Руси».

Уже самый планъ ея отличается отъ предыдущихъ каменныхъ храмовъ. Онъ представляетъ собою равноконечный крестъ, безъ внутреннихъ столбовъ. Двѣнадцать ея стѣнъ, при помощи кокошниковъ, переходятъ въ восьмигранникъ, съ двумя кокошниками на верху каждой грани, надъ которыми поднимается высокій восьмигранный же каменный шатеръ съ небольшой башенкой наверху, оканчивающійся невысокой главкой съ крестомъ. Церковь стоитъ на подклѣти и со всѣхъ сторонъ окружена галлереей изъ каменныхъ арочекъ съ тремя широко и свободно раскинутыми крыльцами. Всѣ эти особенности взяты съ деревянныхъ церквей; но въ деталировкѣ несомнѣнно сказывается итальянское вліяніе.

Рядомъ съ этою церковью, въ 1529 г., построена была другая интересная для насъ церковь въ селѣ *Дьяковѣ*.

Здѣсь мы имѣемъ высокую восьмигранную башню съ полукруглымъ выступомъ съ востока для алтаря. Съ четырехъ косыхъ сторонъ ея поставлены четыре меньшія башни, соединенныя тремя галлерейками, изъ которыхъ каждая имѣетъ въ серединѣ входъ, а по бокамъ входа—открытые пролеты въ родѣ оконъ. Средняя башня очень оригинальной конструкціи: самый восьмигранникъ заканчивается карнизомъ, на которомъ стоитъ рядъ кокошниковъ, а надъ ними рядъ фронтоновъ, опирающихся въ другой рядъ небольшихъ кокошниковъ; надъ этими кокошниками идетъ второй, меньшій восьмигранникъ, украшенный квадратными углубленіями; на каждомъ углу этого восьмигранника поставлено по полукруглому выступу съ нишей внутри; выступы эти примыкаютъ къ круглому цилиндру, заканчивающемуся невысокой главкой. Подклѣта эта церковь не имѣетъ.

Церковь В.-Муч. Дим. Солунскаго у Тверскихъ воротъ.

Образуя и сама очень оригинальную группу, Дьяковская церковь послужила, кромѣ того, прототипомъ самому главному и типичному памятнику московскаго зодчества—*Покровскому* собору, въ Москвѣ, или *Василію Блаженному*.

Возвратившись, по взятіи Казани, въ Москву, царь Иванъ IV рѣшилъ, въ память этой важной побѣды надъ татарами, построить «церкви деревянные седмь престоловъ, иже быти окрестъ осмого болшаго церкви каменныя близь мосту Фроловскихъ (Спасскихъ) воротъ надо рвомъ». Такимъ образомъ, первоначально поставленная «обѣтная во взятіе Казанское церковь» представляла собою не девятиверховый каменный храмъ, а семь совершенно отдѣльныхъ одна отъ другой церквей, окружавшихъ восьмую, большую, каменную; число ихъ и престолы опредѣлялись, конечно, по обычаю, числомъ особенно знаменательныхъ событій въ ходѣ войны и днями, въ какіе произошли эти событія. Но вскорѣ царь, по совѣту митрополита, рѣшилъ и деревянныя церкви замѣнить каменными. И тогда «дарова ему Богъ дву мастеровъ *русскихъ,* по реклу *Постника* и *Барму* и быша премудріи і удобни таковому чюдному дѣлу».

Отсюда мы въ правѣ заключить, что средняя часть разсматриваемаго нами храма существовала уже раньше, а упомянутые зодчіе, прибавивъ для симметріи къ заказаннымъ имъ семи храмамъ еще одинъ, построили восемь храмовъ вокругъ существовавшаго, соединивъ всѣ ихъ общимъ основаніемъ.

На своемъ вѣку Покровскій соборъ претерпѣлъ много значительныхъ перемѣнъ. Сравнивая его настоящій видъ съ древними изображеніями его у Олеарія (1634 г.), въ книгѣ «избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича» (1672 г.) и другими, мы замѣчаемъ, что средній шатеръ окруженъ былъ тогда цилиндрическими выступами, на подобіе средней главы Дьяковской церкви, теперь не существующими; крыльца не имѣли шатровъ; а главное—самыя пропорціи храма были совсѣмъ иныя,—всѣ главы, и особенно средній шатеръ, поднимались гораздо выше, отчего вся группа получала гораздо большее стремленіе вверхъ. Мы могли бы предположить, что пропорціи невѣрно переданы рисовальщикомъ, еслибы имѣли только одинъ какой-нибудь рисунокъ, особенно настолько небрежный, какъ у Мейерберга (1662 г.) или въ «Geographia Blaviana» (1662 г.), гдѣ выступы вокругъ средняго шатра увѣнчаны даже луковичными главками; но рисунокъ у Олеарія сдѣланъ очень тщательно; тѣмъ болѣе тщательно исполнены рисунки въ «избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича». Такъ что несомнѣнно пропорціи эти были измѣнены въ одну изъ многочисленныхъ реставрацій храма.

Крытъ соборъ раньше былъ черепицею, которая лишь въ 1772 г. замѣнена желѣзомъ. Главы не были раскрашены, а покрыты были «свѣтлыми, блестящими листами», т. е. бѣлымъ нѣмецкимъ желѣзомъ, и вылужены. Средній шатеръ отдѣланъ былъ разноцвѣтными изразцами, съ такими же шарами, остатки которыхъ найдены были при послѣдней реставраціи и дали возможность возстановить ихъ, тогда какъ прежде они были безжалостно сбиты и замѣнены раскраскою по желѣзу.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что этотъ храмъ, приводившій въ изумленіе иностранныхъ путешественниковъ и казавшійся имъ какимъ то непонятнымъ воплощеніемъ необузданной фантазіи, не имѣющимъ себѣ никакихъ прототиповъ, – для русскаго человѣка представляетъ постепенное развитіе предшествующей архитектуры. Это подтверждаютъ и слова лѣтописцевъ, которые выражаются про него, что «поставленъ былъ храмъ ка-

менный *преудивленъ*, различными образцы и многими *переводы*, на одномъ основаніи девять престоловъ». Самое слово *переводъ* означаетъ снимокъ, точную копію съ какого либо образца. Такъ что храмъ этотъ представляется имъ лишь группою копій съ другихъ храмовъ, существовавшихъ уже раньше. «Преудивленнымъ» же казался онъ имъ вслѣдствіе соединенія девяти отдѣльныхъ храмовъ, воздвигнутыхъ на одномъ основаніи.

Особенно богато строительною дѣятельностью было царствованіе Алексѣя Михайловича. Совершившееся въ это время присоединеніе Украины не могло не отразиться на характерѣ московской архитектуры. Разошедшееся по всей Россіи украинское духовенство, болѣе образованное, чѣмъ московское, взяло надъ послѣднимъ верхъ и стало распространять многія нововведенія; московское стояло за старину; возникли споры, стали созываться соборы, на которыхъ спорили и разсуждали о формѣ церковныхъ главъ, объ изображеніяхъ святыхъ,—словомъ, оживленіе получилось необычайное. Соборы рѣшали вопросы въ пользу старины, но новизна сама пролагала себѣ путь.

Какъ извѣстно, излюбленнымъ, типичнымъ мотивомъ украинской церковной архитектуры является трехглавый храмъ. Этотъ мотивъ прежде всего и заносится въ Москву. Церковь *Рождества Богородицы въ Путинкахъ*, церковь *Воскресенія въ Гончарахъ* и еще многія другія, не уцѣлѣвшія до нашего времени, получили это трехглавіе. Но, при переходѣ въ Москву, мотивъ этотъ, какъ нерѣдко бываетъ при заимствованіяхъ, утратилъ самыя основныя свои черты. Украинскій храмъ представляетъ собою сочетаніе трехъ отдѣльныхъ башенъ, завершенныхъ грушевидными главами. Въ Москвѣ же, на четырехгранномъ постаментѣ ставятся три глухихъ главки, шатрообразныхъ, съ луковичными завершеніями. А въ первой изъ упомянутыхъ церквей, кромѣ того, это трехглавіе находится только надъ одною частью зданія, въ то время, какъ другія части имѣютъ самостоятельное покрытіе. Несмотря на это, церковь въ Путинкахъ отличается замѣчательной пропорціональ-

Церковь Воскресенія въ Гончарахъ. Въ Таганкѣ.

ностью и изяществомъ. Интересно въ ней покрытіе главной ея части, представляющее очень удачный переходъ отъ квадратнаго основанія къ легкой вѣнчающей башенкѣ, получившій потомъ широкое распространеніе во всей московской архитектурѣ. Переходъ этотъ устроенъ такимъ образомъ: на каждой сторонѣ четырехугольнаго основанія поставлено по три кокошника, врѣзывающихся въ пирамиду; надъ ними, нѣсколько отступя вглубь, идутъ пары кокошниковъ, тоже врѣзывающихся во вторую пирамиду; далѣе, еще нѣсколько отступя, идетъ восьмигранникъ, съ однимъ кокошникомъ на каждой сторонѣ, и на немъ уже поставленъ цилиндръ, заканчивающійся вверху широкимъ свѣшивающимся карнизомъ. На послѣднемъ стоятъ восемь арочекъ, надъ которыми помѣщены шесть кокошниковъ, расположенныхъ у основанія верхней шестисторонней пирамиды; на ней стоитъ небольшой цилиндрикъ, а сверху — луковичная главка. Стоящая между этою главкою и трехшатровымъ покрытіемъ придѣла колокольня служитъ очень удачнымъ соединеніемъ всей группы въ одно цѣлое.

Образцомъ вполнѣ развитого типа московской архитектуры этого времени можетъ служить церковь *Грузинской Богоматери*, въ Китай-городѣ.

Высокая квадратная середина ея и болѣе низкіе алтарь и трапезная поставлены на подвалахъ, подобно тому, какъ ставились на подклѣтахъ деревянныя церкви. Напоминаютъ тѣ же деревянныя церкви и выходы на сѣверную и западную паперти, и отсутствіе оконъ на сѣверной сторонѣ. Фасады со всѣхъ сторонъ разбиты на части пучками изъ колонокъ романскаго стиля, получившими въ то время сильное распространеніе. Вслѣдствіе распространенія въ то время слюды, окна стали дѣлаться шире, оставляя раскосы внутрь. Они запирались желѣзными ставнями, вслѣдствіе чего явилась потребность въ устройствѣ впадинъ для ставней, а для украшенія этихъ впадинъ послужилъ пестрый наличникъ, иногда цѣликомъ повторяющій деревянныя формы. Деревянныя же церкви напоминаетъ и помѣщенная между двухъ оконъ, въ верхнемъ этажѣ, икона Богоматери, съ двумя колонками оригинальной обдѣлки. Рѣзные узоры бѣлокаменныхъ наличниковъ оконъ и двухъ дверей церкви настолько сходны съ наличниками въ Теремномъ дворцѣ, что архитекторъ Л. В. Даль предположилъ, что, по крайней мѣрѣ, одно изъ этихъ оконъ и поступило сюда именно изъ дворца; его выпросилъ, при перестройкѣ дворца, знаменитый прихожанинъ этой церкви, Симонъ Ушаковъ, котораго названный изслѣдователь считаетъ даже строителемъ разсматриваемаго храма. «Предварительный чертежъ церкви, замѣчаетъ Даль, очевидно, не подготовилъ каменьщикамъ обдѣлки раскрѣповокъ, а, напротивъ, еще ихъ спуталъ; поэтому можно полагать, что чертежъ составлялся не строителемъ, а *рисовальщикомъ фасадовъ*. Огромная нагрузка верхней части церкви тремя ярусами кокошниковъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ внутреннею конструкціею свода и пятью главами, изъ которыхъ одна только не фальшивая, есть также вліяніе деревянной архитектуры и создана, можетъ, также не строителемъ, а иконописцемъ, *знаменившимъ*, т.-е. чертившимъ эти курчавые фасады. Здѣсь, заключаетъ онъ, вообще очевидно присутствіе рисовальщика, изыскивающаго формы частей и въ особенности силуэты главокъ, но въ его работѣ нѣтъ единства, сводящаго всю постройку къ одному цѣлому».

Но въ данномъ случаѣ, этотъ талантливый изслѣдователь архитектурныхъ формъ упустилъ изъ вниманія хронологическія данныя, противорѣчащія заключенію, что Симонъ Ушаковъ былъ строителемъ разсматриваемой нами церкви. Есть свѣдѣнія, что она была построена въ 1628 году, когда знаменитому впослѣдствіи иконописцу было всего только два года, а въ 1653 году къ ней сдѣланы лишь пристройки. Можно, положимъ, предположить, что при этихъ пристройкахъ и вся она подверглась большимъ измѣненіямъ, и что въ это то время она и получила теперешній свой видъ, приведшій Даля къ его выводамъ. Но, всматриваясь внимательнѣе въ ея формы и сопоставляя ихъ съ другими московскими церквами того времени,

Благовѣщенскій соборъ. Въ Кремлѣ.

мы мало, собственно говоря, найдемъ разницы между ними, какъ въ общихъ массахъ, такъ даже и въ главнѣйшихъ частныхъ пріемахъ. Устройство покрытія системою кокошниковъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ внутреннею конструкціею свода, фальшивыя главки, множество формъ деревянной архитектуры—все это очень распространенныя и, вслѣдствіе этого, типичныя черты московской архитектуры XVII вѣка. Въ этой церкви мы встрѣчаемся еще съ одной тоже типичной для московской архитектуры того времени чисто-конструктивной особенностью: во всей постройкѣ замѣчается полное отсутствіе деревянныхъ частей, такъ что даже самыя главы сложены изъ кирпича, безъ помощи стропилъ.

Изъ другихъ замѣчательныхъ храмовъ этого времени укажу на церковь *Рождества Богородицы, въ Бутыркахъ*, служащую переходомъ отъ вла-

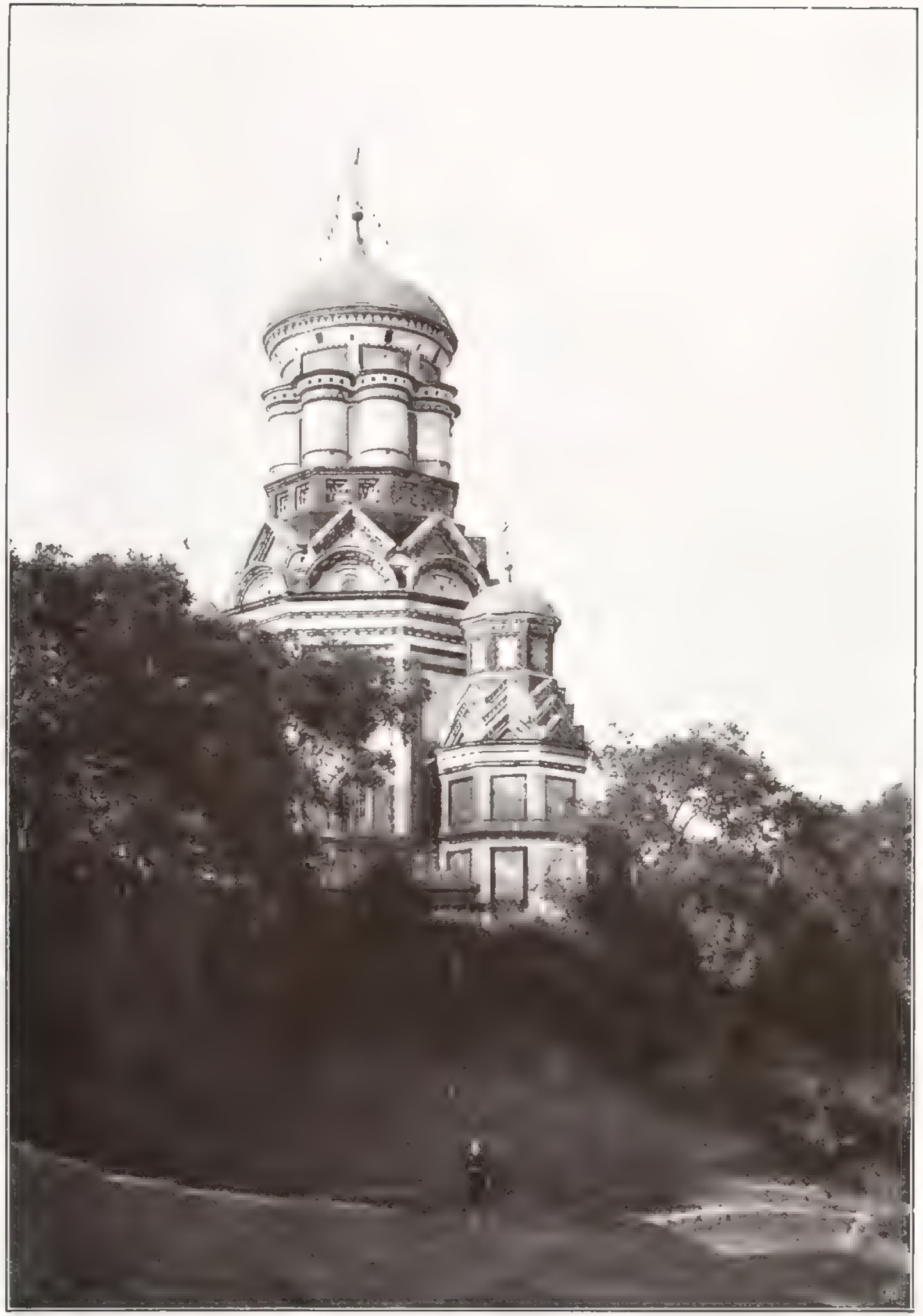
диміро-суздальскаго стиля къ стилю ярославскихъ церквей; церковь *Николы въ Хамовникахъ*, съ интереснымъ покрытіемъ при помощи трехъ рядовъ кокошниковъ, встрѣчающимся потомъ и въ другихъ московскихъ церквахъ. Изъ подмосковныхъ церквей укажу на церковь въ селѣ *Останкинѣ*. Она такъ богато изукрашена во всевозможныхъ стиляхъ того времени, что кажется, будто строители старались не пропустить ни одного извѣстнаго тогда способа украшеній: тутъ есть и пестрые изразцы, и тесаный камень, и лекальный кирпичъ; есть украшенія и въ романскомъ стилѣ, и въ итальянскомъ, и въ собственномъ русскомъ, взятомъ изъ деревянныхъ построекъ. Укажу еще на церковь въ селѣ *Тайнинскомъ*, съ оригинальнымъ входомъ, и на церковь въ селѣ *Марковѣ*, съ пестрою раскраскою. Въ массахъ своихъ всѣ онѣ носятъ слѣды сильнаго вліянія деревяннаго зодчества.

Но если мы видѣли вліяніе Украины въ трехглавіи указанныхъ выше церквей, то еще сильнѣе сказалось это вліяніе въ церквахъ такъ называемаго Нарышкинскаго стиля.

Названіе это усвоено имъ по чисто внѣшней причинѣ, такъ какъ большинство дошедшихъ до насъ памятниковъ этого стиля находилось во многочисленныхъ владѣніяхъ Нарышкиныхъ, таковы церкви: *Владимірской Богоматери*, у Владимірскихъ воротъ Китай-города, *Знаменія*, на Воздвиженкѣ, *Крестовоздвиженская*, тамъ же, *Богоявленія*, въ Богоявленскомъ монастырѣ, и *Успенія*, на Маросейкѣ — это въ самомъ городѣ; изъ пригородныхъ же церкви *Покрова на Филяхъ*, въ *Троицкомъ-Львовѣ*, въ *Петровско-Разумовскомъ* и другихъ.

Главная характерная черта украинскихъ церквей—сильное стремленіе вверхъ, какъ соотвѣтствующее самому назначенію христіанскаго храма, самому духу христіанской религіи. Это стремленіе особенно сильно выражается пирамидальностью церковныхъ башенъ. Другая особенность, о которой я уже говорилъ, состоитъ въ томъ, что церкви представляютъ собою группы въ три или болѣе башенъ, идущихъ самостоятельно вверхъ, и только соединенныхъ между собою, а не одну общую массу лишь съ главками наверху, какъ было раньше въ пятиглавыхъ московскихъ храмахъ. Наконецъ, самое размѣщеніе московскихъ главъ было всегда по угламъ четыреугольника, тогда какъ украинскія башни ставятся по сторонамъ главной башни, т. е. на востокъ и западъ, а въ случаѣ пятибашенной церкви—еще на сѣверъ и югъ. Всѣ эти черты какъ разъ и замѣчаемъ мы въ разсматриваемыхъ теперь церквахъ. Всѣ онѣ пирамидальны, у всѣхъ у нихъ замѣтно большее или меньшее стремленіе выдѣлить башни, и наконецъ, при пятиглавіи, у всѣхъ у нихъ боковыя главы ставятся на сѣверъ, востокъ, югъ и западъ.

Но тутъ являются и мѣстныя особенности. Всѣ эти церкви стоятъ на подклѣтахъ—пріемъ, заимствованный изъ сѣверныхъ деревянныхъ церквей; подклѣты эти нерѣдко образуютъ галлереи, на подобіе гульбищъ въ древнихъ теремахъ, съ широкими лѣстницами, перемежающимися рундуками — тоже, какъ было въ жилыхъ хоромахъ.



Церковь въ селѣ **Дьяково.**

Церковь въ селѣ **Коломенскомъ.**

Худож. фот. В. П. Орлова.

Переходя къ колокольнямъ, начнемъ нашъ обзоръ съ *Ивана Великаго,* который является и наиболѣе старинной, и наиболѣе извѣстной изо всѣхъ московскихъ колоколенъ. При этомъ нужно замѣтить, что относительно ея твердо держится ошибочное мнѣніе, будто первоначально былъ выстроенъ столпъ, при Борисѣ Годуновѣ, а затѣмъ уже остальная ея часть, получившая наименованіе «филаретовской пристройки». Въ дѣйствительности же это было совсѣмъ иначе. Еще въ 1532 году итальянскій архитекторъ Петрокъ Малый заложилъ на площади Ивана Святого новую обширную колокольню съ храмомъ во имя Воскресенія, при чемъ послѣдній былъ достроенъ въ 1543 году. Колокольня была выстроена по образцу псковскихъ колокольницъ, въ видѣ четырехстѣннаго зданія. Это подтверждается, кромѣ того, и техническими особенностями этой постройки отъ другихъ частей, и, наконецъ, изображеніемъ Ивана Великаго въ одномъ изъ путешествій по Россіи, гдѣ эта часть колокольни изображена безъ башни.

Церковь Знаменія Пр. Богородицы.
При домѣ Шерметева.

Самый столпъ былъ пристроенъ, съ южной стороны, Борисомъ Годуновымъ, въ 1600 году, при чемъ, вѣроятно, побудительною причиною сооруженія такой высокой башни была возможность обозрѣвать съ нея свои полки и татарскіе во время ожидавшагося тогда нашествія татаръ; при Михаилѣ Ѳедоровичѣ и съ сѣверной стороны сдѣлана еще пристройка, за которой только, собственно, и слѣдуетъ сохранить наименованіе «филаретовской». При взрывѣ, произведенномъ по распоряженію Наполеона, эта послѣдняя пристройка вмѣстѣ съ верхнею частью первоначальнаго зданія была разрушена, а самый столпъ далъ лишь трещину.

Другія колокольни представляютъ типъ шатровыхъ колоколенъ — типъ чисто деревянной архитектуры, при чемъ въ Москвѣ можно прослѣдить постепенное развитіе этого типа.

Колокольня церкви *Дмитрія Солунскаго*, на Тверской, относящаяся къ эпохѣ Алексѣя Михайловича, представляетъ собою прямоугольникъ въ планѣ съ трехпролетными стѣнками, наверху покрытый четырехграннымъ же шатромъ, имѣющимъ съ каждой стороны по три отверзтія — «слухи», расположенныя въ два ряда. Самые «слухи» обработаны по образцу оконъ.

Подъ вліяніемъ тѣхъ же деревянныхъ построекъ, форма эта изъ прямоугольной переходитъ въ восьмигранную, какъ мы видимъ на упоминавшейся выше церкви *Рождества въ Путинкахъ*. Дальнѣйшее развитіе этой формы заключается въ увеличеніи ея размѣровъ и въ нарастаніи числа «слуховъ». Два яруса «слуховъ» переходятъ въ три яруса (церковь *Спаса на Пескахъ,* въ Каретномъ ряду); затѣмъ, при трехъ ярусахъ слуховъ, нижній рядъ дѣлается въ видѣ двойныхъ оконъ (церковь *Николы въ Хамовникахъ*, *Троицы въ Зубовѣ*), послѣ этого являются четыре ряда «слуховъ» (церковь *Адріана и Наталіи*, на Мѣщанской), и, наконецъ, четыре ряда слуховъ съ парными окнами въ нижнемъ ряду (церковь *Николы Явленнаго,* на Арбатѣ). Четырехгранный низъ дѣлается, по большей части, двухъярусный, верхній ярусъ убирается окнами и цилиндрическими колонками, а нижній имѣетъ входъ, нерѣдко украшенный подвѣсными арочками и одиночными или двойными балясинами по угламъ.

На этомъ заканчивается развитіе древней московской церковной архитектуры, такъ какъ дальнѣйшія сооруженія строились уже подъ вліяніемъ академическаго искусства.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЯГО ВЫПУСКА.

В. В. Нечаевъ. Общій видъ и внѣшній ростъ Москвы за XVI—XVII вѣка 5

Пр.-доц. Ю. В. Готье. Окрестности Допетровской Москвы. 28

Пр.-доц. М. М. Богословскій. Составъ московскаго населенія въ XVI—XVII вв. 44

В. В. Нечаевъ. Уличная жизнь Москвы въ XVI—XVII вв. 56

С. К. Богоявленскій. Управленіе Москвой въ XVI—XVII в.в. 81

А. П. Новицкій. Церковная архитектура Москвы 97